

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Гузевич Д. Ю.** Дипломатическая цель Великого посольства 1697–1698/99 3
Сидорович Е. С. Экономическая деятельность французских переселенцев на юго-западе Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам государственных архивов Украины) 11
Сачкова Г. С. Жизненный путь николаевского сановника: А. С. Норов 16
Морозова Е. Н. Борьба вокруг валуевского проекта земской реформы: замечания М. А. Корфа и Г. А. Щербатова 23
Лёвин С. В. Проведение земскими статистиками подворных переписей крестьянских хозяйств 30
Штепа А. В. Социальное служение Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. в современных отечественных исследованиях 36
Соловьева Т. А. Повседневная жизнь воспитанников детских домов советского провинциального города в 1920–1930-е годы 42

Всеобщая история и международные отношения

- Лапырёнок Р. В.** Гракхи и *ager Campanus* 46
Многолетняя Е. Н. Произведения европейских гуманистов в репертуаре чешского книгопечатания раннего периода (1468–1620 годы) 49
Гладышев А. В. «Le Courrier de Smyrne»: из истории антирусской пропаганды в Турции в конце 1820-х годов 53
Старков О. А. К вопросу о терминологии в исследовании феномена праворадикального движения 61
Бурашников А. Б. Неопантюркизм и неосманизм во внешней политике Турции 65
Лапенко М. В. Проект создания Евразийского союза и его восприятие в политической элите и экспертном сообществе перспективных стран-участниц 69
Красанцов Е. С. ШОС в глобальном окружении критики на фоне активной «базовой» политики США в «Большой Центральной Азии» 79

Региональная история и краеведение

- Бабинцев Р. В.** Мордва в системе золотоордынской государственности 85
Киреева К. М. Торговый путь от берегов Волги в Древнюю Русь через Верхнее Посурье и Примокшанье в XI–XIV веках 89
Рабинович Я. Н. Основание Саратова и первые гости города (1590–1591) 91
Адамова Л. Г. Регламентация деятельности городских добровольных пожарных обществ Саратовской губернии (конец XIX – начало XX в.) 95
Калякина А. В. Использование труда военнопленных в Саратовской губернии в 1914–1917 годах 99
Данилов В. Н. Оборонно-промышленный комплекс Саратова в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и деятельности 102

Критика и библиография

Представляем книгу

- Майорова А. С.** Рецензия на книгу: Джон Т. Александер. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. 112

Приложение

Хроника

- Чернова Л. Н.** К 95-летию гуманитарного образования в Саратовском университете 115

Сведения об авторах

118

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
 Аксеновская Людмила Николаевна
 Аникин Валерий Михайлович
 Балаш Ольга Сергеевна
 Бучко Ирина Юрьевна
 Вениг Сергей Борисович
 Волкова Елена Николаевна
 Голуб Юрий Григорьевич
 Захаров Андрей Михайлович
 Ивченков Сергей Григорьевич
 Комкова Галина Николаевна
 Лебедева Ирина Владимировна
 Левин Юрий Иванович
 Макаров Владимир Зиновьевич
 Монахов Сергей Юрьевич
 Орлов Михаил Олегович
 Прозоров Валерий Владимирович
 Федотова Ольга Васильевна
 Федорова Антонина Гавриловна
 Черевичко Татьяна Викторовна
 Шатилова Алла Валерьевна
 Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна
 Герман Аркадий Адольфович

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич
 Голуб Юрий Григорьевич
 Креленко Наталия Станиславовна
 Мезин Сергей Алексеевич
 Монахов Сергей Юрьевич
 Черевичко Татьяна Викторовна
 Чолахян Вачаган Альбертович
 Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
 Свидетельство о регистрации СМИ
 ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 03.06.13.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 500 экз. Заказ 22.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Gouztvitch D. Ju.** The Diplomatic Aim of the Great Embassy 1697–1698/99 3
- Sidorovich E. S.** The Economic Activity of French Settlers on the South-west of Russian Empire in the End of XVIII – the First Half of XIX Century (According of Materials of State Archives of Ukraine) 11
- Sachkova G. S.** The Course of Life of a High Official under Nikolas: A. S. Norov 16
- Morozova E. N.** The Struggle around Valuev's Project of Zemstvo Reform: Suggestions by M. A. Korf and G. A. Sherbatov 23
- Lyovin S. V.** Conducting a House-to-House Census of Peasant Households by Zemstvo Statisticians 30
- Shtepa A. V.** Social Service of the Russian Orthodox Church in the Second Half of XIX – Early XX Centuries in Contemporary Domestic Studies 36
- Soloviova T. A.** The Daily life of Inmates of Children's Homes of the Soviet Provincial City in 1920–1930-ies 42

World History and International Relations

- Lapyrionok R. V.** The Gracchi and the *Ager Campanus* 46
- Mnogoletnyaya E. N.** The Works of European Humanists in the Repertory of the Czech Book Printing in its Early Period (1468–1620) 49
- Gladishev A. V.** «Courier de Smyrne»: from the History of the Anti-Russian Propaganda in Turkey at the End of the 1820s 53
- Starkov O. A.** To the Question of Terminology in Research of Phenomenon of Radical Right 61
- Burashnikova A. B.** Neopan-turkism and Neo-ottomanism in the Foreign Policy of Turkey 65
- Lapenko M. V.** Eurasian Union and its Perception within the Political Elite and the Expert Community of Prospective Members 69
- Krasantcov E. S.** SCO in the Global Encirclement of Criticism Against the Background of the Active U. S. Base Policy in the «Great Central Asia» 79

Regional History and Local Studies

- Babintsev R. V.** Mordva in the Statehood's System of Golden Horde 85
- Kireyeva K. M.** The Trade Route from the Volga Banks to the Ancient Rus' through the Upper Posur'ye and Primokshan'ye from the XIth unto XIVth Centuries 89
- Rabinovich Ya. N.** The Foundation of Saratov and First Town's Visitors (1590–1591) 91
- Adamova L. G.** Regulation of Activity of City Voluntary fire Societies of the Saratov Province in the End of the XIXth and the Beginning of the XXth. 95
- Kalyakina A. V.** The Utilization of Prisoners of War Labour in Saratov Province in 1914–1917 99
- Danilov V. N.** The Defence-Industry Complex of Saratov at the Years of the Great Patriotic War: the Problems of Formiration and Activity 102

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Mayorova A. S.** Review of the Book: Alexander John T. Emelijan Pugachov and Peasant Uprising in the Outlying Districts of Russia in 1773–1775 112

Appendices

Chronicle

- Chernova L. N.** To the 95th Anniversary of Humanitarian Education in Saratov University 115

Information about the Authors

118

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).05: 327

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА 1697–1698/99¹

Д. Ю. Гузевич

Школа высших социальных исследований, Париж
E-mail: gouzevit@ehess.fr

В статье рассмотрены реальные дипломатические цели Великого посольства (ВП), которые полностью не были раскрыты в официальных документах и оставались загадкой. Выявлены цели, к достижению которых стремилось «ядро ВП», а также те, которых добивались ехавшие на юг стольники и боярин Б. П. Шереметев. Выявлено, что присутствие ВП на Рисвикском конгрессе в виде наблюдателей не было случайным событием, и показано, что дала России эта акция. Высокая степень согласованности всех групп, участвовавших в «большой акции ВП», позволяет говорить о наличии достаточно стройного первоначального замысла по «силовому» введению России в концерт европейских государств. Именно поэтому так легко произошла в ходе путешествия смена южного направления внешней политики (коалиционной войны против Османской империи) на северное (коалиционную войну против Швеции). И то, и другое было лишь конкретизацией претензий на участие в европейском концерте, которая менялась с учетом изменявшихся общеполитических условий.

Ключевые слова: Великое посольство, Петр I, Рисвикский конгресс, Священная лига, Б. П. Шереметев, П. А. Толстой.

The Diplomatic Aim of the Great Embassy 1697–1698/99

D. Ju. Gouztvitch

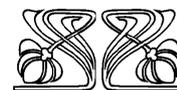
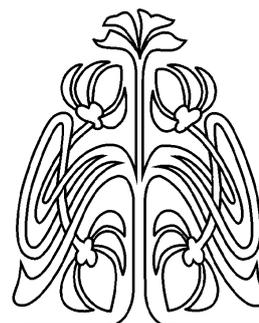
The article deals with the real diplomatic aims of the Great embassy (Velikoe posol'stvo, VP) which were not fully disclosed in the official documents and remained a mystery. We could identify the goals that the «core of the VP» sought to achieve, on the one hand, and the objectives of the partlers who travelled to the south and the lord steward, B. P. Sheremetev, on the other. It has become evident that the presence of the VP as an observer on the Rijswijk Congress was not a random event. We show what was the result of this action for Russia. The high degree of coordination of all the groups participating in the «big action of VP», suggests the presence of a sufficiently well-developed initial intention of «power introduction» of Russia into the European concert of nations. That is why it was so easy to change, during this travel, the orientation from the south (the coalition war against the Ottoman Empire) to the north (the coalition war against Sweden). All this was only a concretization of the claims for participation in the European concert, which varied in response to the changing general political conditions.

Key words: Great embassy, Peter I, congrss of Rijswijk, Holy league, B. P. Sheremetev, P. A. Tolstoy.

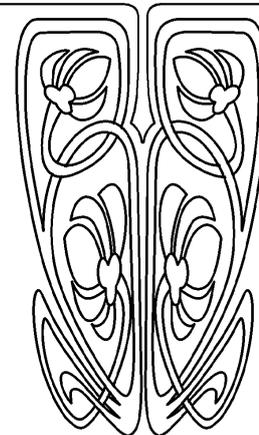
Постановка вопроса

Парадоксальным образом реальная дипломатическая цель Великого посольства до сих пор остается одной из главных загадок этой, едва ли не самой грандиозной дипломатической акции Московского государства. Это ясно выразил Е. Анисимов: ни новые, ни старые публикации «не дают удовлетворительного ответа на вопрос, зачем поехал в Европу Петр, и что он там так долго делал?»².

Перед нами тот случай, когда отсутствует надежда найти решение проблемы в еще неизвестных архивных документах. И дело не в гибели бумаг в одном из московских пожаров, – комплекс дипломатических документов, связанных с ВП, сохранился практически полностью. Более того, подавляющая часть его опубликована – как в специальных публикаторских работах, так и в виде приложений к аналитическим

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

трудам³, а остальное детально проанализировано (как черновые версии статейного списка ВП⁴). Но ни один из текстов не дает однозначного решения проблемы.

И тем не менее, к настоящему времени в печати появился такой массив документов, – и российских, и западноевропейских; и официальных, и частных, – что их комплексный анализ позволяет дать обоснованный ответ на поставленный вопрос, как, впрочем, и проясняет причину, по которой эти цели оказались не сформулированы ни в каком едином документе.

Официальная версия и версии, предлагаемые в историографии

Итак, приступим, еще раз подчеркнув, что общепризнанно отсутствие документа, где были бы официально сформулированы дипломатические цели ВП⁵, и что два существующих наказа этой проблемы не решают.

Первый, официальный и «рутинный», был передан Великим послам 25 февраля / 7 марта 1697 г. Он касался церемониала и внешних форм отправления посольства. Второй, приватный, содержал описание технических действий и был подготовлен Петром I в начале марта 1697 г.⁶ В современной терминологии его можно охарактеризовать как заказ на массивный перенос знания и материалов для создания новой большой технической системы – военно-морского флота. Если сюда добавить обучение, то и получится: комплекс целей «знаниевого» характера. Именно их как основную задачу путешествия позднее представлял сам Петр в предисловии к «Уставу морскому»⁷. Эти вопросы были разобраны нами в книге «Великое посольство»⁸, где дипломатических целей мы не касались.

Текст указа о снаряжении посольства от 6 декабря 1696 г. гласил: «Государь указал, для своих великих государственных дел, послать в окрестные государства, к цесарю, к королям Английскому и Датскому, к папе Римскому, к Голландским штатам, к курфирсту Бранденбургскому и в Венецию, великих и полномочных послов <...> с верующими полномочными грамматами, для подтверждения древней дружбы и любви, для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста Господня, салтана Турского, хана Крымского и всех бусурманских орд, к вящему приращению государей христианских». Другая редакция указа несколько короче и завершается пассажем: «А по чему им в тех государствах будучи, его, великого государя дела делать, и о том дать им из Посольского приказу наказ» (тот, «рутинный»)⁹.

Мы отнюдь не отрицаем, что Петр хотел расширить союз для войны против турок. Однако реальная деятельность ВП не укладывается в эти рамки, что вызывает сомнение в истинности официально объявленных целей.

Согласно классической версии, повторяемой в историографии, Петр хотел не только расширить союз для войны против турок, но и оживить действия Священной лиги. Однако в действительности ни о каком «оживлении» и речи быть не могло, ибо в 1694–96 гг. члены Лиги, исключая Польшу, вели активные боевые действия, и подгонять их было не надо. К тому же, до января 1697 г. Московия не являлась членом Лиги, в которую ее еще с весны 1684 г. безуспешно пыталась привлечь Австрия. Императорские послы, бароны Иоганн Кристоф Жировский и Себастьян Блюмберг, находившиеся в Москве с 14 мая до 24 июня 1684 г., оказались в тупике, ибо им справедливо заявили, что не могут вступать в союз, членом которого является Польша, ибо с последней не улажены проблемы мира¹⁰. В результате Австрия была вынуждена надавить на Польшу. И та, оказавшись в безвыходной ситуации, подписала в 1686 г. крайне невыгодный для себя Вечный мир с Московией, по которому окончательно теряла Киев. Россия же заключала союз лишь с Польшей, которая в Священную лигу как раз входила. Парадоксальным образом этот дипломатический триумф правительства Софьи – Голицына через три года привел к смене власти в Москве. За него пришлось платить двумя Крымскими походами 1687 и 1689 гг., – крупнейшими военными операциями, к которым Московия оказалась не готова ни в военном, ни в техническом, ни в организационном плане. И все же, в ходе обоих походов, хотя они и провалились с точки зрения внутренней политики, русские оттягивали на себя часть сил противника, облегчая ситуацию на западных фронтах. Тем самым условия Вечного мира Россией выполнялись, и Польша претензий предъявлять не могла.

Патриарх Иоаким (1620 – 17/27.3.1690) – человек крайне изоляционистских взглядов – встал на сторону Петра в конфликте с сестрой, в первые полгода после ее падения во многом определял политику правительства Нарышкиных. Скорее, он выступил не за Петра, а против царевны Софьи и князя Голицына из-за их толерантности в отношении представителей западного христианства. Изгнание Иоакимом иезуитов 2–5/12–15 октября 1689 г.¹¹ поставило отношения с Австрией почти на грань разрыва¹². И Московия больше не предпринимала никаких военных действий против Османской империи (хотя Австрия ее и подталкивала к этому в 1690–92 гг.) вплоть до Азовских походов 1695–96 гг.

Другими словами, в 1687–89 и 1695–96 гг. Россия действовала против Турции *заодно*, *совместно* с Лигой, но не как ее член.

Дьяк Нефимонов, отправленный в Вену в декабре 1695 г. для заключения договора с Австрией (что членом Лиги Россию еще не делало), не имел полномочий на вступление в Лигу. Более того, Москва категорически не хотела в нее вступать.

Согласие на союз сразу с Австрией и Венецией Петр принял лишь под Азовом 15/25 июля

1696 г., а на включение в союз Польши дал в грамотах 3/13 и 14/24 ноября 1696 г.¹³ Это были уже шаги по вхождению в Священную лигу. Австрия (но не Московия) вывернула руки всем союзникам и добилась ее возобновления в расширенном составе: коалиционное объемное мышление австрийских дипломатов против двустороннего плоскостного – московских.

Венский договор, подписанный 29 января / 8 февраля 1697 г.,¹⁴ предполагал 3-летний наступательный союз Империи, Московии, Венеции и Польши. Переговоры по вине русской стороны тянулись долго и закончились в период подготовки ВП. Поэтому, если вначале одной из его целей могло ставиться завершение этих переговоров (почему первым запланировали путешествие в Вену), то на момент отъезда уже нет.

В 1944 г. В. Гражувль в лекциях по истории разведки утверждал, что целью ВП была подготовка наступления сразу на две страны: союзников Петра якобы хотел направить против Турции, а сам сосредоточиться на Швеции¹⁵. В середине 1980-х гг. В. Возгрин предположил, что Петр I поехал в Европу сколачивать антишведский союз¹⁶. Его позиция была подвергнута обоснованной критике¹⁷. Возгрин собрал факты о сколачивании антишведского союза в ходе ВП, но среди них *нет ни одного*, который бы доказывал наличие подобных замыслов *до отъезда*. Все они укладываются в схему переориентации замыслов *в ходе путешествия*.

Анализ существующих документов

Подойдем с другого конца: когда в качестве цели ВП возникла идея создания европейского союза против Турции? Ответ: между 15/25 июля и 3/13 ноября 1696 г., ибо, чтобы выдвинуть идею расширения Лиги до общеевропейской коалиции, надо вначале увидеть себя ее членом. Это ключевые даты осмысления Московией принципиально нового для себя явления: участия в европейском концерте. Пока еще ограниченном и однонаправленном – против Турции.

Во время путешествия об антиосманском характере ВП говорили открытым текстом. Барон Бломберг после беседы в Митаве с Лефортом: «Главная цель их путешествия – пригласить христианских государей продолжать войну против турок в надежде не менее, как на завоевание Константинополя»¹⁸.

Однако слишком легко Петр повернул внешнюю политику с Юга на Север, фактически отказавшись от борьбы за сохранение Священной лиги. О том, что султан собирается просить мира, послы узнали в Амстердаме по агентурным каналам уже 8/18 декабря 1697 г. А 16/26 декабря пришло приглашение цесаря срочно приехать в Вену¹⁹. Вместо этого Петр поехал в Англию.

Отсюда вопрос: действительно ли формирование широкой антитурецкой коалиции было основной дипломатической задачей ВП?

Для ответа проанализируем его целеполагающие документы. Именно в ходе этой процедуры мы и подходим к загадке отсутствия официального наказа – главного дипломатического документа для любого посольства, где бы излагалась официальная цель акции. Но так ли уж его нет? Что, если он существует не отдельно, а в составе других документов, т. е. в форме совсем не канонической? Обратим внимание на 15 грамот, приложенных к процедурно-церемониальному наказу: 1 проезжая, 7 верующих и 7 полномочных (к цесарю, папе римскому, венецианскому дожу, голландским штатам, бранденбургскому курфюрсту, английскому и датскому королям).

Из них наиболее важными для нашего исследования являются верующие грамоты, которые содержат описание целей приезда, а потому *de facto* как раз и представляют собой совокупный дипломатический наказ послам. Цель, заявленная 6/16 декабря 1696 г. в тексте указа о снаряжении посольства, в грамотах от 25 февраля 1697 г. уже не звучала так прямолинейно. Мотив войны с Турцией и союза против нее («советы наши к безопасному христианскому делу и намерению, против неприятеля креста святого, явственно предложить, также и общепотребные дела в настоящее удобное время к ведению святой войны благополучно соединить»²⁰) был сформулирован лишь в верующей грамоте к папе. Уже из грамоты к цесарю упоминание о войне и союзе исчезает, хотя в основе та же фраза: «советы наши к безопасному намерению явственнейше объявить, также и общепотребные дела удобнее и благополучнее совокупить»²¹. И описание целей очень расплывчатое.

25 февраля в Москве еще не могли иметь отписок Нефимонова «о совершении союзного дела», посланных 30 и 31 января через Ригу и Польшу. Первая пришла лишь через 3 дня, 28 февраля / 10 марта, Петр был с нею тут же ознакомлен и приказал сделать выписки «к себе В. Г-рю в доклад тотчас», а вторая – 12/22 марта, когда ВП уже покинуло Москву, и, так как она дублировала предыдущую, Л. К. Нарышкин решил ее вдогонку не посылать. Однако 23 февраля / 5 марта Петр был уже ознакомлен с письмом, посланным из Вены через рижскую почту 20/30 января о 10-й встрече с «цесарскими министрами», из которого ясно, что дело подходило к концу. Вот оно и послужило основой для изменения формулировки в письме к цесарю (ибо ясно, что союз уже заключен) и в Венецию. Для завершения документов понадобились два дня – с 23 по 25 февраля. К тому же 25 февраля Украинцев сообщил Петру копию письма Нефимонова, посланную из Вены 23 января / 2 февраля 1697 г. и пришедшую через виленскую почту²². Однако текст грамоты в Венецию несколько отличается от грамоты цесарю, совпадая с формулировками к Голландским штатам и Бранденбургскому курфюрсту: «советы наши к безопасному союзному

намерению удобно избранные явственно предложить, и общепотребные дела благополучнее соединить»²³.

Возникает ощущение, что в Посольском приказе думный дьяк Е. И. Украинцев и боярин Л. К. Нарышкин так до конца и не прочувствовали, что Нефимонов, посланный для заключения союза с цесарем, в реальности заключил союз с тремя государствами, в том числе с Венецией. Таким образом, в верующих грамотах к ним говорится о союзах, но не утверждается, что договоры должны быть направлены против турок. События ВП подтверждают нашу позицию: в Кёнигсберге был подписан договор о дружбе и торговле, а не договор о союзе против Турции (о чем речи вообще не было) или против Швеции (что предлагал курфюрст, но на что не пошел Петр I).

В грамоте к королю Дании вместо упоминания о союзе есть лишь ни к чему не обязывающий пассаж про «советы наши к безопасному христианскому делу»²⁴. К «Аглинскому» королю: «постоянную нашу братскую дружбу и любовь объявить, и советы наши предложить, и общепотребные дела удобнее и благополучнее соединить»²⁵. Здесь нет даже «христианского» дела, которое хоть как-то можно представить направленным против Османской империи, если бы еще не одна, 16-я грамота (к французскому королю), которую так и не завершили, и потому она не вошла в официальную окончательную редакцию «Статейного списка»: «Для утверждения <...> нашей братския дружбы и любви, и для предложения потребных обоим нашим великим государем и государствам нашим и всему христианству общих дел <...>»²⁶. Здесь как раз есть общие христианские дела. Но ведь Франция была союзницей Турции, и Петр это прекрасно знал еще со времен Азовских походов. А, значит, «христианская» формула значительно шире, чем призыв к войне с неверными.

Итак, в верующих грамотах о прямом союзе против турок говорится лишь по отношению к папе, с которым уже в силу того, что он – глава католической церкви, никаких других союзов мыслиться не могло. А далее тема союза редуцируется: от исчезновения указания на противника до отсутствия указания на сам союз. Тогда что остается в качестве цели?

Вчитаемся в окончание всех грамот, кроме «папской»: «общепотребные дела [удобнее] и благополучнее соединить», «для предложения потребных обоим нашим <...> государствам <...> общих дел». Вот ключевые фразы, никак не отменяющие остальных (войну против Турции, обучение, найм, закупки): Москва входит в Европу и собирается с *каждым* государством иметь «общепотребные дела», в том числе и с римским папой – просто в данном случае они названы конкретно во избежание кривотолков с обеих сторон. Яснее о претензии на участие в общем концерте и не скажешь. Ибо вряд ли можно требовать пассажи о вхождении в Европу или прорубании туда окна:

автор формулы (1739), Франческо Альгаротти (1712–64), еще даже не родился²⁷. Его, правда, опередит свидетель пребывания Петра в Англии, Даниель Дефо, который через 12 лет, в 1710 г., опишет, как русские «открыли дверь в Европу»²⁸. Но и это будет постфактум.

Имеются ли факты, подтверждающие нашу точку зрения? Да. Обратимся к большой акции ВП, рассмотрев отдельно путешествие ядра ВП, и отдельно – Шереметева и стольников.

Дипломатическая цель путешествия Б. П. Шереметева и стольников

При отправке последних в документах дипломатические цели в принципе не могли быть отражены, ибо формально стольники ехали частным образом, и поручения Петр мог давать им лишь устно. А посему проанализируем их действия. Причем результаты, в отличие от случая ядра ВП, дадут информацию о первоначальном задании, ибо с ядром ВП ехал сам царь, который мог менять направленность действий. А Шереметев и стольники ориентировались на исходные задания, хотя могли быть и дополнительные инструкции. Таковых явно ожидал с 30 июня / 10 июля 1698 г., завершив изначально оговоренную часть программы, Шереметев²⁹. Одна из неразрешенных загадок – сама цель его путешествия. Мнения объединяются в 5 групп, из которых первые 3 – несостоятельны (личные мотивы и элемент добровольности присутствуют во всех).

1. Официальная дипломатическая миссия. Наиболее старое мнение, выразившееся в публикаторском названии, которое дал дневнику Шереметева Н. И. Новиков: «Статейный список»³⁰. Однако документы, его подтверждающие, отсутствуют. Впрочем, своему путешателю дневнику Шереметев не случайно придал характер статейного списка. Он уже когда-то ездил послом, и такой стиль был для него органичен. А еще одну причину назовем позже.

2. Подготовка приезда в Италию Петра I³¹. Версия, родившаяся от безуспешности попыток понять смысл миссии Шереметева. Однако готовить подобным образом приезд царя не было нужды, что показали его визиты в 6 стран. Перед официальным же визитом в страну посылались гонец «со обещанием». Но боярин таковым не был, и соответствующих грамот не имел.

3. Привлечение к союзу против турок различных стран³². Эти страны: Польша, Австрия, Венеция, Папский престол, Мальтийский орден и так воевали с Турцией. А Венеция, Австрия и Польша в январе 1697 г., т. е. за 5 месяцев до выезда Шереметева из Москвы, заключили с Россией договор о наступательном союзе на 3 года. К тому же в его дневнике нет ни слова о подобных переговорах. И наконец, для их ведения и заключения соглашений, Шереметев

должен был иметь дипломатический ранг, но не имел. Да и заключено ничего не было.

4. Еще Корб высказал мысль, что путешествие Шереметева «было на самом деле почетной высылкой»; Заозерский повторяет идею как «наличие элемета ссылки в путешествии Шереметева»³³. С этой гипотезой увязывается и мнение современников, что посылавшиеся в Европу отпрыски знатнейших фамилий играли роль заложников³⁴. Ее независимое подтверждение – в самом факте замены поездки стольника Михаила Борисовича Шереметева путешествием его отца, боярина Бориса Петровича: сын оставался заложником в Москве. Однако это отчасти объясняет лишь сам факт поездки, но не ее цели.

5. Мальта изначально стояла как конечный пункт его поездки, и Шереметев, заразившись в Киеве «своеобразной феодальной романтикой», мечтал получить звание рыцаря³⁵. Этот пункт не противоречит предыдущим, внося элемент добровольности в путешествие.

Для прояснения ситуации ответим на вопросы: а) чем занимался Шереметев во время своего вояжа? б) не обнаруживается ли аналогичных действий, совершавшихся стольниками?

Боярин встречался с монархами, главами, высшей администрацией и духовенством 7 стран (Польши, Австрии и Священной Римской империи, Венгрии, Венеции, Папского государства, Мальты, Флоренции), а также Неаполя и Сицилии, принадлежавших Испании. И кроме Польши все они – либо средиземноморские, либо имели влияние в регионе. В трех случаях с Шереметевым были переданы любительные грамоты царю и устные донесения (папы Иннокентия XII и два – великого магистра Мальтийского ордена), а еще одну Венеция послала через своего посла Рудзини и Возницына; три государя (император, дож Венеции и Великий Магистр), царский чрезвычайный посланник в Польше и губернатор Рима дали ему в сумме 7 рекомандательных писем и путевых аттестатов; в 4 случаях он получил награды: от императора алмазным перстнем со своей руки для постоянного ношения; от папы римского Золотым крестом с частицей «Древа Животворящего Креста Господня»; Мальтийским крестом на Мальте; в Вене королем Римским и Венгерским – шпагой в золоте и с алмазами³⁶. И это при том, что официальные переговоры не велись и трактаты не подписывались.

По Италии и на Мальту Шереметев ездил с братьями, стольниками Володимиром и Василием. Кто-то из стольников призжал на Мальту в июне и августе 1698 г.; стольник князь П. А. Голицын встречался с флорентийским герцогом Козимо III³⁷.

Но наибольшие аналогии находим в путешествии стольника П. А. Толстого³⁸, хотя если статус Шереметева можно признать полуофициальным, то у того не было и такого. Отличие его контактов от таковых же Шереметева – в их уровне: у

боярина это высший и средний иерархические уровни, у Толстого – средний, хотя были контакты и на высшем (на Мальте, в Венеции). Для Шереметева встречи и приемы составляют едва ли не основное значение поездки; для Толстого это один из нескольких элементов наряду с обучением и «туризмом». Он иногда от визитов на высшем уровне (как во Флоренции) мог и отказаться, если это путало его планы. Толстой также получал путевые листы (из Дубровника, из Неаполя, от Великого магистра), но это не предмет гордости, а служебные бумаги. По Далмации и испанской Италии его сопровождали князья Михаил и Андрей Хилковы.

На современном языке все это можно охарактеризовать как «установление связей» и «прощупывание почвы» на неофициальном и полуофициальном уровнях. Подобную деятельность мы бы определили как установление и развитие сети дружественных контактов со странами Средиземноморья и формирование в этой среде благоприятного мнения о России. Близкую мысль высказал Шмурло: Шереметев послан «вообще для сближения русского правительства с Римским Престолом»³⁹. Совместные действия против турок используются как дополнительный аргумент для укрепления отношений, но не являются целью путешествий. Отсюда понятна и вторая причина близости дневника Шереметева к «Статейному списку»: он, будучи частным лицом, но выполняя миссию представителя Московии, описал ее в форме, максимально приближенной к официальному документу, «силовым» путем подымая свой статус.

Сопоставим все это с двумя известными блоками фактов:

а) сам Петр ехал инкогнито, и его личные контакты носили столь же неофициальный или полуофициальный характер. На официальном же уровне дела вели послы;

б) барон Бломберг зафиксировал идею завоевания Константинополя, которую лелеяли весной 1697 г. московиты. Из письма Лейбница от 3/13 августа 1697 г. к Петру Лефорту о встрече Петра I и курфюрстин следует, что завоевание Константинополя обсуждалось и во время их разговора. При визите к Шереметеву 18/28 февраля 1698 г. первый сенатор Венеции пожелал «Великому Государю обладати и царствующим градом Константинополем». И наконец, Корб: «москвитяне, овладев крепостью Очаковым, могли бы своим победоносным флотом навести ужас на далекое пространство вокруг стен Константинополя». В этих четырех независимых случаях названа окончательная цель, которую ставил Петр в войне против Турции. А овладение Константинополем – это контроль за проливами. Наличие этой цели подтверждают требования свободы судоходства по ним, которые предъявлял третий великий посол, П. Б. Возницын, на Карловицком конгрессе⁴⁰.

Южная политика Петра была направлена на выход в Средиземное море, на средиземноморские торговые пути. Но тогда установление контактов с правящими особами стран этого региона Шереметевым и стольниками есть не что иное, как активное начало средиземноморской политики Петра, призванное подготовить почву для будущих партнерских отношений, торговых и союзных договоров. Своей предполагавшейся поездкой в 1698 г. в Италию, а то и во Францию, Петр должен был развить и закрепить их успех (но это отнюдь не равносильно утверждению, что Шереметев «готовил его приезд»). Еще только намереваясь выйти в Средиземное море, Петр уже предпринимает шаги по превращению государств региона, чьи контакты с Москвией были крайне редки, в группу дружественных. Союз против Турции в данном контексте превращается в важный, но короткий акт, рассчитанный на срок от 3 до 7 лет (предел, который Петр ставил Нефимову при переговорах в Вене), в то время как торговые и дипломатические связи ограничений могут и не иметь.

Вот и одна из основных задач, которую должна была начать решать «большая акция ВП»: дипломатическое освоение Россией Средиземноморья.

Недекларировавшиеся цели самого ВП

Чтобы выяснить, не было ли у Петра еще каких-либо дипломатических целей, кроме официально заявленных, выделим две группы его действий.

Первая из них включает акции, направленные на достижение целей заявленных, т. е. на продолжение войны с Турцией, на вовлечение европейских государств в эту войну и/или получение от них помощи для ее ведения. Сюда войдут переговоры со Штатами в Гааге, визит послов к Бранденбургскому курфюрсту в Кёнигсберге, переговоры в Вене, официально несостоявшийся визит в Венецию, участие в Карловицком конгрессе. Отнюдь не все они были предвидены заранее и, уж тем более, желательны (как последнее событие), но все находились в непосредственной связи с войной против Османской империи.

Вторую группу составляют действия явно случайные, которые не могли быть запрограммированы заранее, и/или инициаторами которых выступали другие монархи или правители. Это до сих пор не совсем ясные переговоры с Курляндским герцогом в Митаве; соглашение о торговле и дружбе с Бранденбургским курфюрстом и устное соглашение между ним и Петром о военной помощи; встречи Петра с Вильгельмом III в Голландии и Англии и с Августом II – в Раве.

В отличие от первой группы событий, где действующими лицами были великие послы, во второй эту функцию выполнял сам Петр, а если и привлекал Лефорта, то, скорее, в качестве переводчика.

Вмешательство в польские дела и поддержку новоизбранного Августа II можно рассматривать в рамках обеих групп.

Итак, было ли еще какое-либо крупное дипломатическое событие, в котором участвовало бы ядро ВП, но которое не вписывается ни в одну из этих групп? Было. Присутствие на Рисвическом конгрессе. Р. Виттрам, а за ним К. Цернак, И. Шварц, А. Лавров высказывали очень здравую мысль: Петр изменил маршрут в Кёнигсберге и поехал не в Австрию, а в Голландию именно потому, что там проходил Рисвический конгресс⁴¹. На наш взгляд, они точно уловили внутреннюю логику событий, а договор, подписанный 29 января / 8 февраля 1697 г. дьяком Нефимовым в Вене, не столько послужил причиной изменения маршрута, сколько дал возможность его изменить. Верфи в Саардаме для Петра и конгресс в Рисвике для послов – вот причины изменений. И ни о каком случайном попадании на конгресс речи нет. Это запрограммированное действие.

Вопросы: почему решение было принято именно 18/28 мая 1697 г. и в Кёнигсберге? было ли оно принципиально новым или его возможность предполагалась заранее?

Для ответа сопоставим даты. Конгресс начался 29 апреля / 9 мая 1697 г.⁴², хотя информация о его подготовке циркулировала в газетах значительно раньше. «The Post Boy» писал о Рисвике еще в марте 1697 г. Почта между Кёнигсбергом и Амстердамом зимой шла 24 дня⁴³, летом, морским путем, значительно быстрее. Так, весной-летом 1697 г. разница между событиями в Кёнигсберге и их отражением в «Amsterdamse Dingsdaegse Courant» составляла всего 11 дней⁴⁴. А это значит, что во второй декаде мая (ст.ст.) жители Кёнигсберга могли читать как голландские, так и английские газеты с описанием открытия конгресса. Петр не мог узнать об этом раньше. Он прибыл в столицу Пруссии 7/17 мая, т. е. до того, как там могли оказаться газеты с соответствующей информацией. Да и предыдущие 5 дней (со 2/12 мая) провел на корабле, путешествуя из Ливавы в Пиллау и оттуда в Кёнигсберг, и никакой почты в эти дни не имел. Отсюда очевидно, что информация о самом конгрессе, когда он уже начался, с неизбежностью могла (да и должна была) попасть в поле внимания царя именно в Кёнигсберге.

Нефимонов с грамотами о заключении союза с цесарем и вступлении Московии в Священную лигу (что, напомним, снимало необходимость поездки Петра в Вену) возвратился в Москву 11/21 апреля 1697 г. Таким образом, известие о его прибытии могло уйти к Петру лишь с почтой, отправленной через день-два после этой даты, начиная с 12/22 апреля. Но почту из Москвы, отправленную между 15 и 23 апреля (ст. ст.), Петр получил в Кёнигсберге спустя почти месяц и в два приема: 12/22 мая (сохранились лишь письма Г. И. Головкина от 15 и 22 апреля и Л. К. Нарышкина от 23 апреля), а также через

неделю, 18–19/28–29 мая, и, по всей видимости, их привезли в Кёнигсберг послы, о чем Петр и сам пишет⁴⁵.

18/28 мая 1697 г. состоялся торжественный въезд великих послов в Кёнигсберг и ужин, данный им от имени курфюрста. А под записью следующего дня уже говорится об изменении маршрута – не в Вену, а к королю «Аглинскому» (он же – штатгальтер Голландии)⁴⁶. Таким образом, либо Петр на основании полученной информации принял решение еще до появления послов, т. е. в период между 7/17 и 18/28 мая, и ожидал их лишь для сообщения об этом, либо оно было принято совместно вечером, после торжественного ужина, 18/28 мая (возможно, с учетом информации, привезенной послами) и на следующий день обрело официальную форму, в виде грамоты, посланной к находившемуся в Вене подьячему Михайлу Волкову для извещения цесаря.

Второй вариант кажется более вероятным. Но чтобы информация об открытии конгресса и возвращении Нефимонова сразу определила изменение маршрута, к ней надо было быть готовым. То есть заранее иметь в голове более либо менее четкие цели, которых ВП могло бы достигнуть, окажись оно в месте проведения конгресса. Другими словами, задачи сии должны были осознаваться еще в России. И здесь нельзя оставить без внимания запись в «Статейном списке» Нефимонова от 27 сентября / 7 октября 1696 г., когда он послал в Москву «5 листов курантов венской печати <...> на каких статья Француз с союзники приступает к миру». В письме от 31 октября / 10 ноября 1696 г. Нефимонов описал 8-й разговор с австрийцами, в котором они прямо заявляли: «у Цес. Вел-ва и у всех союзников ныне приходит со Французским Королем к миру, и надеются они тому совершения вскоре». А в письмах от 2/12 и 6/16 января 1697 г., – о 9-м разговоре, – сообщение о том, что французы, услышав об укорочении срока союза Австрии и Московии, стали в Гааге проявлять неуступчивость в предварительных переговорах. Два первых пакета дошли в Москву 10/20 ноября и 6/16 декабря соответственно, а III и IV должны были появиться в первой половине февраля⁴⁷. То есть с ноября 1696 г. в Москве знали (и продолжали получать информацию до самого отъезда ВП), что войне Аугсбургской лиги с Францией скоро придет конец. Но тогда послы воюющих держав должны будут в какой-то момент собраться для переговоров. Чтобы это понять, не надо быть семи пядей во лбу, надо просто об этом задуматься. Если вопрос смены маршрута обсуждался (как мы думаем) на собрании послов и царя 18/28 мая и решился за один вечер, то среди собеседников кто-то размышлял об этом раньше и прогнозировал возможные действия. Скорее всего, речь идет об одном из послов и о Петре, и они уже ранее обсуждали изменение маршрута (тогда понятна оперативность в принятии решения). И таковым послом, как нам кажется, являлся Лефорт⁴⁸.

При этом конгресс – событие длительное, и Петр, уже приняв решение, имел достаточно времени, чтобы задержаться в Пиллау в связи с выборами Польского короля. Зато потом движение шло почти безостановочно: проскочили, не задерживаясь, даже Берлин.

В Гааге ВП «накрыло» дипломатический корпус, представлявший едва ли не всю Европу. И по личному приказанию Петра, со всеми (кроме французских и савойских послов) имело контакты, хотя официально встречи были лишь с послами крупных государств – цесарскими, испанскими, английскими, датскими, шведскими, бранденбургскими и саксонско-польским. Отказ от встреч с послами Франции (с которой Россия находилась на грани войны) являлся такой же демонстрацией, как и общение с другими. Во время встреч устанавливались контакты и связи, которые будут играть роль в дальнейшем, как показал пример Саксонии.

Московию никто не приглашал на конгресс, но она *de facto* оказалась ее неофициальным участником в роли наблюдателя. Это был опыт, которого в дипломатии до того не имели. Для России – первый шаг от восточного посольского каравана, каковым являлось ВП, к европейской дипломатической практике. А для европейских дипломатов – немислимая ранее возможность широкого и свободного общения с москвитями.

Впрочем, Россия заслужила моральное право присутствовать наблюдателем на конгрессе, на проведение которого дважды невольно оказала влияние: ее вступление в Священную лигу ускорило само проведение переговоров, сделав Францию более сговорчивой⁴⁹, а вмешательство в выборы польского короля не дало Франции шанса занять более жесткую позицию. Если бы в Польше сел на трон французский принц, Австрия с трех сторон оказалась бы окружена союзниками Франции, поведение которой сильно бы изменилось.

Среди результатов опыта – понимание Петром важности Гааги, как одного из европейских дипломатических центров, а, возможно, и сам факт наличия таковых. Неслучайно первое постоянное посольство Петр учредил именно в Гааге, куда послал А. Матвеева уже в 1699 г.

Выводы

Рисвикский конгресс – одно из трех событий, с политико-дипломатической стороны завершавших XVII век. И благодаря рывку Петра в Голландию, Московия приняла в нем участие.

Как коротко можно охарактеризовать весь перечисленный выше комплекс встреч и контактов? На наш взгляд, как «силовое» введение России в концерт европейских государств, причем на конгрессе, где ее просто не должно было бы быть.

Но ведь и на юге в отношении другого региона решались те же задачи.

Ну, что ж, вот перед нами одна из основных, хотя и не декларировавшихся дипломатических целей ВП. И неважно, как формулировались эти идеи, да и были ли они изначально сформулированы, или лишь осознавались, а решения принимались по мере развития событий.

Есть ли противоречие между формулировкой приглашения христианских государств в анти-турецкую коалицию и претензией на участие в европейском концерте? На наш взгляд, нет. Первое положение есть конкретизация второго в условиях 1697–98 гг. Через три года изменятся условия, и вместо антитурецкого союза будет создан антишведский. Но ведь и это лишь другая конкретизация того же второго положения. Чтобы его осмыслить в абстрактных формулировках, требовалось время и опыт. Первые же формулы носили узкоконкретный характер.

В целом же Петр хотел присутствовать в Европе, и Великое посольство должно было его туда ввести с черного хода. С парадного въезжали Великие послы.

Примечания

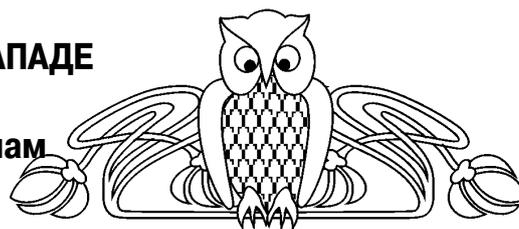
- 1 Далее – ВП. Даты в России – по ст. ст. или дробью, в Европе – дробью.
- 2 *Анисимов Е.* В поисках новой России : Петр в Голландии // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century.* Köln, 2001. P. 1.
- 3 См.: Памятники дипломатических сношений (ПДС). Т. 7–9. СПб., 1864–68 ; Письма и бумаги Императора Петра Великого (ПиБ). Т. 1. СПб., 1887 ; Походный журнал 1697 года ; То же. 1698 года. СПб., 1911 ; История Свейской войны. <...> Вып. 2. М., 2004 ; *Лефорт Ф.* Сборник материалов и документов. М., 2006 ; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1–4. СПб., 1858–63 и др.
- 4 См.: *Гуськов А. Г.* Великое посольство Петра I <...>. М., 2005.
- 5 См.: О целях ВП см. также: История русской армии и флота. Вып. 7. М., 1912. С. 50–51 ; *Павленко Н.* Александр Данилович Меншиков. М., 1989. С. 21 ; *Crinò A.* La visita di Pietro il Grande in Inghilterra dalle lettere di Thomas Platt ad Apollonio Bassetti // *Nuova Rivista Storica.* Vol. 37, fasc. 5–6. 1953. P. 440 ; *Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 21 ; Петр I и Голландия. <...> СПб., 1996. С. 12.
- 6 См.: *Богословский М.* Петр I : Материалы для биографии. Т. 2. М., 1941. С. 8–11 ; *Долгова С.* Молодой Александр Меншиков в составе Великого посольства // Петровское время в лицах. СПб., 1999. С. 15–18 ; *Wittram R.* Peters des Großen erste Reise in den Westen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1955. Bd. 3, H. 4. S. 378 ; *Ключевский В.* Курс... С. 21 ; ПиБ. С. 135–137.
- 7 См.: Устав морской : о всем что касается к доброму управлению в бытности флота на море <...> 1763 года = Книга Устав морской. <...> Лета Господня 1720. <...> М., 1993. С. 9.
- 8 См.: *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. СПб., 2003.
- 9 *Богословский М.* Петр I... Т. 1. М., 1940. С. 367 ; *Устрялов Н.* История... Т. 3. С. 6 ; *Шмурло Е.* Критические заметки по истории Петра Великого // Журнал Мин-ва нар. просвещ. 1900. Ч. 329. С. 71.
- 10 См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России : по 1800 год. Ч. 1. М., 1894. С. 29.
- 11 См.: *Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века. М., 2004. С. 156 ; ПСЗ. Т. 3. № 1351. С. 39–40 ; *Давид И.* Современное состояние Великой России, или Московии // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 128–130.
- 12 См.: *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 401.
- 13 См.: ПДС. Т. 8. Стб. 226–234, 368–374 ; ПиБ. С. 89–90, 578, 591 ; *Устрялов Н.* История... Т. 2. С. 430.
- 14 См.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 1. СПб., 1874. С. 13–20 ; ПДС. Т. 8. Стб. 408–421.
- 15 См.: *Гражувль В.* Тайны галантного века. <...> М., 1997. С. 12–13.
- 16 См.: *Возгрин В.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 60–70.
- 17 См.: *Лавров А.* Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения. Вып. I. СПб., 2001. С. 125, 136 ; *Павленко Н.* Петр Великий. М., 1994. С. 65.
- 18 *Богословский М.* Петр I... Т. 2. С. 39 ; *Устрялов Н.* История... Т. 3. С. 6 ; *Blomberg Ch. J. de.* Description de la Livonie Utrecht, 1705. P. 331.
- 19 ПДС. Т. 8. Стб. 1123, 1135, 1140–1144.
- 20 Там же. Стб. 640–641.
- 21 Там же. Стб. 637.
- 22 ПДС. Т. 7. Стб. 1253–1263 ; Т. 8. Стб. 402–403, 408.
- 23 ПДС. Т. 8. Стб. 402–403, 408, 648, 650, 652.
- 24 Там же. Стб. 646.
- 25 Там же. Стб. 643.
- 26 *Гуськов А. Г.* Великое посольство... С. 88–89, 94–95.
- 27 См.: *Альгаротти Ф.* Русские путешествия. <...> СПб., 2006. С. 69.
- 28 Цит. по: *Урнов Д.* Беспристрастная история // Книжные сокровища мира. Т. 1. М., 1989. С. 165.
- 29 См.: Россия и Запад : Горизонты взаимопонимания. М., 2000. Вып. 1. С. 148.
- 30 См.: Статейный список Посольства ближнего боярина и Наместника Вятского Бориса Петровича Шереметева в Краков, Венецию, Рим и Мальту в 7250 (1697) годе // Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 5. М., 1774. С. 252–432 ; Похождение в Малтийский остров боярина Бориса Петровича Шереметева 1697 июня 22 – 10 февраля 1699 // ПДС. Т. 10. СПб., 1871. Стб. 1581–1698.
- 31 См.: *Павленко Н.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 133 ; *Шмурло Е.* Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту <...> // Сб. Русского ин-та в Праге. Вып. 1. Прага, 1929. С. 11.
- 32 См.: *Захаров В.* Посольства Петра I на Мальте в 1698 г. // Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 173 ;

- Павленко Н. Птенцы гнезда... С. 133; Россия и Запад... С. 13–14.
- ³³ Заозерский А. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 213; Корб И. Главные события из быта московитян // Рождение Империи. М., 1997. С. 235.
- ³⁴ См.: [Крелль Дж.]. О состоянии Российской империи в 1699 году <...> // Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений. <...> Ч. 1. СПб., 1787. С. 42–43; Нартов А. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 11.
- ³⁵ См.: Заозерский А. Фельдмаршал... С. 24; Захаров В. Посольства Петра I... С. 185.
- ³⁶ Россия и Запад... С. 60–179.
- ³⁷ См.: Герасимова Ю. Воспоминания Филиппо Балатри – новый иностранный источник по истории Петровской России: 1698–1701 // Записки ОР ГБ СССР. 1965. Т. 27. С. 164–190; Кафенгауз Б. Записки Филиппо Балатри о России при Петре I // Старая Москва. Сб. 1. М., 1929. С. 95–108; Di Salvo M. Vita e viaggi di Filippo Balatri <...> // *Russica Romana*. 1999. Vol. 6. P. 37–57; Захаров В. Посольства Петра I... С. 186–188.
- ³⁸ См.: Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697–1699. М., 1992.
- ³⁹ Шмурло Е. Поездка Б. П. Шереметева... С. 11.
- ⁴⁰ См.: Богословский М. Петр I... Т. 3. М., 1946. С. 119, 393; Корб И. Главные события... С. 233; Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев: 1668–1737. Т. 1. М., 1913. С. 86; Россия и Запад... С. 100; ПДС. Т. 9. Стб. 206–207; Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 19; Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873. С. 21.
- ⁴¹ См.: Лавров А. Великое посольство... С. 137, 141; Schwarcz I. К вопросу о судьбе Священной лиги в связи с пребыванием Великого посольства в Вене // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. Köln, 2001. P. 127; Wittram R. Peter I, Czar und Kaiser <...>. Bd. 1. Göttingen, 1964. S. 149; Zernack K. Die Anfänge von Peters Regierung: 1689–1700 // *Handbuch der Geschichte Russland*. Bd. 2, H. 1. Stuttgart, 1983. S. 242.
- ⁴² Иногда указывают 6.5.1697 (н.ст.) (Лавров А. Великое посольство... С. 115). Проходил в Рисвике (Rijswijk, Ryswick, Reswick), в замке принцев Оранских, недалеко от Гааги.
- ⁴³ ПДС. Т. 8. Стб. 1152–1155.
- ⁴⁴ *Amsterdamse Dingsdaegfe Courant* (Amsterdam). № 67, 69, 70 от 4, 8, 11.6.1697; *The Post Boy* (London). № 290 от 13 – 16.3.1697.
- ⁴⁵ ПДС. Т. 8. Стб. 450; ПиБ. С. 617–618. Петр I – А. А. Виниусу 19 / 29.5.1697: «Письма отъ многихъ ко мне дошъли; толко мне отданы недавъна, иныя теперь, для того что мы приехали морем, а почта, сухим путемъ идучи, всъегда посламъ в руки дахадила, которыя после насъ полтары недели сюды приехали» (ПиБ. С. 156).
- ⁴⁶ ПДС. Т. 8. Стб. 801–807.
- ⁴⁷ Там же. Стб. 303–305, 343, 373, 389–394.
- ⁴⁸ Роль Лефорта в принятии этого решения не ускользнула от внимания историков: «Лефорт также настаивал на том, чтобы прямо отправиться в Голландию. Напрасно предполагают, что причиной этого было рвение кальвиниста: Лефорт был достаточно равнодушен в вопросах, касающихся религии. Случайности играли гораздо большую роль в изменениях маршрута, <...> чем это обыкновенно предполагают» (Валишевский К. Петр Великий. М., 1993. С. 82). С утверждением о религиозном равнодушии Лефорта мы согласиться не можем и допускаем, что его протестантские симпатии могли иметь дополнительное значение, но Валишевский уловил верно: не они были основной причиной изменения маршрута.
- ⁴⁹ См.: ПДС. Т. 8. Стб. 382–383, 390–392.

УДК 04 (477.7) «18/19». 3036.7

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ЮГО-ЗАПАДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (по материалам государственных архивов Украины)

Е. С. Сидорович

Институт истории Украины,
Национальная академия наук Украины
E-mail: eg.sidorovitch@yandex.ua

**The Economic Activity of French Settlers on the South-west
of RUSSIAN Empire in the End of XVIII – the First Half of XIX
Century (According of Materials of State Archives of Ukraine)**

E. S. Sidorovich

В статье анализируются документы Государственных архивов Одесской и Херсонской областей, что позволяет конкретизировать влияние французских переселенцев в хозяйственном становлении Новороссийского края в выделенный период. Автор на основании архивных материалов выделяет основные направления экономической деятельности иностранцев.

In the article is analyzed the documents of the State Archives of Kherson and Odessa Oblasts. This enables to concretize the influence of French migrants on the economic development of Novorossiyskiy region in this period. Author writes about main sectors of economic activity of foreigners on the south-west of Russian empire in the end of XVIII – the first half of XIX centuries.

Ключевые слова: француз, торговля, овцеводство, земельный участок, аристократ.

Key words: frenchman, trade, sheep breeding, plat of land, aristocrat.

Вторая половина XVIII столетия характеризуется существенными изменениями в экономическом развитии Российской империи. Они неразрывно связаны с присоединением территорий юга современной Украины после окончания Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.¹ В хозяйственном становлении этих территорий принимали активное участие иностранцы. Среди них – французские эмигранты, деятельность которых недостаточно освещена в научной литературе. Характер их переселения был обусловлен взаимоотношениями между двумя странами².

В конце XVIII в. во Франции началась революция, поэтому подданные короля Людовика XVI стали покидать опасную для них страну и интенсивно заселять Новороссийский край (юго-запад Российской империи в тот период). Такое переселение и привело к непосредственному их участию в экономическом становлении юга царской России в этот период. Основной пласт документов, который конкретизирует эту деятельность, находится в хранилищах Государственных архивов Одесской и Херсонской областей (далее – ГАОО и ГАХО) Украины. Поэтому целью исследования явился анализ этих архивных материалов для выделения и конкретизации основных направлений экономической деятельности французских эмигрантов в конце XVIII – первой половине XIX в. на территории Новороссийского края. Для этого были привлечены разнообразные документы: официальная переписка, юридические акты, ордера землемеров, межевые книги, ревизские сказки и другие³. В представленной работе проанализированы основные фонды ГАХО и ГАОО: Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, канцелярия одесского градоначальника Министра внутренних дел, Контора опекунов новороссийских иностранных переселенцев, Одесская городская дума, Херсонская (Новороссийская) губернская чертежная, Канцелярия Херсонского губернатора, Херсонское губернское правление, Херсонская казенная палата и другие⁴. Исследование имеет определенные географические границы – Таврическая и Херсонская губернии (территория юга современной Украины). Они, исходя из архивных документов, были больше всего заселены французскими эмигрантами на территории Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора.

Конец XVIII в. был связан с переселением значительного количества французских аристократов. Они, как указывалось, покинули свою родину в связи с революционными событиями в королевстве Людовика XVI. Российское правительство позволило им заселиться на новоприсоединенных территориях – в Новороссийском крае. Так, например, в Ордере землемера капитана Рултенга от 7 сентября 1795 г. значится, что герцог А. Полиньяк

получил от российского правительства 20 тыс. десятин земли в Вознесенском уезде Херсонской губернии (ныне – Одесская область, Украина). В 1797 г. другой французский аристократ граф Мюссе получил участок в размере 12 тыс. десятин земли на берегу речки Буг «богатовольского уезда» Херсонской губернии (ныне – Одесская область, Украина)⁵. В 1808 г. капитан Купе получил 3 тыс. десятин земли в Ольвиопольском уезде Херсонской губернии (ныне – Одесская область, Украина)⁶.

Одним из первых знаменитых французских дворян, которые переселились на территорию Новороссийского края в начале XIX в., был коммерции советник Вильгельмин Рувье⁷. Он был приглашен царским правительством для участия в экономическом развитии южных губерний Российской империи. Этот аристократ получил земельные наделы и денежную помощь в размере 100 тыс. рублей ассигнациями⁸. Его владения находились на территории Днепровского уезда Таврической губернии (ныне – Херсонская область, Украина) и в Крыму (ныне – Автономная Республика Крым, Украина).

В архивных документах имеются сведения об этом. Так, 27 июля 1807 г. В. Рувье получил во владение земли на острове Джарилгач (ныне – Херсонская область, Украина). В отчете Казенной экспедиции было прописано: «...коммерции советнику Рувье вместо следуемого по высочайшему повелению 26 июля 1806 года отвода 25 тысяч десятин в Косе Джаралгач и в участка № 94 и 95, отведено в той косе известной под № 62, да из участков № 79, 80, 94, 95, 96 и 106, всего удобной 31558, не удобной 3220 десятин, а вместе 10 тыс. по докладу в 1807 году определенных дано ему Рувье в участках № 96, 106, 107 и 108, всего удобной 11274 и неудобной 1618 десятин...» На этом участке он должен был в соответствии с договором, подписанным с царским правительством, развести 100 тыс. голов овец испанской породы и 20 тыс. голов баранов⁹. В 1819 году Вильгельмин Рувье уже владел землями на острове Тендра (ныне – Херсонская область, Украина) в размере 2134 десятины земли¹⁰. На этой территории помещик также разводил овец испанской породы. В 1822 г. его имение после смерти перешло во владение жены Клары Рувье в пожизненное владение с правом «пользования рыбными промыслами на острове Тендра»¹¹.

В 1833 г. между тремя известными французами Новороссии К. И. Потье, Р. О. Вассал и П. А. Мари было разделено имение вышеупомянутого коммерции советника Вильгельмина Рувье на острове Джарилгач. Они стали обладателями 4752 десятин¹².

В первой половине XIX в. одним из известнейших аристократов юго-западной части Российской империи был граф К. Ф. Сент-При. В 1813 г. этот француз занимал государственную должность главы Коммерческого суда¹³. Он владел земельными участками на территории Таври-

ческой губернии. Так, в 1816 г. К. Ф. Сент-При стал владельцем земельной площади в размере 12600 десятин в Днепровском уезде Таврической губернии (ныне – Херсонская область, Украина). В 1837 г. выделенный француз дополнительно получил земли села Эммануиловка Днепровского уезда Таврической губернии (ныне – Херсонская область, Украина)¹⁴. В результате общая площадь земли составила 13 тыс. десятин. Кроме того, этому помещику было выдано в пользование 142 крепостных крестьян¹⁵.

В 1828 г. французский дворянин Карл Дерешмон получил земельные дачи села Юношевка Одесского уезда Херсонской губернии (ныне – Одесская область, Украина) в размере 9033 десятин¹⁶. Французский подданный штаб-капитан российской службы Делакур в 1832 г. получил от царского правительства земли в селе Ново-Егоровка Херсонского уезда Херсонской губернии (ныне – Херсонская область, Украина). Общая площадь земли составила 250 десятин. Херсонский губернский землемер Родомский подтверждает это в своем рапорте¹⁷.

В 1835 г. французский инженер, дворянин К. И. Потье, как свидетельствуют архивные документы, владел землями села Михайловка Днепровского уезда Таврической губернии (ныне Херсонская область, Украина). Его имение состояло из 20 дворов и 116 крепостных душ¹⁸. Общая площадь его земель достигла 6960 десятин¹⁹.

В первой половине XIX в. среди французских аристократов выделяется известный эмигрант Р. О. Вассал. Он получил от российского правительства имения на юге современной Украины. Этот известный француз владел землями возле урочища Облои Днепровского уезда Таврической губернии (ныне – Херсонская область, Украина) общей площадью 2411 десятин²⁰. 7 августа 1835 г. Р. О. Вассал расширил свои владения. Он стал владельцем земельной дачи около урочища Карабулат Днепровского уезда Таврической губернии (ныне – Херсонская область, Украина). Она имела длину «пройденной межи три тысячи четыреста семдесят два сажень»²¹. Данный факт подтверждается в донесении самого Рене Осиповича Вассала от 1844 г.²²

В 1837 г. он дополнительно получил от местных органов власти земли возле села Долматовка Днепровского уезда Таврической губернии (ныне – Херсонская область, Украина)²³. В 1847 г. он же стал владельцем земель села Софиевки Днепровского уезда Таврической губернии (ныне – Херсонская область, Украина). Таким образом, в состав его имения входило 6939 десятин земли и 270 крепостных крестьян²⁴. Его имение в этом селе в 1850 г. получили в наследство два сына – Евгений и Александр Вассалы²⁵.

Французенка В. А. Бонфорт (Мари) владела частью земель сел Екатериновка и Первоприморское в 1847 г. – известный на планах карт Херсонской губернии как хутор Минай. Общая

площадь земли составляла около 1566 десятин²⁶. К тому же она владела землями села Черноморье (ныне Херсонская область, Украина). Их площадь составила 7231 десятину²⁷.

Выделенные иностранцы были не только владельцами земельных участков. Они и управляли имениями других помещиков Херсонской губернии (ныне – Херсонская и Одесская области, Украина). Так, например, в соответствии с Ревизскими сказками (Перепись) от 1835 г. де Рагье был руководителем деревни Валовой; Делакур – деревни Балкур, которой владели помещицы Мария и Екатерина Людвиковых; П. Лобри – деревни Лобриевка²⁸.

Следовательно, французские эмигранты как землевладельцы и управляющие крупных земельных наделов, основывая поселения на южной территории современной Украины, способствовали заселению этого региона в конце XVIII – первой половине XIX в.

Важнейшее значение имела деятельность французских переселенцев на этой территории в области торговли. Интенсификация товарооборота в Черноморском регионе в целом стала возможна после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. между Российской и Османской империями. Это дало возможность открыть свободный торговый путь между черноморскими портами царского государства и средиземноморскими портами Французского королевства. Привлечению негоциантов к торговым операциям в Новороссии должны были способствовать специальные меры в области дипломатии и таможенной политики России. Поэтому в 1775 г. в портах Черного моря таможенные пошлины были снижены на 25 % по сравнению с основным тарифом²⁹. Первыми негоциантами, которые еще в 80-х гг. XVIII в. переселяются на юго-запад Российской империи, были Сент-Жозеф Антуан и его братья³⁰. Они основали торговую фирму в Херсоне и наладили коммерческие отношения между Францией и Россией через южный регион³¹. Пиком их деятельности стало подписание в 1787 г. между двумя государствами Трактата о дружбе, торговле и мореплавании³².

Основную роль в заключении этого договора сыграл французский посол в России граф Л. Ф. де Сегюр³³. В результате торговля на Черном море стала носить массовый характер. В ней в этот период были задействованы около 2 тыс. кораблей³⁴. Прекращение товарооборота между королевством и царским государством было связано с началом революции во Франции в 1789 г. Возобновление коммерческих взаимоотношений имело место только в 1801 г. Оно было связано с возобновлением торгового договора 1787 г.³⁵ Российское правительство для интенсификации товарооборота с Францией создало в первой половине XIX в. благоприятные условия. Например, Манифестом от 16 апреля 1817 г. было создано

Порто-франко в городе Одессе. Создание этого учреждения привело к увеличению количества коммерческих операций с западноевропейскими государствами через Черноморский регион³⁶. В архивных материалах ГАХО от 9 июня 1822 г. прописаны основные правила деятельности этого свободного порта: «Правила коими предполагается руководствоваться при открытии действия новой черты одесского порто-франко на основании предписанных высочайшим указом 9 июня 1822 г. распоряжении.

1. ...на самых границах города Одессы, открывается с наступлением 14 числа мая сего года...

2. Об черты как вновь открытая, так и прежняя... нужным охраняются чиновниками и служителями таможенного управления и военной стражи для сего:

...при заставах на старой черте... два надсмотрщика и по одному чиновнику...

3. Открытие действия новой черты порто-франко объявляется в городе Одессе, предместьях онаго... В объявлении о сем помещается:

А. что с настоящим устройением... неоплаченные по тарифу пошлиною товары, хозяева оных обязаны по основанию 15 пункта Высочайшего указа... везти в пределы новой черты непременно...

Б. что на ввоз сих неоплаченных пошлиною товаров определяется срок трех недельный...

В. что по истечении сего трех недельного срока... по всей строгости изъясненным в таможенном уставе постановлении о запрещенных и позволенных...»³⁷

В других архивных документах, а именно, в ведомостях про Одесское порто-франко от 1846 г., отражены положительные результаты деятельности этого учреждения за 30 лет: «...Именно в Одессе подтвердил положительно то, что ожидали 30 лет тому назад при учреждении Одесского порто-франко и что мы в том постоянно в других Европейских государствах, где подобная учреждающая существуют в большими выгодами... более возвысится... то важное влияние на торговлю Европы, какое имеет ныне Одесса...»³⁸

Архивные материалы документируют факт увеличения потока негодантов. Они содержат данные о пребывании французских торговцев на территории Новороссийского края в первой половине XIX в. Так, например, в перечне купцов, которые зарегистрировались в период с 1814–1820 г., представлены фамилии известных негодантов: Карл Декарро, Иван Рено, Карл Сикард, Арно Рудье и другие³⁹. В другом списке купцов Новороссии за 1826 г., которые легально вели торговые операции через Черноморский регион, названы купцы 1-й гильдии – Иван Рено и Карл Сикард; 2-й гильдии – Шалле; 3-й гильдии – Федор Андре, Петр Лоде и Франц Морсии⁴⁰. В донесении одесской полиции значился французскоподданный И. Диньен, который 31 августа

1831 г. прибыл в юго-западную часть Российской империи для ведения торговых операций в регионе⁴¹. В сообщении французского посла барона Баранта от 1839 г. описана деятельность негоданта Петра Ванье, который занимался торговыми операциями через фирму Изнара в Одессе⁴².

В 1845 г. в Новороссийский край приезжает негодант Жан Бюфере. Основной целью его визита была закупка российских товаров для королевства Франция⁴³. Постоянное наличие французских купцов зарегистрировано в списках пассажиров, переезжающих в Новороссийский край. Это свидетельствует о том, что в данный период продолжается интенсивное торговое сотрудничество между Францией и Россией. Так, в перечне приезжих от 1844 г. значился торговец Карл Кортие⁴⁴. В описи за 1846 г. указаны купцы Марен Мюре и Отмар Улиси⁴⁵. В другом списке от 1850 г. значились торговцы Жорж Лефебр и Илья Фоа⁴⁶.

Таким образом, архивные документы ГАОО и ГАХО содержат информацию о вкладе известных представителей французской коммерции в налаживание товарооборота между двумя странами. Они свидетельствуют об их роли в развитии черноморского коммерческого пути между Россией и Францией.

Французские переселенцы, занимая видные государственные должности в регионе, оказывали существенное влияние на развитие края в целом. Это еще одно направление деятельности французских эмигрантов, в частности аристократов, в развитии и Новороссии в конце XVIII– первой половине XIX в. В материалах Государственного архива Одесской области имеется ряд документов, которые освещают экономическую составляющую такой деятельности французов. Становление юго-западной части Российской империи связано с деятельностью известного аристократа герцога А. Е. де Ришелье, который занимал пост Новороссийского генерал-губернатора в период с 1805–1814 гг. Его меценатская деятельность заслуживает особого внимания. Так, например, для развития края он пожертвовал 5 тыс. 630 талеров⁴⁷.

Следующий Новороссийский генерал-губернатор граф А. Ф. Ланжерон (1815–1820 гг.) продолжил дело герцога А. Е. де Ришелье. Один из архивных документов свидетельствует о выдаче графом кредита в размере 1144 руб. 11 коп. Таврической казенной экспедиции для добычи соли в Тачасинском озере (ныне – Автономная Республика Крым, Украина)⁴⁸. В соответствии с рапортом обер-прокурора Сената от 1850 г. этот государственный деятель пожертвовал на устройства Молдавской армии Российской империи 1000 руб. в 1811 г.⁴⁹ Как руководитель юго-западной части Российской империи, он имел полномочия влиять на деятельность некоторых государственных экономических учреждений. Так, например, в 1820 г. при участии А. Ф. Ланжерона был избран

главой Одесского коммерческого суда коллежский советник Демборвский⁵⁰.

Французы занимали государственные должности и в местных экономических государственных органах власти. Так, в одном из рапортов от 1846 г. значился коллежский советник Иван Рено⁵¹, который состоял в этой должности при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе⁵².

Значительную роль французские эмигранты играли и в непосредственном хозяйственном развитии региона. В значительной степени этому способствовала государственная политика России. Так, царская власть поощряла приезд иностранных специалистов и мастеров. Они принимали активное участие в развитии сельскохозяйственной и промышленной отраслей Новороссийского края. Например, 19 февраля 1833 г. француз Матиас Гросс переселился на территорию Херсонской губернии и начал заниматься садоводством в колонии Микой Вакарджи (ныне – Одесская область, Украина)⁵³.

В описи переселившихся специалистов в Новороссийский край за 1842 г. фигурировали Луи Тельберм – приглашен для исправления полномочий «выходного мастера»; Луи Кампе – получил должность башмачника в Одессе; Луи Констань – хлебопашец, был переселен в Ананьевский уезд Херсонской губернии (ныне – Одесская область, Украина); Альфонс Шапелан – подмастерье; Наполеон Людвиг Ленгле – мастер и другие⁵⁴. В перечне приехавших в Новороссию в 1844 г., были: Адольф Герме – назначен главным мастером Одесского завода; оружейный мастер Карл Робер, который прибыл для поиска работы по своей профессии⁵⁵. Опись за 1846 г. содержит также информацию о французах: садовник Андре Одду; механик Франсуа Фушет; садовник Венсан Лейдет; фабрикант Луидоли Равель; винодел Петр Пелисие; кузнец Иван Шове⁵⁶. Список пассажиров, которые прибыли в 1850 г. в Одесский порт, содержит портного Жана Даго, который был направлен в немецкий цех; портного Петра Дерезе; винодела Иллера Кулье – был направлен в имение майора Мамзова на южном берегу Крыма для разведения виноградников; парикмахера Тринете Монестье⁵⁷.

Таким образом, политика Царской России относительно французских специалистов способствовала их активному участию в становлении разнообразных хозяйственных отраслей юга современной Украины.

Вместе с тем, царской властью был налажен механизм приема французских переселенцев на территории своего государства. Он прежде всего предусматривал очень внимательную слежку за переселенцами. В ГАОО имеется ряд документов касательно данного факта. Так, например, И. Даньене, который прибыв в Одессу в 1831 г., попал под надзор⁵⁸; Луи Равель, прибывший в 1846 г., также был занесен в списки Тайной канцелярии

при Министерстве внутренних дел⁵⁹; такой же судьбы в 1845 г. удостоились и французские подданные Сорону⁶⁰ и Франсуа Леноару⁶¹.

Следовательно, эмигранты попадали под бдительную слежку местной власти, что давало возможность российскому правительству контролировать их деятельность.

Архивные документы Государственных архивов Одесской и Херсонской областей позволили конкретизировать деятельность французских переселенцев на юго-западе Российской империи по следующим направлениям:

- заселение и освоение земель помещиками и управляющими больших земельных наделов;
- интенсивная коммерческая деятельность негоциантов и купцов в регионе через Черное море;
- участие крупных государственных чиновников в становлении края;
- непосредственное участие специалистов в развитии различных экономических отраслей региона.

Таким образом, французские переселенцы внесли значительный вклад в становление и экономическое развитие Новороссийского края в конце XVIII – первой половине XIX в.

Примечание

- 1 См.: Дружинина Е. И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года. М.: Академия наук СССР, 1955.
- 2 Черкасов П. П. Россия и Франция в XVIII в. Итоги и перспективы исследования // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 58–74.
- 3 См.: Анотований реестр описів: Фонди дорадянського періоду. Одеса: Астро-принт, 2008.
- 4 Там же.
- 5 Государственный архив Херсонской области (далее – ГАХО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 273. Л. 1.
- 6 См.: ГАХО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 539. Л. 1.
- 7 См.: Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800–1825. М.: Наука, 1970.
- 8 Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов и конвенций. Т. 13. Трактаты с Францией. СПб.: Типография А. Бенкс, 1902.
- 9 Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 1. Оп. 219. Д. 1. Л. 18–19, 22.
- 10 ГАХО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 758. Л. 1.
- 11 ГАОО. Ф. 1. Оп. 219. Д. 2. Л. 2, 5, 11, 15.
- 12 ГАХО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 203. Л. 1.
- 13 ГАОО. Ф. 1. Оп. 248. Д. 3597. Л. 1.
- 14 ГАХО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 132. Л. 3–4.
- 15 Там же. Ф. 302. Оп. 1. Д. 241. Л. 1.
- 16 Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1887. Л. 2–3.
- 17 Там же. Д. 1493. Л. 2,5.
- 18 Там же. Оп. 2. Д. 122. Л. 1.
- 19 Там же. Ф. 302. Оп. 1. Д. 488. Л. 1.
- 20 Там же. Д. 571. Л. 1.
- 21 Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 123. Л. 1–2.

- 22 ГАХО. Оп. 2. Д. 164. Л. 4.
23 Там же. Д. 124. Л. 1.
24 Там же. Ф. 302. Оп. 1. Д. 721. Л. 1.
25 Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 196. Л. 7.
26 Там же. Ф. 302. Оп. 1. Д. 485. Л. 1.
27 Там же. Д. 824. Л. 1.
28 Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 7. Л. 10–11, 18–19.
29 См.: Захаров В. Н. Внешнеторговая деятельность иностранных купцов в портах Азовского и Черного морей в середине и второй половине XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2004. № 4. С. 85–102.
30 См.: Машикин О. М. Иноземці в соціально-економічному житті України кінця XVIII – першої половини XIX в. Київ.: Інститут історії України, 2008.
31 См.: Черкасов П. П. Русско-французский торговый договор 1787 г. // Россия и Франция : XVIII–XX в. 2001. Вып. 4. 327 с.
32 См.: Полное Собрание Законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. 22. С. 771–785.
33 Черкасов П. П. Русско-французский торговый договор...
34 См.: Юрченко П. Историко-статистический очерк торговли Херсона по соч. де Сен-Жозефа // Записки Одесского общества истории и древностей. 1883. Т. 13. С. 165–179.
35 См.: Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов...
36 См.: ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 34. С. 208–211.
37 ГАОО. Ф. 1. Оп. 220. Д. 4. Л. 2–3.
38 Там же. Оп. 167. Д. 17. Л. 3–4.
39 Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2. Л. 12–15.
40 Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.
41 Там же. Ф. 1. Оп. 149. Д. 9. Л. 1.
42 Там же. Оп. 166. Д. 44. Л. 1, 16.
43 Там же. Оп. 154. Д. 1. Л. 53.
44 Там же. Оп. 167. Д. 1. Л. 125, 387.
45 Там же. Оп. 171. Д. 2. Л. 103, 390.
46 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15а. Л. 4.
47 Там же. Ф. 1. Оп. 250. Д. 12. Л. 6.
48 ГАХО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1449. Л. 2.
49 Там же. Д. 1880. Л. 3.
50 ГАОО. Ф. 1. Оп. 167. Д. 108. Л. 1.
51 Там же. Оп. 248. Д. 2245. Л. 1.
52 Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38. Л. 1, 6.
53 Там же.
54 Там же. Ф. 1. Оп. 152. Д. 60. Л. 12–15.
55 Там же. Оп. 154. Д. 1. Л. 171, 190.
56 Там же. Оп. 167. Д. 1. Л. 159, 172, 174, 387, 478.
57 Там же. Оп. 171. Д. 2. Л. 107, 217–218, 321.
58 Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8. Л. 1.
59 Там же. Ф. 1. Оп. 167. Д. 62. Л. 1.
60 Там же. Оп. 166. Д. 51. Л. 3.
61 Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 71. Л. 3.

УДК 027.1(470)+929 Норов

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ НИКОЛАЕВСКОГО САНОВНИКА: А. С. НОРОВ

Г. С. Сачкова

Дмитровский профессиональный колледж, Московская область
E-mail: Ski_gale@mail.ru

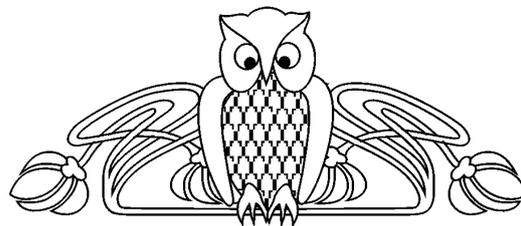
Одним из видных государственных и общественных деятелей России 40 – 60-х гг. XIX в. был Авраам Сергеевич Норов. Свою жизнь он посвятил служению России, которую искренне и беззаветно любил. В 1812 г. 17-летним юношей А. С. Норов защищал свою отчизну от неприятеля. В 1854–1858 г., занимая пост министра народного просвещения, он всеми силами содействовал развитию образования в стране. Автор приходит к выводу, что Норов внёс значительный вклад в становление и развитие отечественного востоковедения, а его исследования по истории Востока не утратили своей научной ценности и сегодня.

Ключевые слова: деятельность, история, книги, литература, министр, просвещение, путешествия, цензура.

**The Course of Life of a High Official under Nikolas:
A. S. Norov**

G. S. Sachkova

One of the outstanding statemen and public figures of the Russia of the 40s – 60s of the 19th century was Avraam Sergeyevich Norov.

He devoted his life to serving Russia which he loved sincerely and unselfishly. In 1812 A. S. Norov, a young boy of 17, defended his Motherland from the enemy. In 1854–1858 holding the post of the Minister of People's Education he contributed with all his efforts to the development of education in the country. A. S. Norov made a significant contribution to the formation and development of native Oriental Studies. His investigations of the Orient do not lose its scientific value even nowadays.

Key words: activity, history, books, literature, minister, education, travels, censorship.

В октябре 1868 г. в журнале «Военный сборник» была напечатана рецензия в форме воспоминаний на вышедший из печати роман Л. Н. Толстого «Война и мир», вызвавший оживлённое обсуждение читающей публики. Автор рецензии – А. С. Норов, участник войны 1812 г., признавая литературный талант писателя, критиковал его за историческую недостоверность в изложении ряда событий, особенно Бородинской битвы, а также

за характеристику генералитета русской армии, её стратегии и тактики. «Читая эти грустные страницы, под обаянием прекрасного картинного слога, – писал о романе А. С. Норов, – вы надеетесь, что ожидаемая вами блестящая эпоха 1812 года изгладит эти грустные впечатления; но как велико разочарование, когда вы увидите, что громкий слогом 1812 год как в военном, так и в гражданском быту, представлен вам мыльным пузырьком: что целая фаланга наших генералов, которых боевая слава прикована к нашим военным летописям, <...> составлена была из бездарных, слепых орудий случая, действовавших иногда удачно, и об этих даже их удачах говорится только мельком и часто с иронией»¹. «В этих воспоминаниях, – отмечал издатель «Русского архива» П. И. Бартенев, – важно не столько возражение графу Толстому, сколько личные показания сочинителя, бывшего очевидцем и деятелем величайших событий. Его живой и правдивый рассказ имеет всё значение важного исторического свидетельства»².

«Очевидец и деятель величайших событий» Авраам Сергеевич Норов родился 22 октября 1795 г.³ в с. Ключи Балашовского уезда Саратовской губернии⁴. Начальное образование он получил дома, затем продолжил его в Благородном пансионе Московского университета. Однако учёбу в пансионе не закончил, так как весной 1810 г. по настоянию отца поступил на военную службу в звании юнкера в резервную артиллерийскую бригаду. В декабре 1811 г. А. С. Норов получил первый офицерский чин и был переведён в лейб-гвардии артиллерийскую роту, в составе которой участвовал в Отечественной войне 1812 г. Боевое крещение молодой офицер получил в Бородинском сражении, в котором был тяжело ранен артиллерийским ядром в ногу, которую пришлось ампутировать.

После освобождения Москвы от наполеоновской армии А. С. Норов уехал залечивать рану и восстанавливать силы в Ключи, где усиленно занимался самообразованием; изучал историю, философию, литературу, иностранные языки. К отличному знанию французского и немецкого языков добавились английский, испанский, итальянский и латинский⁵. Уже в зрелом возрасте он выучил еврейский, греческий и арабский языки. «Страсть к учёным занятиям и к изучению древних языков были всегда отличительным характером Бородинского ветерана...», – писал о Норове А. Н. Муравьёв⁶.

В 1815 г. А. С. Норов, оправившись от ранения, возвращается на военную службу. Находясь на службе, он увлёкся масонством и в 1816 г. вступил в ложу «Соединённые друзья», в феврале 1819 г. был принят в ложу «Три Добродетели», а в сентябре того же года повышен во вторую ступень⁷. О его дальнейшем участии в масонских ложах неизвестно, видимо, увлечение масонством было недолгим. Думается, с масонством А. С. Норов ошибочно связывал возможность активной общественной деятельности, к которой стремился.

В это же время он пробует свои силы на литературном поприще. В 1816 г. в «Духе журналов» публикуются его переводы из Вергилия и Горация, в 1818 г. в журнале «Благонамеренный» печатаются отрывки из его дидактической поэмы «Об астрономии». Произведения, главным образом переводы, А. С. Норова помещают на своих страницах такие журналы, как «Вестник Европы», «Литературные листки», «Литературные прибавления к Русскому Инвалиду», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Сын Отечества», «Новости литературы», альманахи «Полярная звезда» и «Северная лира». Следует заметить, переводы и стихи А. С. Норова были доброжелательно встречены читающей публикой, а также петербургскими и московскими литераторами. Так, общество издателей «Духа журналов» отметило в своём отчёте за 1816 г.: «Можно также с удовольствием читать некоторые изрядные басни г. Лузанова и Масдорфа, и некоторые стихотворческие опыты г. Норова»⁸. О переводе А. С. Норовым оды А. Шенье «Младая узница» поэт и переводчик Д. П. Глебов писал: «Сия пиэса переведена весьма близко Абрамом [так современники иногда называли А. С. Норова. – Г. С.] Сергеевичем Норовым и заслужила одобрение многих любителей поэзии»⁹.

25 июля 1818 г. Норов был принят в действительные члены «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», а 6 июня 1821 г. – в «Вольное общество любителей российской словесности». «Поэт в душе, – писал в своих записках о Норове Д. Н. Свербеев, – он мог бы, казалось мне, быть замечательным стихотворцем, если бы не предался другим, более серьёзным предметам...»¹⁰ Впрочем, не все переводы А. С. Норова были восприняты положительно. Так, на два перевода Данте «Франческо Римини» и «Жизнь древних флорентинцев», А. С. Норова, помещённых в «Северной лире», последовала критическая рецензия А. С. Пушкина, в которой поэт прямо заявил: «Г [осподи] ну Абраму Норову не должно бы переводить Данта»¹¹.

Точная дата знакомства А. С. Норова и А. С. Пушкина неизвестна. Во всяком случае, 8 августа и 19 сентября 1818 г. они вместе присутствовали на заседаниях Общества любителей словесности, наук и художеств, членом которого являлся Норов. «Возможны их встречи в Москве у З. А. Волконской и у “любомудров”, с которыми общался Норов», – предположил Л. А. Черейский¹². 2 июня 1827 г. А. С. Норов вместе с А. С. Пушкиным присутствовали на обеде в доме родителей поэта в Санкт-Петербурге. Это засвидетельствовала в своих воспоминаниях А. П. Керн, также посетившая обед: «Я в тот день присутствовала у них и имела удовольствие слушать его [А. С. Пушкина. – Г. С.] любезности. После обеда Абрам Сергеевич Норов, подойдя ко мне с Пушкиным, сказал: “Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а он так много вам

писал прекрасных стихов?” – “И в самом деле, – отвечала я, – мне бы надо подарить вас чем-нибудь: вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне”. Он взял кольцо, надел на свою маленькую, прекрасную ручку и сказал, что даст мне другое»¹³.

14 июня 1833 г. А. С. Норов и А. С. Пушкин были на обеде, устроенном петербургскими литераторами в честь И. И. Дмитриева, и приняли участие в сборе средств на «устройство памятника» Н. М. Карамзину в Симбирске, а 29 марта 1834 г. вместе обедали у Н. П. Трубецкого.

В мемуарной и научно-исследовательской литературе присутствует эпизод, связанный с поэмой А. С. Пушкина «Гаврилиада» и подтверждающий неизменно дружеский характер отношения А. С. Пушкина и А. С. Норова. 16 июня 1865 г. А. В. Никитенко записал в своём дневнике: «Опять был у меня Норов. Вчера он, между прочим, рассказал мне следующий анекдот об А. С. Пушкине. Норов встретился с ним за год или за полгода до его женитьбы. Пушкин очень любезно с ним поздоровался и обнял его. При этом был приятель Пушкина В. И. Туманский. Он обратился к поэту и сказал ему: “Знаешь ли, Александр Сергеевич, кого ты обнимаешь? Ведь это твой противник. В бытность свою в Одессе он при мне сжёг твою рукописную поэму”. Дело в том, что Туманский дал Норову прочесть в рукописи известную непристойную поэму Пушкина [«Гаврилиада». – Г. С.]. В комнате тогда топился камин, и Норов по прочтении пьесы тут же бросил её в огонь. “Нет, – сказал Пушкин, – я этого не знал, а узнав теперь, вижу что Авраам Сергеевич не противник мне, друг, а вот ты, восхищавшийся такою гадостью, как моя неизданная поэма, настоящий мой враг”»¹⁴.

Работая над «Историей Пугачёвского бунта», А. С. Пушкин пользовался книгами из обширной библиотеки А. С. Норова. В начале ноября 1833 г. он сообщил А. С. Норову: «Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего Стеньку [книгу о восстании Степана Разина. – Г. С.]; завтра получишь Struys [книга о путешествии Жана Стрюйса. – Г. С.] и одалиску. Нет ли у тебя сочинения Вебера о России (Возрастающая Россия, или что-то подобное)? а Пердуильонис, то есть Stephanus Rasin Donicus Cosacuum perduellis publicae disquisitionis Johanno Justo Mario i Schurtzfleisch. А.П.»¹⁵. В другом письме, написанном в это же время, поэт сообщил А. С. Норову, что возвращает ему книгу, которую брал для работы: «Посылаю тебе любезный Норов “Satyricon”, а мистерии где-то у меня запрятаны. Отыщу – непременно. До свидания. Весь твой А. П.»¹⁶.

Дружба А. С. Норова и А. С. Пушкина продолжалась до конца жизни поэта. Смерть Пушкина глубоко потрясла Норова. Он написал стихотворение, посвящённое поэту, и пытался его опубликовать. «Любезный Одоевский, – писал он ранней весной 1837 г. В. Ф. Одоевскому, – по-

сылаю вам несколько строк, написанных мною в память нашего незабвенного Пушкина. Буде они не совсем дурные, то вы можете ими располагать. Преданный вам А. Норов»¹⁷. Однако цензура не пропустила стихотворение А. С. Норова в печать. Председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета М. А. Дондуков-Корсаков соглашался разрешить напечатать стихотворение, если будет заменена его первая строка «погас луч неба, светлый гений» строкой «погас наш Пушкин, светлый гений». А. С. Норова это сильно огорчило. «Любезнейший Владимир Фёдорович! – обращался он вновь к Одоевскому. – Цензура думает о буквах, а не о поэзии, от того ей и кажется выражение “погас луч неба” мистерию. Она видно не признаёт человека лучом неба и поэтому пусть мои стихи останутся только в руках друзей Пушкина, для которых они написаны, и я решительно прошу вас, любезный друг, в таком случае их не печатать. Если же цензура не будет поправлять меня, то не ставьте моего имени под стихами, а просто один Н»¹⁸.

В 1822 г. А. С. Норов «с научной целью» отправился в своё первое путешествие по Европе и на Сицилию. Составленное им описание этого путешествия, изданное в 1828 г. в Петербурге, является ценным историко-географическим источником, в котором непосредственные наблюдения и личные впечатления автора тесно переплетаются с историческими и литературными ассоциациями. Осматривая в Риме и Неаполе памятники античной архитектуры, А. С. Норов не мог скрыть своего восхищения: «Нельзя равнодушно смотреть на этот прекрасный остаток изящного зодчества греков, – они, кажется, имели особенный идеал прекрасного»¹⁹. Находясь в Сицилии, Норов совершил восхождение на вершину вулкана Этна, а в Риме познакомился с матерью Наполеона Летицией и римским папой Пием VII.

Вернувшись из путешествия, Норов в 1823 г. в чине полковника вышел в отставку и некоторое время «находился не у дел». В феврале 1827 г. он поступил на гражданскую службу в Министерство внутренних дел чиновником особых поручений, где сразу же зарекомендовал себя способным высокопрофессиональным сотрудником.

В начале 1830-х гг. А. С. Норов, будучи страстным библиофилом, начинает собирать свою вторую библиотеку. Первую он составил ещё в 1820-е гг. и продал Н. П. Трубецкому²⁰. Второе книжное собрание А. С. Норов собирал на протяжении 30 лет. Это была богатейшая и уникальная книжная сокровищница, насчитывавшая порядка 14000 томов по истории, литературе, философии, физике, математике, религии и т. д. В библиотеке было много раритетов, в частности, более пятидесяти изданий Библии, уникальные коллекции изданий и рукописей Джордано Бруно и Томазо Кампанеллы.

А. С. Норов не упускал возможности приобрести ценные в научном отношении книги и

рукописи. Большое количество книг он привёз из своей поездки по Европе в 1822 г., но особенно значительно его книжное собрание пополнилось после путешествия на Восток, предпринятого в 1834–1835 гг. Так, в Юстиниановой башне монастыря Святого Саввы в Палестине Норов нашёл много славянских рукописей и книг. «К немалому удивлению, – писал он, – я нашёл в этой башне нестройную грудю рукописей и книг. С дозволения настоятеля я занялся их разбором с большим любопытством. <...> Удивление моё превратилось в радость, когда я нашёл тут несколько рукописей словенских, на пергаменте, на бомбицине и на бумаге, я начал откладывать то, что находил примечательного. Из словенских я выбрал все рукописи, сколько было; число их дошло до 15-ти книг, из которых две печатные; к ним я прибавил 9 рукописей греческих. Древность их была для меня несомненна; последствие оправдало мой выбор»²¹. Описывая славянские рукописи, привезённые А. С. Норовым из Палестины, известный русский филолог А. Х. Востоков констатировал: «Сии рукописи более или менее важны для славянской палеографии и языкознания и потому драгоценны. Печатные книги, за ними следующие, все весьма редки»²².

Во время своего первого путешествия на Восток А. С. Норов посетил Египет и Палестину. В Египте он обследовал пирамиды и высказал предположение, что они «хотя и заключают в себе прах их первых основателей, но вместе с тем, они служили как бы храмом для некоторых религиозных таинств»²³. По мнению Норова, пирамиды построены не египтянами, а «народом чужеземным», ибо «зодчество сих громад не имеет отпечатка зодчества собственно египетского, оно есть подражание первым диким памятникам мира, каковы суть столп Вавилонский или богиня Белуса»²⁴.

В Египте А. С. Норов интересовался не только древней историей, но и современным экономическим и политическим развитием страны. Он составил подробное описание сельского хозяйства, торговли, ремесленного производства, государственного устройства и вооружённых сил государства. Из Египта Норов отправился в Палестину. Там на основе библейских сказаний и личного обследования он составил подробный план Иерусалима с обозначением христианских святынь. Этим планом пользовались многие паломники и просто путешественники, отправлявшиеся на Восток. А. С. Норов также посетил города Вифлеем, Назарет, Тир, Сидон, совершил паломничество к Иордану.

В России описания путешествий А. С. Норова на Восток были положительно встречены читающей аудиторией и получили высокие оценки учёных-востоковедов, публицистов. Исследователь Востока В. Н. Хитрово, разбирая «Путешествие по Святой Земле», констатировал: «Оно бесспорно лучшее и подробнейшее

описание Святой Земли, которое существует в русской литературе»²⁵. «Уважение к местным топографическим преданиям и точный смысл священного текста – вот два превосходства руководства, доставившие русскому исследователю те прекрасные выводы, которые наука и благочестие находят в его [А. С. Норова. – Г. С.] сочинении. Части Святой Земли объяснены во всей полноте и совершенстве. Географией исхода израильтян из Египта учёный русский путешественник истинно обогатил археологию и приобрёл право на авторитет в науке», – писал о «Путешествии по Святой Земле» профессор арабской словесности и истории Востока Санкт-Петербургского университета О. И. Сенковский²⁶.

Описания А. С. Норовым своих путешествий на Восток не утратили и сегодня своего научно-исследовательского, и особенно источниковедческого значения. Советский историк В. И. Авдиев отметил, что в своих работах А. С. Норов «затронул ряд важных исторических вопросов, как например, вопрос о пережитках древней культуры в обычаях жителей современного Египта»²⁷. По мнению Н. С. Петровского и А. М. Белова, описание путешествия в Египет и Палестину «было бы неправильным считать только путевым дневником или отчётом о путешествии. Это оригинальное ценное научное исследование, в котором подняты и освещены многие важные вопросы египетской истории и культуры, религии и искусства»²⁸.

Изучая древнюю историю Востока, А. С. Норов рассмотрел вопрос об Атлантиде, высказав гипотезу о её нахождении в восточной части Средиземного моря между Кипром и Сицилией. «Атлантида по нашему предположению, – писал он, – занимала всё пространство Средиземного моря от острова Кипр до Сицилии, возле которой на севере было Тиррейское море и Тиррения. Это пространство совершенно соответствует тому, которое Платон определяет для Атлантиды»²⁹. Остров Кипр, по мнению Норова, является частью погружившейся под воду Атлантиды.

Работа А. С. Норова об Атлантиде представляет собой серьёзное научное исследование, выполненное на основе широкого спектра разноплановых античных источников. Оно было положительно встречено современниками, к нему в дальнейшем обращались многие историки, занимавшиеся поисками Атлантиды. «Нельзя не согласиться, – писал Н. Г. Чернышевский, – что это “Исследование” удовлетворительнейшим образом разрешает столь затруднивший всех вопрос о положении “Платоновой Атлантиды” и тем оказывает важную услугу древнейшей географии»³⁰. Доктор минералогии А. Н. Карножицкий, соглашаясь с мнением А. С. Норова, резюмировал: «Таким образом, в настоящее время нужно считать доказанным, что Атлантида действительно существовала некогда, что расположена она была в восточном углу Средиземного моря, а в начале исторических времён погрузилась в море, и я

весьма счастлив, что мне удалось некоторыми естественно-историческими соображениями подтвердить весьма основательную гипотезу нашего соотечественника А. С. Норова, а вместе с тем, и восстановить приоритет данного им решения великой научной загадки»³¹. Академик Л. С. Берг утверждал, что исследование А. С. Норова об Атлантиде даёт «единственно правильное разрешение этой загадки, волнующей мыслящих людей уже более двух тысячелетий»³².

Вернувшись в Россию, Норов продолжил свою службу в Министерстве внутренних дел, принимая деятельное участие в различных комиссиях по вопросам государственного управления. В 1839 г. он становится правителем канцелярии статс-секретаря Его Императорского Величества по принятию прошений, а в 1849 г. – помощником попечителя императорского человеколюбивого общества, а 11 февраля 1850 г. «высочайшим приказом за № 30 назначен товарищем министра народного просвещения, с увольнением из Комиссии прошений»³³. «Авраам Сергеевич Норов сделан товарищем министра народного просвещения, – записал 12 февраля 1859 г. в своём дневнике А. В. Никитенко. – Я был у него сегодня: он очень доволен. Меня встретил с распростёртыми объятиями, заверениями в неизменной дружбе и доверии и просьбами быть ему помощником»³⁴.

11 апреля 1853 г. А. С. Норова утвердили в должности министра народного просвещения. По этому поводу А. В. Никитенко оставил следующую запись в своём дневнике: «Удержится ли Норов на этом месте? У него благородное сердце и намерения у него благие, но едва ли достанет у него сил. Хотя он и говорит, что готов пожертвовать собою, т. е. своим чиновным значением, за дело просвещения, но станет ли у него на это мужества?»³⁵. Через три дня Никитенко вновь записал свои сомнения, а уже 5 мая 1856 г. с грустью резюмировал: «Министр на меня гневается. Он очень резко, чтоб не сказать грубо, выразился на мой счёт одному из своих приближённых. <...> Бедный Авраам Сергеевич! Вот что значит бремя не по силам! Это просто добрый человек и министру в нём не уместиться. Тут нечем помочь – тут радикальная неспособность к делу. Вряд ли он долго ещё пробудет министром»³⁶.

Предположение А. В. Никитенко оправдалось через два года: 23 марта 1858 г. А. С. Норов подал в отставку. Причиной её современники считали слабохарактерность Норова, непостоянство его убеждений, отсутствие твёрдости в их отстаивании. «Как человек Норов пользовался общим уважением. В нём признавали много добродушия, простоты, общительности и доброты, но как министра его не одобряли», – писал Ал. П. Чехов³⁷.

Занимая пост министра, А. С. Норов осуществил ряд преобразований, которые способствовали поступательному развитию народного образования. Так, он изъял из ведения местных генерал-губернаторов управление учебными

округами, восстановил Главное управление училищ, которые рассматривал «как домашнее, родительское приготовление к учению», и Учебный комитет³⁸. Он также добился увеличения числа принимаемых в университеты студентов, повышения пенсий вузовским преподавателям, восстановил существовавшую ранее практику командировки за границу молодых учёных (магистров) по выбору университетов для подготовки к профессорскому званию. По инициативе министра в высших учебных заведениях страны были значительно расширены программы преподавания «классических языков» – греческого и латинского, что, впрочем, многими было воспринято негативно. Даже император Александр II признал это «излишним», отметив, что «потребность современного образования» составляют естественные науки, а не «древние языки»³⁹.

Одним из наиболее острых общественных вопросов, положительного решения которого ждало всё образованное российское общество, являлся вопрос о цензуре. А. С. Норов неоднократно высказывался за ослабление цензурного гнёта. В 1857 г. он представил царю доклад, в котором указывал на необходимость «упростить действия цензуры». Александр II распорядился «заняться этим неотлагательно». Однако Норову не удалось отстоять свою точку зрения.

В деятельности А. С. Норова на посту министра народного просвещения прослеживается как нерешительность в проведении радикальных преобразований, так и двойственность в осуществлении намеченного. С одной стороны, Норов старался поддерживать и развивать науку, искусство, литературу, с другой – сохранять «христианскую нравственность» молодого поколения. В своём письме Александру II, написанном после покушения на него Д. В. Каракозова, А. С. Норов отмечал, что это происшествие – результат воздействия на молодёжь «язвы, которая проникла в наше общество под названием нигилизма». «При мне, – писал он, – благодаря бога христианское благочестие тщательно охранялось в стенах всех учебных заведений и университетов. Я мог быть далеко не гениальный министр, мог много делать ошибок; но в моё время нравственность учащихся была ограждена от заразы: я был в постоянном общении не только с профессорами и учителями, но и с учениками, и одного моего присутствия или даже письма было достаточно, чтобы остановить всякий беспорядок...»⁴⁰ Нельзя не согласиться с высказыванием И. М. Кудрявцева, что «деятельность Норова в Министерстве народного просвещения связана с одним из самых мрачных этапов в истории русской культуры – разгулом николаевской реакции после поражения революции 1848 г. Взгляды Норова полностью соответствовали охранительным тенденциям правительства...»⁴¹

После отставки А. С. Норов предпринял второе путешествие, которое сам называл паломничеством, на Восток. Его целью было пройти

маршрутом паломничества, которое совершил в начале XII в. игумен Даниил. «Норов, – подчёркивает М. В. Соколова, – не просто описывает те или иные святыни и путь к ним, но он пытается, спустя восемь веков, идентифицировать некоторые из них с теми, что описывал игумен Даниил в своём “Хождении”»⁴².

Норов одним из первых среди исследователей Востока указал на опасность в регионе религиозных конфликтов и призвал к единению всех конфессий. «Рука помощи, – писал он, – нужна как для наших единоверных братьев греков, так и для арабов. Не пришло ли, наконец, то время, чтобы все народы, исповедующие Тресвятое имя Бога, обнялись на месте их искупления, забыли бы свои вражды, перестали бы противопоставлять друг другу козни»⁴³. Думается, не будет значительным преувеличением заявить, что в свете современных международных событий данное высказывание не утратило своей актуальности.

Не забывал А. С. Норов и о светской науке. Он являлся почётным членом ряда научных обществ, академиком Академии наук по отделению русского языка и словесности, председателем Археографической комиссии. Под его руководством комиссия издала около 35 томов различных исторических документов. Норов, по свидетельству А. В. Никитенко, работал «вместе со своими сотрудниками – членами комиссии по несколько раз в неделю, очень часто до глубокой ночи»⁴⁴. А. Ф. Бычков в своей речи 18 февраля 1869 г., посвящённой памяти А. С. Норова, отмечал: «П. И. Савваитов вероятно помнит с каким неутомимым жаром Авраам Сергеевич, вместе с ним и со мною, с 9-ти часов вечера до 4-х утра сидел над сличением текста Иисуса Навина, находящегося в Великих Минеях, с греческим переводом и еврейским подлинником. И подобные занятия были явлениями не одиночными, но весьма частыми. И М. О. Коялович, и А. А. Куник, и другие сочлены могут это засвидетельствовать»⁴⁵. К работе в Археографической комиссии Норов привлёк таких известных историков, как А. Ф. Бычков, Н. И. Костомаров, М. О. Коялович, П. И. Савваитов и др.

Воспоминания о войне 1812 г. стали последней работой А. С. Норова; 23 января 1869 г. он скончался.

Авраам Сергеевич Норов был яркой, интересной, многогранной личностью. Он внёс весомый вклад в развитие отечественной египтологии, истории Русской православной церкви, источниковедения. Вся его деятельность была проникнута искренней и беззаветной любовью к России, а его жизнь направлена на служение своему отечеству.

Примечания

¹ Норов А. Война и мир (1805–1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника (По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и

мир») // Военный сборник. 1868. № 11. С. 189–190. В том же 1868 году воспоминания А. С. Норова вышли в Санкт-Петербурге отдельным изданием, были переведены на французский язык, а в 1881 г. с некоторыми сокращениями перепечатаны журналом «Русский архив» (Кн. 3. С. 173–214), а в 1903 и 1914 гг. были переизданы в Санкт-Петербурге и Москве.

² Воспоминания А. С. Норова // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 173.

³ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

⁴ ГАРФ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 об.; ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 72. Л. 13, 17, 32; ГАСО. Балашовский филиал. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 119; РГАЛИ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 8. Л. 3; НИОР РГБ. Ф. 233. Картон 38. № 14. Л. 4. Род Норовых происходил от «выехавшего из немец» в середине XV в. в Новгород Василия Норова. Его сын, Иродион Васильевич Норов, в 1485 г. был переведён великим московским князем Иваном III «на поместье» в Коломну. Род Норовых внесён в родословные книги Курской, Московской, Пензенской, Рязанской и Саратовской губерний. (См.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2 т. СПб., 1887. Т. 2. С. 171–179; Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII–XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 гг. / сост. Г. Геннади. М., 1908. Т. 3. С. 47–48; Норовы // Новый энциклопедический словарь / под общ. ред. К. К. Арсеньева. Пгг., б. г. Т. 28. С. 873; Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / под ред. П. А. Николаева. М., 1999. Т. 4. С. 362–363; Русский биографический словарь: в 20 т. / сост. П. Калинин, И. Корнеева. М., 2001. Т. 11. С. 208). Герб Норовых внесён в VII часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году». СПб., 1797–1840. С. 32.

⁵ Итальянский язык А. С. Норову преподавала Н. Г. Боголюбова – племянница А. Н. Радищева, тётка художника А. П. Боголюбова. (РГАЛИ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.; *Полыванов Н. П.* Василий Сергеевич Норов // Русский архив. 1900. № 1, вып. 2. С. 274).

⁶ *Муравьёв А.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 28.

⁷ См.: *Пытин А. Н.* Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Петроград, 1916. С. 426–427; *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 368.

⁸ Отчёт общества издателей «Духа журналов» за 1816 год // Дух журналов. 1816. Кн. 52. С. 1189.

⁹ *Глебов Д. П.* Элегия и другие стихотворения Дмитрия Глебова. М., 1827. С. 281.

¹⁰ Записки Д. Н. Свербеева (1799–1826). М., 1899. Т. 1. С. 359.

¹¹ *Пушкин А. С.* Об альманахе «Северная лира» // Северная лира на 1827 год / отв. ред. А. Л. Гришунин. М., 1984. С. 233–234. И. Н. Голенищев-Кутузов полагал, что отрицательная рецензия А. С. Пушкина относится не к переводу «Жизнь древних флорентинцев», а к переводу элегии «Предсказания Данта». (См.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 459). А. В. Евтеева высказала предположение, что «об этой рецензии А. С. Норов не узнал,

- «так как она не была напечатана ни в “Северной лире”, ни в других периодических изданиях». (Евтеева А. В. А. С. Норов и А. С. Пушкин // Поволжский регион : исторические традиции и перспективы развития : сб. науч. статей / под ред. И. М. Самсонова. Балашов, 2008. С. 32).
- ¹² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 297.
- ¹³ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 39.
- ¹⁴ Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 523. Биограф В. И. Туманского С. Н. Браиловский утверждал, что «переданный Никитенком со слов А. С. Норова анекдот о Пушкине и Туманском не признаём вероятным, потому, что поступок нашего поэта противоречил всему существу его». (Туманский В. И. Стихотворения и письма / ред. и примеч. С. И. Браиловского. СПб., 1912. С. 434). См. также : [Брюсов В. Я.] Пушкин. (Рана его совести). Библиографическая заметка // Русский архив. 1903. Кн. 2. Вып. 7. С. 473–478.
- ¹⁵ Библиотека великих писателей : Пушкин / под ред. С. А. Венгерова. Петроград, 1915. Т. III. С. 113.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Из переписки князя В. Ф. Одоевского // Русская старина. 1904. № 5. С. 377.
- ¹⁸ Там же. Впервые стихотворение А. С. Норова было напечатано только в 1871 г. в «Русском архиве» (№ 4–5. С. 948), в 1887 г. его поместила на своих страницах «Русская старина» (Т. 54. С. 250). В. В. Каллаш привёл его в своей книге «Русские поэты о Пушкине» (М., 1899. С. 88).
- ¹⁹ Норов А. С. Путешествие по Сицилии в 1822 году. СПб., 1828. Ч. 1. С. 128.
- ²⁰ Впоследствии эта библиотека была разрознена, часть книг вывезена, предположительно в Бельгию. (См.: Куни В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 67; Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А. С. Пушкина : Аннотированный каталог / сост. О. В. Аснина, Ю. Ю. Гречихова, С. Н. Тихомирова. М., 1988. С. 179). Подробнее о библиотеках А. С. Норова см.: Сачкова Г. С. Частные библиотеки в России : библиотека А. С. Норова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 34–39.
- ²¹ Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. СПб., 1844. Ч. II. С. 59–60.
- ²² Филологические наблюдения А. Х. Востокова. СПб., 1865. С. 173.
- ²³ Норов А. С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг., служащее дополнением к путешествию по Святой Земле. СПб., 1840. Ч. 1. С. 200–201.
- ²⁴ Норов А. С. Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб., 1854. С. 143–144.
- ²⁵ Хитрово В. Н. Палестина и Синай. СПб., 1876. Ч. 1, Вып. 1. С. 47.
- ²⁶ Цит. по: Никитенко А. В. А. С. Норов : Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Академии наук 29 декабря 1869 г. С. 68.
- ²⁷ Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1953. С. 156.
- ²⁸ Петровский Н. С., Белов А. М. Страна Большого Хапи. М., 1873. С. 365.
- ²⁹ Норов А. С. Исследование об Атлантиде. СПб., 1854. С. 25.
- ³⁰ Чернышевский Н. Г. Путешествия А. С. Норова // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. / под ред. В. Я. Кирпотина. М. : Гос. изд-во гос. лит., 1949. Т. 2. С. 543.
- ³¹ Карножицкий А. Н. Атлантида // Научное обозрение. 1897. № 2. С. 38–39.
- ³² Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М. ; Л., 1949. С. 316.
- ³³ РГАЛИ. Ф. 349. Оп. 1. Д. 9а. Л. 27 об. –28.
- ³⁴ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 333.
- ³⁵ Там же. С. 370.
- ³⁶ Там же. С. 439.
- ³⁷ Чехов Ал. П. Авраам Сергеевич Норов // Исторический вестник. 1895. Т. 61. С. 389.
- ³⁸ НИОР РГБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 46. Л. 193.
- ³⁹ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб., 1902. С. 341.
- ⁴⁰ Всеподданнейшее письмо А. С. Норова // Русский архив. 1895. Кн. 3, вып. 9–12. С. 367. Письмо было перепечатано в 1914 г. журналом «Старина и Новизна» (Кн. 17. С. 383–385).
- ⁴¹ Кудрявцев И. М. Рукописное собрание А. С. Норова // Государственная ордена Ленина библиотека имени В. И. Ленина. Записки отдела рукописей. М., 1956. Вып. 18. С. 48–49.
- ⁴² Соколова М. В. История туризма. М., 2004. С. 252.
- ⁴³ Норов А. Несколько мыслей старого паломника // Морской сборник. 1858. Т. XXXIV, № 4. С. 157.
- ⁴⁴ Никитенко А. В. А. С. Норов : биографический очерк, читанный в торжественном собрании Академии наук 29 декабря 1869 г. С. 76.
- ⁴⁵ Бычков А. Ф. Воспоминание о деятельности Авраама Сергеевича Норова // Летопись занятий Археографической комиссии за четыре года. СПб., 1871. Вып. 5. С. 94.

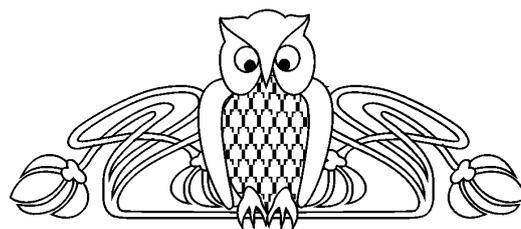

УДК 94 (47). 081

БОРЬБА ВОКРУГ ВАЛУЕВСКОГО ПРОЕКТА ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ: ЗАМЕЧАНИЯ М. А. КОРФА И Г. А. ЩЕРБАТОВА

Е. Н. Морозова

Саратовский государственный университет
E-mail: morozovaen@mail.ru

Статья тематически связана с публикацией автора в «Известиях Саратовского университета». Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. Она посвящена обсуждению валуевского проекта земской реформы представителями либеральной бюрократии: М. А. Корфом и Г. А. Щербатовым.

Ключевые слова: земство, земские учреждения, органы местного самоуправления, проект земской реформы, П. А. Валуйев, Г. А. Щербатов, М. А. Корф, избирательная система, пределы самостоятельности земских учреждений.

The Struggle around Valuev's Project of Zemstvo Reform: Suggestions by M. A. Korf and G. A. Sherbatov

Е. Н. Морозова

The paper is thematically linked to the author's paper in «Newsletter of Saratov University». New Series. Ser. History. 2012. Vol. 12, iss. 4. It focuses on the discussion of Valuev's project of Zemstvo Reform by the representatives of liberal bureaucracy M. A. Korf and G. A. Sherbatov.

Key words: zemstvo, zemstvo institutions, organs of local self-government, reform project, P. A. Valuev, G. A. Sherbatov, M. A. Korf, electoral system, limited independence of Zemstvo establishments.

Завершающий этап подготовки земской реформы начинается со 2 июля 1862 г., утверждением Главных начал и заканчивается 1 января 1864 г. принятием Положения о земских учреждениях. П. А. Валуйев продолжает разработку концепции земской реформы, не оставляя своих надежд на реализацию своего проекта «правительственного конституционализма». В марте 1863 г. Комиссия о губернских и уездных учреждениях представила проекты Положений о губернских и уездных учреждениях и временных правил по заведыванию земскими повинностями, народным продовольствием и общественным призрением до составления новых уставов по этим предметам¹.

Что же касается концептуальных новшеств, то новый проект немногим отличался от исправленного Первоначального очерка, утвержденного Александром II в качестве Главных начал². В избирательную систему был внесен ряд поправок, не имеющих принципиального значения: первая курия получила название курии «уездных землевладельцев», третья – стала именоваться курией «волостных и сельских обществ». По проекту поземельный ценз уже не исчислялся самостоятельно по каждой губернии в соответствии с

величиной подушных наделов, а указывался в специальной росписи, составленной для каждого уезда. Поземельный ценз уполномоченных должен был составлять не менее 1/20 поземельного ценза для дворян-землевладельцев. Проект сохранил увеличенный (двойной) поземельный ценз для землевладельцев-недворян и в четыре раза увеличенный – для арендаторов. Вновь в первую курию, как и в Первоначальном очерке, были включены представители духовенства³.

Наиболее важные поправки были приняты в сфере пассивного избирательного права. Его лишались владельцы торгово-промышленных предприятий и арендаторы, не принадлежавшие к потомственному дворянству⁴. Ст. 40 вводила ценз «несовместимости»⁵, запрещавшая избирать лиц, занимавших должности на государственной службе. Вместе с тем, пассивное право получили лица, занимавшие должности мирового посредника или мирового судьи в течение трех лет⁶.

Кроме указанных вопросов, наибольшие споры в Комиссии о губернских и уездных учреждениях вызвал вопрос о степени и пределах самостоятельности земских учреждений. Он был поднят известным правоведом С. И. Зарудным, который заявил о необходимости введения «определенных правил», регулирующих отношения земства с коронной администрацией. Комиссия ввела в проект «правила касательно наблюдения правительственной власти» и «разрешения этих разногласий»⁷. По постановлениям земства, которые требовали утверждения правительственной власти, отзывы губернатора должны были быть сообщены в течение недели, отзывы министра внутренних дел – в течение двух месяцев. По ст. 11 земские учреждения получали важное право приносить жалобы на неправильные действия губернатора и высших административных учреждений в Сенат⁸. Эта статья создавала условия для ограничения произвола местных властей и впоследствии породила огромное количество жалоб и ходатайств земств различных губерний в высший судебный орган.

В отличие от предыдущих периодов, на завершающем этапе подготовки земской реформы, правительство обращается к общественному мнению. Законопроект передается на обсуждение дворянских собраний; сам министр внутренних дел пишет ряд статей, разъясняющих суть Поло-

жения о земских учреждениях⁹. Исследователи видят определенное противоречие в том, что предположения дворянских собраний и дискуссии в прессе не нашли отражения в проекте земской реформы¹⁰. Думается, что это обращение к общественному мнению имело целью не столько выявить его позиции, сколько повлиять на него и сформировать благоприятное отношение общества к новой реформе.

Валуевский законопроект вызвал целый шквал критики, в том числе и в правительственных сферах, отражая ту внутреннюю борьбу, которая велась на всем протяжении подготовки реформ в местном управлении.

В рамках небольшой статьи невозможно рассмотреть все замечания на проект П. А. Валуева. В качестве объекта исследования избрано два документа: «Отношение главноуправляющего Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии» М. А. Корфа¹¹ и «Записку Петербургского предводителя дворянства» кн. Г. А. Щербатова¹². Первый документ избран потому, что вокруг него возникла некая легенда. «Отношение» Корфа привлекало внимание исследователей, но, на мой взгляд, представление о нем, как о ярком противнике сословности, проявившемся в критике валуевского проекта, является собой род исторического мифа. Второй документ, принадлежавший перу Г. А. Щербатова, в исторической литературе еще не подвергался анализу. Более известны его выступления по поводу Положения о земских учреждениях на заседаниях Государственного совета.

М. А. Корф был участником Особого совещательного собрания в апреле – мае 1862 г. Но тогда его замечания (судя по принадлежавшим ему оттискам Первоначального очерка) не носили существенного характера и касались лишь частных вопросов¹³. В преамбуле «Отношения» М. А. Корф объяснял появление своих вторичных замечаний новизной и трудностью дела, по которому ни в практике других государств, ни в общественном мнении, ни в науке «не образовалось еще почти ни одного твердого убеждения или начала»¹⁴. Но думается, что суть заключалась в другом: для Корфа, да и для других участников Особого совещательного собрания, введение самоуправления казалось им вопросом не столь важным, как некоторые из Великих реформ. Сам автор, собственно, об этом и заявляет на начальных страницах документа: «Работа эта по объему и по сложности не может равняться с приготовляемыми уставами судопроизводства или законоположениями 1861 года о крестьянах» (курсив наш. – Е. М.)¹⁵.

Произведение М. А. Корфа написано в стиле бюрократических бумаг того времени и начинается с похвал «истинно-просвещенным взглядам» Валуева и его Комиссии. Автор утверждает, что «главные основания» проекта, создававшие местное самоуправление на широких началах, «должны оставаться неприкосновенными». Но несмотря

на заверения автора, что его замечания касаются лишь «частностей и подробностей», критика Корфа коснулась всех сторон Положения о земских учреждениях: избирательного права, компетенции и пределов самостоятельности органов земского самоуправления¹⁶.

Большинство исследователей и представителей общества того времени считали, что предлагаемые Корфом изменения в составе первой курии характеризуют его как активного противника сословности. Об этом писал Г. А. Джаншиев, называя Корфа в числе «наиболее решительных противников сословного начала»¹⁷. Этой же точки зрения придерживался советский историк В. В. Гармиза, отмечая, что «поправки Корфа» последовательно проводили идею устранения «всяких элементов сословного начала», и «означали отказ от принципа сословности». Правда, пытаясь примирить ее с марксистскими позициями, он старается доказать, что «отказ от сословного принципа в данном случае не означал разрыв с помещичьим классом, а, наоборот, более полное выражение его классовых интересов»¹⁸. Об «анти-сословности» корфовской электоральной системы пишет и А. Ю. Шутов¹⁹.

Действительно, некоторые заявления Корфа, казалось бы, дают основания отнести его к противникам сословности. Критикуя Валуева, он отмечает, что выборный принцип, положенный в основу избирательной системы, носит сословный характер. Избирательная система построена так, что «преобладание... будет принадлежать классу наиболее самостоятельному и образованному»²⁰. Но Корфа в этом случае волновала не столько действительная необходимость ликвидации сословности, сколько предполагаемая негативная реакция «на сословное начало» в обществе²¹.

Однако после высокопарных фраз о недопустимости сословного принципа идет тонкое замечание, которое многое объясняет в сложных электоральных построениях Корфа: «Посему, может быть было бы удобнее достигнуть означенной цели иным путем»²².

Какой же иной путь предлагал Корф? В курии уездных землевладельцев он предложил ввести различия в поземельном цензе для «владельцев такой земли, на которой существует заселение или заведено правильное хлебопашество», и для владельцев пустошей, лесной или степной земли. Для первых поземельный ценз должен быть уменьшен, для вторых – увеличен. Далее, по мнению главноуправляющего, следовало лишить права голоса арендаторов, в то же время увеличив число избирателей за счет собственников, имевших на землях уезда дома, дачи, чья стоимость оценивалась не ниже 15 тыс. рублей. Лица, имевшие недвижимую собственность, оцененную не менее чем в 1 тыс. рублей, получали право участия через уполномоченных. Увеличение круга избирателей должно было произойти и за счет так называемых *capacités* с пониженным избирательным цензом, к

которым он относил постоянно живущих в уезде лиц, «занимающих и занимавших должности мировых судей и мировых посредников, членов земских учреждений, предводителей и депутатов дворянства, городских голов», также лиц с высшим образованием²³. Вместе с тем, Корф предлагал ограничить число уполномоченных, посылаемых от мелких собственников в избирательные собрания²⁴.

Анализ корфовского «электорального порядка» показывает, что, по сути дела, это была лишь скрытая попытка увеличить дворянское представительство в органах местного самоуправления. Во-первых, с понижением поземельного ценза для собственников, владеющих заселенными землями, расширялся круг дворян-землевладельцев, имевших право голоса в первой курии; во-вторых, их численность возрастала и с предоставлением права голоса владельцам домов и дач. Кстати сказать, денежный ценз в 15 тыс. рублей был равен по стоимости 100 подушным наделам; в-третьих, категория сараситэ также состояла в основном из дворян; в-четвертых, предлагая ограничить число уполномоченных, Корф добивался того, чтобы мелкие собственники «своим численным влиянием не перевешивали влияния богатых и образованных землевладельцев, вследствие чего и сами гласные, собранием избранные, не утрачивали бы свой настоящий характер представителей крупного и среднего землевладения» (курсив наш. – Е. М.).

Корф, упрекая Валуюва за то, что ст. 22 проекта дает мелким собственникам «слишком явное и не на чем не основанное преимущество» перед крупными владельцами, предлагал поистине драконовскую меру: увеличить имущественный ценз «вдвое или даже втрое», а в расчет принимать «только имущество лиц, действительно прибывших для избрания уполномоченных»²⁵. Вследствие подобных изменений мелкие собственники практически были лишены права участия в выборах. В-пятых, исключая из состава избирателей арендаторов, Корф уменьшал в первой курии число недворян. Он прозорливо предвидел расширение арендных отношений, что привело бы к увеличению в дальнейшем избирателей других сословий в первой курии²⁶.

Таким образом, все декларации Корфа о ликвидации сословности являли миф, и первая курия превратилась бы в курию крупного и среднего дворянского землевладения.

Однако П. А. Валуюв, в отличие от многих апологетов Корфа, отчетливо видел, что предложение последнего о замене «сословного различия различием земель заселенных и незаселенных» немногим отличается от постановлений проекта, ибо большинство «населенных земель принадлежит дворянам»²⁷.

Валуюв, понимая, что все предложения Корфа имеют те же цели, что и его проект, но носят более замаскированный характер, согласился на

введение категории сараситэ, но с исключением из их числа лиц, окончивших высшие учебные заведения²⁸.

Некоторые исследователи земства ставили Корфу в заслугу ликвидацию второй, городской курии, рассматривая этот факт как дальнейшее стремление к ликвидации сословности и переходу к территориальному принципу формирования земских учреждений²⁹. Такая точка зрения основывается на высказывании М. А. Корфа, который заявлял, что создание особой городской курии насаждает сословность и поддерживает разъединение сословий, ибо «города в России представляют собой искусственно созданные единицы»³⁰. Но в действительности его заботил пониженный имущественный ценз для городских жителей, который был в 30 раз меньше, чем имущественный ценз для уездных собственников: «Установление для городских обывателей особого избирательного ценза... повело бы для обеих сторон несправедливости»³¹.

В целях восстановления «попранной справедливости» Корф предлагал «большой части городов» вовсе «не давать отдельного от уезда представительства» и крупных городских собственников, в частности, купцов первой гильдии, имеющих недвижимость на сумму не менее 15 тыс. рублей, включить в состав избирателей первой курии. Купцы второй гильдии должны были участвовать в выборах через уполномоченных. Иную систему он предусматривал для «губернских и других крупных городов», а также для двух столиц, где образовывались «отдельные выборные участки» из представителей крупной собственности»³².

Возражая Корфу, П. А. Валуюв совершенно справедливо замечал, что пониженный ценз для городов введен прежде всего потому, что «при бедности многих городов возвышенный ценз» не только лишил бы многих его жителей права участия в выборах, но и привел бы во многих случаях к «отсутствию представителей городской территории в земском собрании»³³.

В целом первая курия в корфовском проекте, так же как и в валуевском Положении, строилась на принципе имущественного ценза с преобладанием дворянства.

Что же касается формирования третьей курии, Корф выступал так же как и Валуюв, за косвенные двухстепенные выборы. Однако Корф предлагал составлять избирательные съезды не из представителей сельской администрации, а из выборных от сельских обществ: 1 человек от 200 душ, а количество гласных исчислять по одному от 4 тысяч душ сельского населения³⁴. Как отмечают Л. Е. Лаптева и А. Ю. Шутов, «квотирование представительства от крестьян, как полагал Корф, в большей степени отвечает сумме имущества и рабочих сил сельского сословия»³⁵.

М. А. Корф с либеральных позиций осудил различия в активном и пассивном избирательном праве, полагая, что «член каждого избирательного

собрания имеет право быть избран в гласные, как своим собранием, так и другими, того же уезда». Единственным ограничением, считал он, должна являться грамотность, «ибо без такого элементарного образования нельзя ожидать пользы от участия... в управлении общественными делами»³⁶.

Так же как и Н. А. Милютин, М. А. Корф считал, что нужно отменить ст. 49 и 61 Положения о председательстве в уездных управах предводителей дворянства и назначения губернатором председателей и членов земских управ³⁷. Он предвидел, что подобный принцип строительства земских управ приведет к конфронтации земских учреждений с коронной администрацией³⁸.

Новаторской для того времени представляется идея Корфа о правилах выборов в губернское собрание, где он предлагал в целях «верно выраженного общественного мнения» избирать 1 губернского гласного от 7 уездных. Каждый гласный «мог подать голос только в пользу одного лица и всякие семеро могут согласиться и избрать того, кому наиболее доверяют»³⁹. По его мнению, это позволило бы отразить существующие в обществе «разнородные, даже находящиеся во взаимной борьбе интересы, как, например, между крестьянскими общинами и землевладельцами»⁴⁰. Корф считал, что в результате исчезнет одностороннее представительство «преобладающих в уездных собраниях партий»⁴¹.

Система выборов, предложенная Корфом, была крайне неудачна по форме, слишком громоздкой, но она представляла собой первую попытку представить различные общественные и политические интересы в местном представительном учреждении. Это предложение М. А. Корфа вызвало раздраженную реакцию П. А. Валуева, заявившего, что подобная система приведет к антагонизму в земских делах, ибо интерес «всякого уезда в губернии един и неделим и на земскую почву не следует переносить политические понятия о партиях и направлениях»⁴². Но взгляды Валуева (и не только его) на земские учреждения, которые должны отражать «единые и неделимые» интересы уезда и губернии, оказались утопией. Земства стали ареной борьбы различных фракций и группировок и частого противостояния либеральной и консервативной части земских гласных⁴³.

Что же касается степени самостоятельности и пределов власти земских учреждений, то, безусловно, проект Корфа был гораздо более либеральным, нежели проект П. А. Валуева. Именно в этой части критические замечания Корфа представляли другое видение места и роли земских учреждений в местном управлении. Корф считал, что Положение о земских учреждениях поставит «на место одних присутственных мест другие». Он видел цель земской реформы в «изменении самых коренных условий нашей системы местного управления»⁴⁴. Этот тезис отчетливо поясняет различия во взглядах П. А. Валуева и М. А. Корфа на проблему децентрализации. Вспомним, что для Валуева

централизация заключалась в передаче ряда дел из «ведения коронных инстанций в руки инстанций общественных и сословных»⁴⁵. М. А. Корф рассматривал «учреждение выборных органов управления» как главное и необходимое условие децентрализации при решении тройкой задачи: «дать земствам не фиктивное, а действительное значение в государственном устройстве, одновременно не ослабив государственного единства и не нарушив права частных лиц и обществ»⁴⁶. Решение этой задачи возможно достигнуть лишь, «предоставив местным учреждениям, в круге их дел, возможно полной самостоятельности», ограничив вмешательство правительства «преимущественно надзором»⁴⁷.

Корф предлагал разрешить земским учреждениям изменять Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и земских повинностях, что позволило бы высвободить их «по некоторым частям, из-под административной опеки». Расширение предметов ведения, по его мнению, позволило бы повысить авторитет новых учреждений в обществе и показать, что они «суть не исполнительные канцелярии, а установления с инициативой и действительным влиянием в делах»⁴⁸.

Кроме того, М. А. Корф, продолжая свою мысль о дальнейшем расширении самостоятельности земских учреждений, предлагал признать за ними право издания по вверенным им отраслям управления правила или постановления (reglements), обязательные для населения. Такое право, утверждал Корф, «имеет всякое установление, имеющее самостоятельное место в администрации»⁴⁹.

Обращаясь к правам губернаторов, М. А. Корф, с одной стороны, выступал за ограничительное действие ст. 10, когда начальник губернии мог применить свою власть в случае неисполнения земством дел, имеющих общегосударственное значение с их точным перечислением; о круге же дел, имеющих местное значение, он мог лишь напоминать. С другой стороны, главноуправляющий вернулся к той статье Первоначального очерка, которая позволяла участвовать губернатору в заседаниях губернских собраний с правом совещательного голоса, что стало бы средством «теснейшего единения правительственной власти с земской»⁵⁰.

Весьма интересным представляется замечание Корфа по поводу «чрезвычайно важной роли» Первого департамента Сената в решении конфликтных ситуаций между земством и правительственной администрацией. Корф отчетливо видел грядущие конфликты между органами самоуправления и правительственной властью в связи с «невозможностью точно обозначить в законе» границу между местными и государственными интересами, что должно неизбежно повлечь различные толкования предлагаемого законодательного акта. «Таким образом, – писал Корф, – от взгляда Сената на предмет, от юриспруденции, которой он

станет держаться, будет зависеть весь характер, и можно даже сказать, вся будущая судьба нашего местного самоуправления»⁵¹.

В исторической литературе замечания М. А. Корфа получили различную оценку. Н. Н. Авинов выступил с апологетикой представлений Корфа на земскую реформу и считал, что в его замечаниях и в последующих выступлениях в Государственном совете очевидно стремление к достижению «возможно полного и последовательного осуществления начал самоуправления в устройстве новых земских учреждений»⁵². А. А. Корнилов давал более осторожную оценку, считая, что «предположения Комиссии Валуева были поколеблены критикой Корфа», впрочем, замечая, что причина заключалась в желании Корфа их «замаскировать, чтобы не вызвать дурного впечатления в обществе»⁵³. Противоположную точку зрения высказал С. Я. Цейтлин, подчеркивая, что «основные начала проекта не подвергались здесь никаким изменениям и нисколько не были затронуты критикой Корфа»⁵⁴. Более близкую к истине позицию занимает современный историк Б. Г. Литвак, который считает, что Корф хотел «как можно более изящно, более юридически цивилизованно защитить сословные интересы дворянства», и именно поэтому «он представлял себе земские учреждения более самостоятельными»⁵⁵.

Но критические замечания Корфа на проект земской реформы были не единственными. Как уже говорилось выше, в личном фонде П. А. Валуева сохранилась «Записка Петербургского предводителя дворянства кн. Г. А. Щербатова по поводу Положения о губернских и уездных земских учреждениях (с замечаниями П. А. Валуева)»⁵⁶.

Следует сказать, что, в отличие от корректных ответов на «Отношение» М. А. Корфа, П. А. Валуев в достаточно резкой форме прокомментировал «Записку» кн. Г. А. Щербатова⁵⁷.

Петербургский предводитель дворянства оставил в стороне избирательную систему и принципы формирования земских учреждений. Он лишь отметил, что в Положении о земских учреждениях «ясно выражается искусственность и совершенная произвольность в образовании состава земских учреждений и в способах избрания земских гласных, о чем свидетельствуют ст. 15, 20, 22, 26, 27–30 проекта Валуева»⁵⁸.

Щербатов посвятил свою «Записку» проблемам компетенции земских учреждений. Он поставил три вопроса: правильно ли определены в проекте сфера деятельности земских учреждений, предметы ведения и пределы самостоятельности органов местного самоуправления?⁵⁹

На все поставленные вопросы Г. А. Щербатов ответил отрицательно. Он обратил внимание на статью, которая дискутировалась при подготовке всех проектов земской реформы: о соотношении государственных и местных дел. Он подчеркивал, что необходимо избегать «всякого возможного смешения государственных интересов с земскими,

определить предметы, подлежащие заведыванию земских учреждений, подчинив их предварительному обсуждению: относятся они или нет к местным хозяйственным нуждам и пользам каждой губернии и уезда»⁶⁰.

По мнению Щербатова, все земские дела должны быть определены в законодательном порядке, но не в административном⁶¹. В частности, он отмечал, что в проекте «исчисление дел», принадлежащих кругу ведения земства, слишком «узки», «неполны» и «неудовлетворительны»⁶². Интересно замечание П. А. Валуева, которое свидетельствует о том, что проект земской реформы не был тщательно доработан. Министр внутренних дел пишет: «На первый взгляд трудно придумать на языке законодательства такого исчисления предметов земско-хозяйственной жизни. *Практика вырабатывается недосказанным. Неужели сразу можно предусмотреть все?*» (курсив наш. – Е.М.)⁶³. Эта неопределенность в сфере предметов ведения и терминологическая пестрота («заведывание», «устройство и содержание», «участие», «попечение», «участие в попечении», «воспособление», «заботы», «содействие») отразились и в самом законоположении о земствах 1864 г., породив острые дискуссии в среде российских правоведов⁶⁴.

Г. А. Щербатов, говоря о пределах самостоятельности земств, предложил четко выделить обязательные повинности, сопряженные с государственными интересами, где «влияние правительства – неоспоримо» (П. А. Валуев заметил на полях «Записки»: «совершенно справедливо»). Но, по мнению петербургского предводителя дворянства, необязательными повинностями земство должно распоряжаться совершенно независимо от правительства. Только признанием земства частным юридическим лицом можно примирить два разнородных начала: централизацию и самоуправление⁶⁵.

Автор «Записки», проанализировав предметы ведения земских учреждений, обратил внимание на то, что в «наипольнейших предметах» для населения губернии – народном образовании, здравоохранении, ветеринарной части, земства имеют право «ограниченного участия». Но именно в этой сфере их деятельность должна носить самостоятельный характер. Щербатов подчеркнул: «Необязательные повинности земства, не находящиеся в связи с государственным строем страны, должны быть предоставлены полному самостоятельной заведыванию земских учреждениям»⁶⁶. В своих замечаниях Валуев настоятельно указывал, что «вся санитарная часть, учебная часть – дело центральной власти», где «земские учреждения могут содействовать, но не соуправлять»⁶⁷. Г. А. Щербатов, характеризуя обязательные повинности земских учреждений (по воинской части, дорожную, почтовую), сделал вывод о том, что они – особенно воинская – определены не как «местные пользы и нужды», а для «удобства правительства». Автор

«Записки» крайне негативно высказался «по поводу духа и направления» Положения о земских учреждениях: «Земские учреждения, в сущности, не что иное, как учреждения, находящиеся в полной зависимости от правительственной власти и исполняющие ее распоряжения»⁶⁸.

Валуев был возмущен такой характеристикой целей законопроекта: «Удивительны замечания кн. Щербатова, который будет участвовать в утверждении проекта, чему Россия не знала примера». Более всего министра задела упреки в части усиленного правительственного контроля над органами земского самоуправления. «Разве правительство отреклось от прав коронной власти? Разве здесь уже образовалось государственное земское собрание?» (курсив наш. – Е. М.)⁶⁹. Кстати, последняя ремарка П. А. Валуева – намек на требования либерального дворянства «увенчания здания» созданием общероссийского земского представительного органа.

Проанализировав Положение о земских учреждениях П. А. Валуева, Г. А. Щербатов заключил, что в подобном варианте «земские учреждения... не будут отличаться от тех присутствий, комиссий и прочих учреждений, которым в настоящее время поручено заведывание предметами, покрываемыми земскими сборами и капиталами»⁷⁰. Замечу, что этот тезис Щербатова почти дословно повторяет слова Корфа, приведенные выше. По мнению Щербатова, в валуевском проекте сохраняется «непосредственный контроль» правительства, «неопределенность круга действий» будущих земских учреждений. Единственное различие с дореформенными учреждениями Щербатов видит в распространении «права участия на крестьян», «на сословия и учреждения, до сих пор не подлежащие земским повинностям»⁷¹. Уничжительное отношение к валуевскому проекту проявляется в заключительной его оценке: «Так не проще ли было, не возбуждая вопроса о коренных преобразованиях, основанных на началах самоуправления, выраженного на словах, но не выраженного на деле, сохранить нынешние учреждения, дав лишь большее участие выборных от сословий лицам». Петербургский предводитель дворянства, так же как и М. А. Корф, считал, что земства должны подчиняться государственным законам, судебным порядкам, но никак не административному контролю. Право же правительственной власти должно ограничиваться наблюдением, для того чтобы «земство не выходило из пределов деятельности, законом поставленных»⁷².

Таким образом, Положение о земских учреждениях П. А. Валуева оставило в неприкосновенности дореформенную систему местного управления, поставив рядом с ним органы общественного самоуправления, связанные с ней лишь контролем и надзором правительственной администрации. Только такое земство могло стать источником для предполагаемой реформы Государственного совета.

На этом этапе, как и на предыдущих, шла борьба внутри правящей элиты, но она приняла специфический характер появления иных вариантов реформы, созданных в связи с критическими замечаниями на проект министра внутренних дел. При обсуждении валуевского проекта отчетливо выявились разногласия в среде правительственной бюрократии по поводу сущности, места и роли земских учреждений.

Проект М. А. Корфа создавал дворянские земства с преобладанием среднего и крупного землевладения с большей степенью самостоятельности, нежели это предполагалось по валуевскому проекту. М. А. Корф, в отличие от Н. А. Милютинина и П. А. Валуева, не рассматривал земства ни в контексте полного реформирования всего местного управления, ни в контексте реформ высших органов власти. Однако в его проекте большое внимание уделялось вопросам законности деятельности как органов местного самоуправления, так и правительственных инстанций в сфере наблюдения и контроля за земскими учреждениями. К проекту М. А. Корфа тесно примыкают замечания Г. А. Щербатова в сфере расширения полномочий и пределов самостоятельности земских учреждений. Указанные проекты строились на принципах всеобщности, имущественного ценза, выборности гласных. Но эти принципы толковались авторами законопроектов по-разному, в соответствии со своими взглядами на роль и место земских учреждений в политической системе России.

Примечания:

- 1 См.: Историческая записка о ходе работ по составлению и применению положения о земских учреждениях. Б.м., 1888–1889. С. 4.
- 2 Проект Положения о земских учреждениях обсуждался на заседаниях Комиссии о губернских и уездных учреждениях в феврале – марте 1863 г. См.: Российский государственный архив (далее – РГИА). Ф. 1316. Оп. 1. Д. 148.
- 3 Историческая записка... С. 26–29. Четверо членов Комиссии выступили против включения в состав избирателей священников, считая, что участие в общественных гражданских делах «не вполне свойственны характеру духовного сана». Однако Валуев и его сторонники настаивали на том, что священники «имели свои интересы в правильном устройстве земского хозяйства», и особенно полезно их участие «в тех местах, где есть различия в происхождении, языке и вере» (РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 148. Л. 9).
- 4 См.: Историческая записка... С. 33–35.
- 5 См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран / под ред. Б. А. Страшуна : в 2 т. М., 1995. Т. 2. С. 28.
- 6 Принятие этой статьи было ознаменовано бурными спорами в Комиссии о губернских и уездных учреждениях. С. И. Зарудный, А. А. Бобринский, П. Н. Даневский, П. С. Лебедев выступили против нее, считая, что она

- «противоречит общему принципу имущественного ценза», внося «постороннее служебное начало». Но под давлением Валуева и его сторонников, доказывавших, что «предоставление прав мировым посредникам не нарушают начала ценза», ибо они назначаются из лиц, «владеющих в уезде определенным пространством земли», эта статья была введена в законопроект (РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 148. Л. 7–8).
- 7 РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 148. Л. 4–5.
- 8 См.: Историческая записка... С. 246–247.
- 9 Историческая записка... С. 3 ; см. также : Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. М., 1961 (далее – *Валуев П. А. Дневник*). Т. 1. С. 243.
- 10 Напр. см.: *Джанишев Г. А. Эпоха Великих реформ. Исторические справки*. 10-е изд., посмертное, доп. СПб., 1907. С. 291, 301.
- 11 *Корф М. А. Отношение главноуправляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Государственный совет*. Б. м.; Б. г. Т. 25, ч. 2. С. 2.
- 12 В личном фонде П. А. Валуева сохранилась Записка Петербургского предводителя дворянства кн. Г. А. Щербатова по поводу Положения о губернских и уездных земских учреждениях (с замечаниями П. А. Валуева (далее – Записка). (РГИА Ф. 809. Оп. 1. Д. 114).
- 13 Отдел рукописей российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 379. Ф. П. Корнилов. Оп. 1. Д. 209.
- 14 *Корф М. А. Отношение*. С. 2.
- 15 Там же. С. 2. Некоторые авторы преувеличивают значимость именно земской реформы для высших сановников империи. В частности, М. М. Шумилов отмечает, что «земской реформе в правящих кругах империи придавали исключительно важное значение, о чем свидетельствуют слова Корфа о целях реформы. Для Корфа, П. А. Валуева, П. Л. Шувалова было совершенно очевидно, что учреждение местных выборных органов управления является условием рациональной децентрализации». См.: *Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века*. М., 1991. С. 45–46.
- 16 Там же. С. 2–3.
- 17 См.: *Джанишев Г. А. Эпоха Великих реформ*. С. 6.
- 18 *Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г.* М., 1957. С. 212–213, 219.
- 19 См.: *Шутов А. Ю. Земские выборы в истории России (1864–1917)*. М., 1997. С. 52.
- 20 *Корф М. А. Отношение*. С. 4–5. Эта идея привлечения образованного класса к управлению была весьма распространена как среди либерального дворянства, так и либеральной бюрократии. А. В. Никитенко писал в 1864 г. : «Нам нужно одно: расширять и усиливать права класса образованного, не держась никаких сословных принципов» (*Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель я в жизни был. Записки и дневник. 1804–1877* : в 2 т. 2-е изд. СПб., 1904–1905. Т. 2. С. 158).
- 21 Там же. С. 4, 6.
- 22 Там же. С. 6.
- 23 Там же. С. 5.
- 24 Там же. С. 7.
- 25 Там же. С. 10.
- 26 См.: ГА РФ. Ф. 102. Дп. 3. Оп. 1. Д. 59. Ч. 2. Л. 114–115 ; См. также : Государственный архив Саратовской области. Ф. 53. Оп. 1. Д. 73. Л. 86.
- 27 *Валуев П. А. Замечания по редакции некоторых статей проекта положения о губернских и уездных земских учреждениях // Государственный совет*. Т. 25, ч. 1. С. 8–9.
- 28 Отказавшись от своих прежних взглядов, Валуев доказывал, «что в делах земства» участие лиц с высшим образованием «не предоставляет особых ручательств практической пользы допущения» (*Валуев П. А. Замечания*. С. 8–9).
- 29 См.: *Шутов А. Ю. Земские выборы в истории России*. С. 53 ; *Лантева Л. Е., Шутов А. Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России*. М., 1999. С. 69.
- 30 *Корф М. А. Отношение*. С. 11.
- 31 Там же. С. 12.
- 32 Там же. С. 16–17.
- 33 *Валуев П. А. Замечания*. С. 14–15.
- 34 См.: *Корф М. А. Отношение*. С. 19.
- 35 *Лантева Л. Е., Шутов А. Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России*. С. 70–71.
- 36 *Корф М. А. Отношение*. С. 20–21.
- 37 Там же. С. 21.
- 38 Там же. С. 22.
- 39 Там же. С. 22–23.
- 40 Там же. С. 27.
- 41 Там же. С. 28–29. Ср.: *Ключевский В. О. Соч.* : в 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 351.
- 42 *Валуев П. А. Замечания*. С. 22. В. П. Мещерский иронично писал о сути валуевского проекта: «Валуев исходил из мысли, что создавая в губернии целую область земских, т. е. хозяйственных забот, он этим давал умам сферу деятельности, которая могла бы их оживлять, занять и отвлечь от политических мечтаний, в общей, так сказать, сфере. Разве это было не наивно? А затем, говоря о земстве, как о всесословном органе хозяйства в губернии, он не менее наивно представлял его себе каким-то оркестром, в котором будут гармонично разыгрываться все мотивы земского selfgovernment, все инструменты провинциальной жизни, и где дирижером в каждой губернии будет губернатор» (курсив наш. – Е. М.). См.: *Мещерский В. П. Мои воспоминания. (1850–1865 гг.)*. СПб., 1897. Ч. 1. С. 292.
- 43 См.: *Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века*. М., 1977. С. 175–228.
- 44 *Корф М. А. Отношение*. С. 30.
- 45 Там же. С. 31.
- 46 Там же. С. 31–33.
- 47 Там же. С. 34.
- 48 Там же. С. 39–40, 45.
- 49 Там же. С. 45–47.
- 50 Там же. С. 50.

- ⁵¹ По поводу характера реформирования Сената М. А. Корф открыто не высказывался, заметив, что «о том, нужны ли... какие-либо перемены и какие именно в нынешнем устройстве Первого департамента сената, здесь не место распространяться» (*Корф М. А. Отношение. С. 53–54*).
- ⁵² *Авинов Н. Н.* Граф Корф и земская реформа 1864 года. Из истории составления Положения о земских учреждениях 1864 г. М., 1904. С. 12.
- ⁵³ *Корнилов А. А.* Из истории вопроса об избирательном праве в земстве. СПб., 1906. С. 43.
- ⁵⁴ *Цейтлин С. Я.* Земская реформа // История России в XIX веке : Б. м., Изд-во «Бр. Гранат», б. г. Т. 3. С. 164.
- ⁵⁵ *Литвак Б. Г.* Переворот 1861 г. в России : почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 240.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 809. Оп. 1. Д. 114.
- ⁵⁷ См.: *Гармиза В. В.* Указ. соч. С. 213–219.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 809. Оп. 1. Д. 114. Л. 20
- ⁵⁹ Там же. Л. 1–3.
- ⁶⁰ Там же. Л. 5.
- ⁶¹ Там же. Л. 3.
- ⁶² Там же. Л. 3–4.
- ⁶³ Там же. Л. 4.
- ⁶⁴ *Морозова Е. Н.* Власть и земское самоуправление : опыт российского земства // История государства и права. 2009. № 19. С. 20–21.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 809. Оп. 1. Д. 114. Л. 7.
- ⁶⁶ Там же. Л. 6.
- ⁶⁷ Там же. Л. 11.
- ⁶⁸ Там же. Л. 12.
- ⁶⁹ Там же. Л. 17.
- ⁷⁰ Там же. Л. 18.
- ⁷¹ Там же. Л. 18–19.
- ⁷² Там же. Л. 20–21.

УДК 94 (47). 081 / 083

ПРОВЕДЕНИЕ ЗЕМСКИМИ СТАТИСТИКАМИ ПОДВОРНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ

С. В. Лёвин

Саратовский государственный университет,
Балашовский институт
E-mail: Serg.Lewin@yandex.ru

Материалы земской статистики являются ценным источником по истории русской пореформенной деревни. Земские статистики проделали колоссальную работу по изучению социально-экономического состояния крестьянских хозяйств страны. Наиболее эффективным методом получения первичных статистических данных стали сплошные подворные переписи крестьянских хозяйств, которые проводились в земских губерниях в 80-е гг. XIX в. В статье рассматриваются механизм их проведения и результаты.

Ключевые слова: волость, земские статистики, крестьянский двор, перепись, сельский сход, уезд.

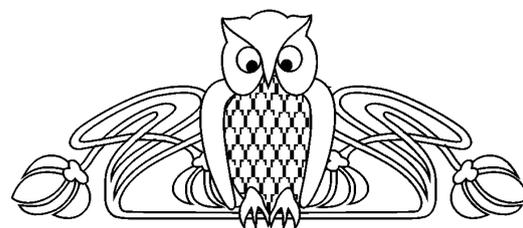
Conducting a House-to-House Census of Peasant Households by Zemstvo Statisticians

S. V. Lyovin

The materials of zemstvo statistics are a valuable source on the history of the Russian village in the period after the reform. Zemstvo statisticians did a colossal work connected with the study of socioeconomic status of peasant households of the country. The most effective method of acquiring primary statistical data was a total house-to-house census of peasant households which was conducted in zemstvo gubernias in the 80th of the XIXth century. The article deals with the mechanism of its conduction and the results.

Keywords: volost, zemstvo statisticians, peasant household, census, rural gathering, uyezd.

Исследование социально-экономического положения крестьянских хозяйств составляло

одно из основных направлений хозяйственной деятельности земств. Для этого во второй половине 1870-х – первой половине 1880-х гг. при губернских земских управах создаются статистические отделы (бюро). Их главной задачей являлось изучение социально-экономического положения крестьянских хозяйств. Земские статистики внесли в это решающий вклад. Крестьянские хозяйства они исследовали посредством проведения сначала пообщинных (поселенных), а затем – подворных переписей.

Первоначально в земских статистических исследованиях преобладал пообщинный метод, при котором изучению подвергалась вся крестьянская община, а отдельный крестьянский двор рассматривался лишь как её составная часть. В общине земские статистики видели готовую, исторически сложившуюся территориально-хозяйственную единицу. «Имея дело с местностью Великороссии, где господствует общинное землевладение, – писал экономист и публицист В. П. Воронцов, – исследователь тем самым получал и единицу, к которой удобно приурочить собираемый материал. Община – не искусственное целое, подобно деревне, а естественный союз по земле, то есть, по важнейшему хозяйственному фактору»¹.

Пообщинный метод позволял определить экономическое состояние крестьянской общины,

главным образом, в количественных показателях, но сделать анализ процессов, происходивших внутри неё, было невозможно. Для этого требовалось знать социально-экономическое положение каждого крестьянского двора, входившего в общину, ибо без этого, по справедливому замечанию В. П. Воронцова, «группировка собранного материала по деревням или общинам имеет сравнительно мало не только научного, но и практического значения»². Разбирая пообщинный метод, В. П. Воронцов, в конечном итоге, пришёл к выводу, что «реальной хозяйственной единицей является не село или община, а двор, семья; поэтому и совершенно точных и определённых результатов мы достигнем в том случае, если будем иметь возможность производить желательные комбинации непосредственно над семьями»³.

Обрабатывать собранный цифровой материал и сводить его в статистические таблицы было довольно сложно, а печатать громоздкие пообщинные списки, в которых фиксировались первичные данные, являлось делом ещё более трудным. Поэтому уже к середине 1880-х гг. пообщинный метод почти во всех земских губерниях был вытеснен подворным методом. «Первоначально, – писал В. И. Ленин, – земская статистика ограничивалась при переписях данными пообщинными, не собирая данных о каждом крестьянском дворе. Скоро, однако, заметили различия в имущественном положении этих дворов и предприняли подворные переписи – это было первым шагом на пути к более глубокому изучению экономического положения крестьян»⁴.

При подворном методе собирались сведения о каждом крестьянском дворе, который, по образному выражению экономиста и статистика Е. З. Волкова, «становился краеугольным пунктом всей земской статистико-экономической работы»⁵. Земские статистики выделяли следующие преимущества подворного метода перед пообщинным: а) создается более полная картина внутренней жизни села; б) в несколько раз увеличивается количество первичных данных; в) представляется возможным сводить цифровой материал в таблицы, чтобы удобнее было его печатать и легче с ним работать.

Подворный метод включал в себя два способа получения первичных статистических сведений – опрос и осмотр. Осмотр или обход крестьянских дворов земскими статистиками использовался крайне редко, в силу его затратности для земского бюджета. Более эффективным способом оказался устный опрос жителей села, позволявший получить более полные и достоверные данные о крестьянском хозяйстве. Он был взят на вооружение почти всеми земскими статистическими отделами.

Переписи крестьянских хозяйств в земледельческих губерниях проходили, как правило, весной, летом и ранней осенью. Наиболее удобным временем считались конец весны (после окончания посевных работ) и начало осени, «когда

крестьяне свободны и день долог». Переписи не проводились в дни церковных праздников. Все эти моменты учитывались земством и сотрудниками статистического отдела при составлении программы статистического обследования того или иного уезда. В докладе Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1883 г. прямо указывалось: «Собирание статистических сведений на местах невозможно ни в весеннее половодье, ни в осеннюю распутицу, а также и во время пахоты и уборки хлебов, в Рождественские праздники и в Пасху со страстной неделей»⁶.

Прежде чем приступить к проведению переписи крестьянских хозяйств намеченного уезда, губернская земская управа поручала уездным управам «предписать сельским правлениям, приготовить по каждой общине списки домохозяев, с разделением последних на домовых, бездомовых, надельных и безнадельных, осёдлых и отсутствующих, приписных и посторонних»⁷. В большинстве губерний руководители уездных земских управ оказывали всяческое содействие земским статистикам. Так, саратовские статистики, проводя перепись крестьянских хозяйств Царицынского уезда губернии, «постоянно пользовались всесторонним содействием Царицынской уездной управы, главным образом, в лице её председателя Д. В. Суходеева», председатель Аткарской уездной земской управы Л. Н. Сафонов «доставил в полное распоряжение статистического отделения управы» сведения о личном землевладении в уезде, в Петровском уезде сотрудники статистического бюро «в течение всего времени местных исследований постоянно пользовались всесторонним содействием председателя Петровской уездной земской управы М. Я. Кожина»⁸.

Впрочем, не всегда и не везде уездные земские управы оказывали помощь статистикам. Например, гласные Кузнецкого уездного земского собрания высказались категорически «против какого бы то ни было содействия трудам Саратовского статистического бюро, находя труды его при настоящем исследовании не только бесполезными, но прямо вредными и, полагая, что статистические труды по заранее выработанным формам должны быть возложены на местных земских деятелей»⁹. По мнению земских гласных, «допущение людей неизвестных и чуждых народу созывать сельские сходы, составлять подворные описи, задавать толпе вопросы, смысл которых может быть ею всячески истолкован несвоевременно ввиду того, что оно нарушает спокойствие народной жизни»¹⁰. В конечном итоге, Кузнецкое уездное земское собрание большинством голосов постановило: «Ходатайствовать перед губернским земским собранием о продолжительной отсрочке, а если возможно, то и о полном освобождении Кузнецкого уезда от визитации губернских статистиков, об избавлении Кузнецкого уезда от участия в расходах по содержанию бюро, труды которого оно

считает непроизводительными, и вместе с сим отказать губернской управе в выдаче безпрогонных листов для разъездов статистиков»¹¹.

Земские статистики на местах, прежде чем непосредственно приступить к проведению устного опроса крестьян на сельском сходе, продельвали колоссальную предварительную работу. Они внимательно знакомились со всей документацией хозяйственного назначения, которая хранилась в волостных правлениях, и выписывали из книг крестьянских сделок и договоров «все достойные внимания данные, – более или менее характеризующие условия жизни населения с экономической и бытовой стороны»¹². Из этих книг выписывались все сделки за последние пять лет относительно наделной, казённой, удельной и частновладельческой аренды с указанием размера арендуемой земли, сроков аренды и годовой суммы, уплачиваемой или получаемой за аренду земли. Книги сделок и договоров позволяли фиксировать «все случаи найма на земледельческие работы». Из окладных книг, хранившихся в волостном правлении, делались выборки о платежах и недоимках по каждому селению, а также о численности «окладных душ». Из уставных грамот, «владенных записей и купчих крепостей» брались сведения о количестве всей земли, находившейся в сельскохозяйственном обороте. Документы волостных судов содержали необходимую информацию о правовых аспектах жизнедеятельности крестьянских хозяйств. Весь полученный материал самым тщательным образом проверялся и анализировался. Только после этого сотрудники статистического бюро просили сельского старосту созвать крестьянский сход, который являлся главным источником получения необходимой информации о крестьянских хозяйствах.

Если селение было не слишком большим, то на сход созывалось всё взрослое население обою пола, если же село или деревня были достаточно большими, на сход приглашались не все жители, а лишь наиболее уважаемые среди односельчан домохозяева, которые могли дать сведения не только о своих хозяйствах, но и о хозяйствах своих соседей, зная их экономическое положение. Нередко при опросе присутствовали приходские священники.

На сходе статистики проводили опрос всех собравшихся по составленной ими программе (анкете). Как правило, эти анкеты состояли из двадцати-тридцати разделов, включавших историко-географическое описание населённого пункта, характеристику форм крестьянского землевладения, промыслов, торговли, анализ бюджета крестьянских семей, их образовательный уровень и т. д. Иногда составленные заранее анкеты, дополнялись во время проведения опроса.

Устный опрос позволял получать сравнительно полные и достоверные сведения, поскольку на многие вопросы давались своего рода коллективные ответы. Так, если опрашиваемый забывал что-то или допускал ошибку, неточно указывая

сведения, то односельчане поправляли его, помогали вспомнить, уточнить. В этом сказывалась крестьянская общинная психология. Земский статистик С. М. Блеклов считал это важным, если не решающим фактором получения достоверных данных. «Громаднейшее психологическое значение имело ещё одно обстоятельство, – вспоминал он, – на сходе особенно подчёркивалось в сознании каждого, что перепись охватывает всех, все равны перед столом статистика, ни для кого не делается никакого исключения»¹³. Коллега С. М. Блеклова Л. С. Личков отмечал, что во время опроса на сельском сходе «всякая ошибка, всякая фальшь или неточность со стороны кого-либо из крестьян вызывает возражения и поправки со стороны присутствующих»¹⁴. А. Ф. Фортунатов считал несомненным достоинством устного опроса на сельском сходе его контролирующую функцию. Анализируя материалы земских статистических подворных переписей, он, в частности, отмечал: «Напрасно думают часто, что сами статистики не подозревают лганья в ответах; никто лучше статистиков-практиков не расскажет такого количества анекдотов, касающихся вранья при даче показаний. Важным контролем против единоличного лганья (хотя не всегда достигающим цели) служит отбирание показаний на сборище хозяев, каким является сельский сход»¹⁵.

Намеренно неверные показания в большинстве случаев давали состоятельные крестьяне, сознательно старавшиеся скрыть действительное количество рабочего скота в хозяйстве и размеры своих земельных участков, с целью уменьшения налогооблагаемой базы. «Случалось, – вспоминал руководивший земскими статистическими работами в Самарской губернии И. М. Краснощёков, – что некоторые из домохозяев, особенно зажиточные, старались показать неточное количество скота, <...> при вопросе о количестве проданного хлеба всегда происходило замешательство и задержка. Всякий уклонялся от ответа, боялся смотреть на вас и говорил вздор: то он утверждал, что хлеба ещё не продавал и не знает сколько продаст, то уверял, что продавать не будет, а весь хлеб съест сам со своей семьёй, то подождёт продажей, пока установятся цены и тогда посмотрят – сколько надо продать; то продать придётся не более одного воза (25 пуд.), так как хлеб вышел нажином хорош, а умолотом плох. Приходилось биться целых полчаса с одним человеком, для того, чтобы добиться хотя какого-нибудь толку»¹⁶.

Чтобы уличить опрашиваемого во лжи, земские статистики должны были быть компетентными специалистами по вопросам сельского хозяйства, хорошо знать хозяйственные и культурно-бытовые потребности крестьян. Вот как проиллюстрировал это И. М. Краснощёков: «Самым щекотливым вопросом для крестьянина является вопрос о количестве рабочего скота, поэтому спрашиваемый, показывая например, что у него имеется всего две рабочих лошади, вовсе не

подозревает связи с другим вопросом – сколько десятин он арендует земли или сколько десятин у него засеяно теми или другими злаками, когда отвечает, что он арендовал на стороне 20 десятин земли под посев пшеницы; статистик тотчас же доказывает, что при 2 лошадях нет возможности обработать 20 десятин земли, тем более, что для обработки земли требуется впрягать в плуг или сабан 4–5 или 6 лошадей, крестьянин видимо теряется, краснеет, присутствующие язвительно смеются¹⁷. Впрочем, по признанию самих статистиков, такие казусы встречались довольно редко. В большинстве случаев крестьяне, уяснив назначение переписи, добросовестно относились к ней. Нередко уже после схода, поздно вечером, «в избу» к статистикам приходили крестьяне «с извинением в том, что на допросе хозяин или хозяйка быть не могли, а вместо их пришёл малец, который скота показал мало, так просят исправить, прибавить ещё 2 рабочих лошади, 1 корову и 1 тёлку; другой просит исправить аренду земли или покосов, третьи число едоков в семье и т. д.»¹⁸.

Справедливости ради, следует отметить, что «добросовестно» к переписи крестьяне относились, в значительной степени, благодаря самим статистикам, которые проявляли максимум такта, терпения, деликатности, внимания к опрашиваемым. Установление контакта с опрашиваемыми земские статистики считали наиважнейшей составляющей подворной переписи. К выполнению своих обязанностей земские статистики подходили со всей ответственностью; нигде не было зафиксировано ни одного случая недовольства крестьян действиями статистиков. Заведующий Саратовским земским статистическим бюро С. А. Харизоменов писал по этому поводу: «При начале переписи селения крестьяне относятся обыкновенно с недоверием. Всецело от такта статистика зависит изменить подобное настроение на первых же порах требование пунктуальных и точных ответов, уменьем деликатно показывать крестьянам, что неправильность показаний ему ясна. Раздражаться, резко обличать во лжи, безусловно, вредно, это может повести к систематическому запирачеству. Выражение полного доверия к показаниям – лучшее средство получить правдивые ответы»¹⁹. «Драгоценным качеством, – вторил С. А. Харизоменову С. М. Блеклов, – обладает тот, кто умеет вовремя сказать какое-нибудь мягкое слово, остроумную шутку, вызывающую смех во всей сборне, разом рассеивающую скуку, утомление и уныние и поднимающую общее настроение. Некоторые думают достигнуть таких результатов, прибегая к балагурству, но расчёт оказывается неверным. Легкомысленное балагурство обыкновенно вызывает легкомысленное же отношение крестьян к переписи. Лучше всего тон бодрой, весёлой деловитости и во время подворной переписи, и при составлении поселенного бланка»²⁰.

А. В. Пешехонов, вспоминая «свой личный опыт» участия в переписях крестьянских хо-

зяйств, констатировал: «Земским статистикам приходится иметь дело не только с мертвыми цифрами, но, прежде всего, с живыми людьми и притом в условиях крайне неблагоприятных: с одной стороны, чрезвычайное напряжение их собственной нервной организации, подавляемой обилием впечатлений и труда, а с другой – наволнованное состояние психики того населения, с которым им приходилось иметь дело. Известно, какое впечатление производят даже самые несложные переписи на массу, земская же статистика принуждена и решается затрагивать самые больные и интимные стороны её жизни»²¹. По мнению А. В. Пешехонова, только «внимательное и бережное отношение к интересам населения, неизменно корректное и деликатное обращение с отдельными лицами из его среды и умение примирить две правды – правду научного изыскания во имя широких общественных задач с житейской правдой будничных забот и тревог, – таковы качества, которыми должна характеризоваться работа статистика при местных исследованиях»²².

Таким образом, земские статистики являлись не только хорошими специалистами в области сельского хозяйства, но и знатоками крестьянской психологии.

Проводя перепись, земские статистики должны были находиться и, фигурально выражаясь, в отличной физической форме. Чтобы успеть за отведённый период времени обследовать все крестьянские хозяйства определённого селения, им приходилось трудиться фактически весь световой день, проводя опрос, а вечером приступать к обработке полученных данных, которая, зачастую, затягивалась далеко за полночь. Это, несомненно, требовало большого напряжения физических сил. «Перепись, – наставлял своих сотрудников С. А. Харизоменов, – должна вестись быстро и бодро: статистик и в себе, и в сходе должен постоянно поддерживать известный тонус нервного возбуждения, разнообразия переписи вопросами из поселенного бланка. Утомление и нетерпение – злейшие враги переписи. Перепись села не должно затягивать без крайней необходимости более 2 дней. Часто необходимо пользоваться известным благоприятным настроением толпы и вести перепись без всякого перерыва 8–10 часов кряду, иногда далеко за полночь»²³. Нервное напряжение и переутомление приводили иногда к тому, что сами статистики делали ошибки, причем не только при регистрации первичных данных, но и при их обработке.

Каких-либо общепринятых инструкций проведения подворных переписей статистиками разработано не было. В каждой губернии существовали свои инструкции. Иногда такие своего рода «памятки» проведения переписей и поведения во время них статистиков составляли чиновники губернской администрации. Известный земский статистик и публицист И. П. Белокопский приводит в своих воспоминаниях извлечения из такой

«памятки»: «Им [земским статистикам. – С. Л.] воспрещалось при переписи населения не только произносить какие бы то ни было “междометия”, но даже делать... “отрицательные телодвижения”. И тут же приведены были пояснения. Если, например, на вопрос статистика “сколько лошадей?” крестьянин ответит “ни одной”, то статистик не имеет права выразить сожаления, удивления или тем более сострадания знаками удивлений: “О-о!”, “А-а!”, “Ох!”, “Ах!” и т. п., также и при посредстве молчаливого “подымания плеч”, “расширения глаз”, “наморщивания лба” и т. д. То же самое при всяких вопросах, ответами на которые характеризуется печальное экономическое положение крестьян: малоземелье, бездомность, задолженность и т. д.»²⁴. Некоторые статистики пользовались циркуляром Центрального статистического комитета, который был составлен в 1873 г. для сотрудников губернских статистических комитетов: «Обращение к опросу всего населения известной местности, – говорилось в документе, – должно производиться весьма осторожно и притом с таким знанием дела, которое доступно только специалистам учреждения, выяснившим на опыте какого рода сведения могут быть собраны посредством переписи и какие вопросы, по их неисполнимости или несвоевременности, не должны быть предлагаемы населению, дабы не возбуждать в нём напрасных опасений, а иногда и превратных толкований»²⁵.

Проведение подворных переписей находилось под неусыпным контролем губернской администрации и местных властей, которые видели в земских статистиках «опасных распространителей» революционных идей.

22 декабря 1886 г. циркуляром министра внутренних дел Д. Н. Толстого губернаторам земских губерний проведение земских статистических работ было поставлено под постоянный и жёсткий контроль Департамента полиции и губернской администрации. «Имея в виду, – гласил циркуляр, – что собиране статистических сведений сопряжено с частыми разъездами по сёлам, заводам и фабрикам и ставит собирающих сведения в непосредственные, вне всякого контроля, сношения с сельским и фабричным населением, представляется существенно важным, чтобы лица политически неблагонадежные не допускались к занятиям земскою статистикою, а находившиеся уже на службе были отстранены от этих занятий. Вследствие вышеизложенного, я имею честь просить Ваше Превосходительство [губернатора. – С. Л.] обратить серьёзное внимание на состав земских статистиков во вверенной Вам губернии и, пользуясь правами, предоставленными ст [атьями] 20 и 30 Высочайше утверждённого 14-го августа 1881 года Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, ныне же удалить от занятий по собиранию статистических сведений по поручению земских управ лиц, политическая неблагонадежность коих,

на основании обстоятельно собранных сведений, представляется достаточно доказанною, а также впредь не допускать таких к вышеупомянутым занятиям»²⁶.

Данный циркуляр стал для губернских властей руководством к действию. Любое сообщение волостных, уездных властей, даже слух о каких-либо возмущениях крестьян, губернская администрация приписывала «проискам» земских статистиков. Например, в сентябре 1883 г. начальник Казанского губернского жандармского управления доносил в Департамент полиции: «В конце июля получились сведения, что в татарских селениях Тегюшского уезда возник говор о присоединении магометан к православию и, что говор этот возбуждается частью лицами, собирающими статистические сведения. Вследствие чего Казанский губернатор сделал распоряжение об отозвании из уездов статистической комиссии и таким образом собиране статистических сведений временно приостановилось...»²⁷. 15 февраля 1889 г. товарищ министра внутренних дел В. К. Плеве отказался утвердить программу подворной переписи крестьянских хозяйств Вятской губернии, указав на «неуместность созыва земскими статистиками сельских сходов и предложения со стороны их в присутствии сходов крестьянам вопросов, влекущих за собою обсуждение действий, например, уездных по крестьянским делам Присутствий по предметам о новой разверстке обществами надельных земель и т. п.»²⁸.

Чаще всего в роли «спасителей» земских статистиков от губернской администрации выступали губернские земские управы. Так, председатель Саратовской губернской земской управы М. С. Кропотов, пытаясь объяснить назначение, цель и задачи подворных переписей, писал губернатору А. А. Зубову в декабре 1882 г.: «Губернская Земская Управа имеет честь объяснить, что созываемые при производстве статистических исследований сходки крестьян для получения от них требующихся бланками сведений не имеют ничего общего с теми сходками, о коих говорится в Общем положении о крестьянах. Это именно только сходки или группы представителей семейств всей общины, или только некоторой её части. Если селение или община большие, то созывается лишь столько домохозяев, сколько в один приём приблизительно может быть опрошено; затем созывается другая часть и т. д.»²⁹. Правительство, губернские и уездные власти с недоверием относились как к самим статистикам, считая их «политически неблагонадежными лицами», так и к подворным переписям, в которых видели всего лишь форму ведения статистиками революционной пропаганды среди собравшихся на сельский сход крестьян.

Проводя переписи, земские статистики совершенствовали и их методологию. Когда объектом исследования выступала целая крестьянская община, то собиравшиеся сведения заносились на так называемый пообщинный бланк. Его за-

полнение требовало много времени; иногда на это уходило до 6 часов. Когда же единицей земских статистических работ был отдельно взятый крестьянский двор, пообщинный бланк сменяла подворная карточка. Данный способ имел ряд неоспоримых преимуществ: он давал более точные и полные данные, и позволял сводить собранный и обработанный материал в таблицы разных видов. «Преимущества карточной системы бесспорны в настоящее время, – писал земский статистик С. М. Блеклов, – польза от карточной системы несомненна, так как она даёт более точные сведения и главное – позволяет несравненно быстрее разрабатывать полученный материал»³⁰. Кроме того, способ подворной регистрации и обработки статистического материала позволял сравнительно быстро фиксировать первичные сведения. Заведующий Воронежским земским статистическим отделом Ф. А. Щербина отмечал, что при исключительно плотном графике работы земских статистиков это имело, несомненно, практические выгоды. «Проверяя на опыте скорость работ по спискам и карточкам, я не нашёл никаких преимуществ за списочным способом переписи. <...> Можно даже сказать больше. Преимущества оказались на стороне карточного способа переписи», – констатировал он³¹. Действительно, если на заполнение пообщинного бланка (списка) уходило от 3 до 6 часов, то на заполнение подворной карточки всего несколько минут. «Время потребное для составления одной подворной карточки различно, – вспоминал С. М. Блеклов, – смотря по большей или меньшей лёгкости работы; в среднем нужно пять-шесть минут для полного и обстоятельного расспроса, <...> иногда на одну карточку приходилось тратить минут пятнадцать, двадцать и более, когда судьба посылала какого-нибудь неподатливого субъекта»³². Справедливости ради, стоит заметить, что «судьба» довольно часто посылала статистикам «неподатливого субъекта», вследствие поголовной неграмотности крестьян, что, естественно, затрудняло регистрацию первичного материала.

По мнению Е. А. Кечиной, устный опрос крестьян на сельском сходе есть не что иное, как социологический опрос со всеми этапами его проведения³³. Думается, подворную перепись крестьянских хозяйств можно считать одной из форм социологического опроса.

Полученные в результате устного опроса данные обрабатывались, и цифровой материал сводился в статистические таблицы, к которым обязательно составлялся пояснительный текст. Результаты земских статистических исследований, которые отличались полнотой и точностью, в равной мере использовали как правительственные, так и земские учреждения, относившиеся к ним с полным доверием. В решающей степени это стало возможным благодаря широкому применению земскими статистиками устного опроса крестьян на сельском сходе.

Примечания

- 1 В. В. [Воронцов В. П.] Научный обзор : Земская статистика // Русская мысль. 1888. Кн. 6. С. 154.
- 2 В. В. [Воронцов В. П.] Хроника : Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. Кн. 8, т. 4. С. 870.
- 3 В. В. [Воронцов В. П.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1887. Кн. 8. С. 860.
- 4 Ленин В. И. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 9.
- 5 Волков Е. З. Аграрно-экономическая статистика России 1865–1922. М. ; Пг., 1923. С. 76.
- 6 Доклад о ходе статистических работ в течение 1883 года // Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1883 года. Саратов, 1883. Ч. 1. С. 31. Примеч.
- 7 Степанов В. В. Земская сельскохозяйственная статистика: очерк // Временник Центрального статистического комитета. 1897. № 43. С. 25.
- 8 Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. II : Царицынский уезд. Саратов, 1885. С. I ; Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. IV : Аткарский и Петровский уезды. С. I.
- 9 Дополнительный доклад Саратовской губернской земской управы о статистических работах. Саратов, б. г. С. 1–2.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 2.
- 12 Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. I : Саратовский уезд. Саратов, 1883. С. IV.
- 13 Блеклов С. М. За фактами и цифрами. Записки земского статистика. М., 1894. С. 82.
- 14 Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. I : Саратовский уезд. С. II.
- 15 Фортунатов А. Ф. Критика материала в хозяйственной статистике // Юридический вестник. 1888. Т. XXVIII, № 6–7. С. 489. В некоторых губерниях, например в Тамбовской, «переписи производились в присутствии сельских старост, которые в удостоверении правильности их прикладывали свои печати». (См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Отдел хозяйственной статистики : Борисоглебский уезд. Тамбов, 1880. С. I).
- 16 Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии / под ред. И. М. Красноперова, А. С. Любецкого. Самара, 1890. Т. 8, вып. 1. С. IV–V.
- 17 Там же. С. IV.
- 18 Там же. С. V.
- 19 Свод статистических сведений по Саратовской губернии / под ред. С. А. Харизоменова. Саратов, 1888. Ч. 1. С. 29.
- 20 Блеклов С. М. За фактами и цифрами. С. 106–107.
- 21 Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике // Русское богатство. 1901. № 12. С. 178–179.
- 22 Там же. С. 179.
- 23 Свод статистических сведений по Саратовской губернии. Ч. 1. С. 30.
- 24 Белокопский И. П. В годы бесправия : Воспоминания. М., 1930. С. 51.

- ²⁵ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 277. Л. 1 об.–2.
- ²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 82. 1886. Д. 761. Л. 15.
- ²⁷ Там же. Оп. 78. 1882. Д. 625. Ч. 2 (1). Л. 146.
- ²⁸ Там же. Л. 50.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3644. Л. 78–78 об.
- ³⁰ Блеклов С. М. Карточная система в земской статисти-

- ке // Сборник Саратовского земства. 1896. № 31. С. 420.
- ³¹ Щербина Ф. А. Карточный способ собирания и подсчёта статистических данных // Юридический вестник. 1886. Т. XXII, № 6–7. С. 399.
- ³² Блеклов С. М. Карточная система в земской статистике. С. 72.
- ³³ См.: Кечина Е. А. Роль земской статистики в развитии эмпирической социологии // Проблемы управления. 2007. № 4(25). С. 144–145.

УДК 94(47).08

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. В. Штепа

Калужский государственный университет
E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Статья посвящена историографическому анализу научной проблемы социального служения Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. в новейших отечественных исторических исследованиях. Отмечены достижения современных российских авторов в выявлении и изучении основных направлений, в рамках которых реализовывалось социальное служение церкви в указанный период, намечены пути дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: Русская православная церковь, историография, социальное служение, благотворительность, вторая половина XIX – начало XX в.

Social Service of the Russian Orthodox Church in the Second Half of XIX– Early XX Centuries in Contemporary Domestic Studies

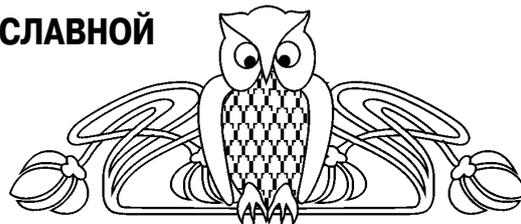
A. V. Shtepa

Article is devoted to historiographical analysis of the scientific problem of social service of the Russian Orthodox Church in the second half of XIX – early XX centuries. the latest local historical research. Highlight the achievements of modern Russian authors to identify and explore key areas, which were implemented in the social ministry of the church during this period, the ways of further research topics.

Keywords: Russian Orthodox Church, historiography, social service, charity, and the second half of XIX – early XX centuries.

Обострение социальной ситуации на постсоветском пространстве в начале 90-х гг. прошлого века и изменение политических ориентиров актуализировали изучение истории различных социальных инициатив, в том числе и благотворительных, имеющих прямое отношение к деятельности Русской православной церкви (РПЦ).

В рамках социальной истории России, истории социального служения православной церкви находится исследуемая автором проблема благоотво-

рительности, организации социальной помощи в русле церковной традиции. Ещё в начале 1990-х гг. появились публикации Л. И. Кучумовой, протоиерея Ф. Ван дер Воорта, Д. Поспеловского, А. Ю. Полунова, затрагивающие историю социального служения церкви и христианской благотворительности¹.

Среди монографий современных российских историков по истории православной церкви в России интерес представляют исследования С. Л. Фирсова, П. Н. Зырянова, С. В. Римского.

С. Л. Фирсов в своей работе «Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.)» проанализировал политико-правовое положение православной церкви в российской политической системе, положение духовенства в структуре российского общества, связанного, в частности, с его материальным обеспечением². Но главной темой его монографии были сложные вопросы государственно-церковных отношений, а не социальное служение православной церкви как таковое.

Фундаментальный труд П. Н. Зырянова «Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века» освещает тернистый путь развития русских монастырей и их социальное служение в течение двух веков российской истории. Автор монографии отметил, что вместе с расширением монастырской благотворительности появились монастыри, ориентированные именно на благотворительность, особенно активно в этом направлении действовали женские обители, хотя они были беднее мужских, испытывая острый недостаток средств. Между тем историк отмечает, что улучшение жизни народных низов путём расширения монастырской благотворительности было попыткой «смягчить социальный вопрос, подкрепить в людях веру в устои религии, добра и справедливости»³.

Книга С. В. Римского посвящена реформам православной церкви, предпринятым императором Александром II. Автор видел свою задачу в том, чтобы дать обобщённую характеристику церковных реформ, связанных с приходским духовенством. Им проанализированы данные о благотворительной деятельности православных братств, церковно-приходских попечительств, собранных ими пожертвованиях за конец 60-х – начало 80-х гг. XIX в., динамике роста церковно-приходских школ в империи⁴.

В 2003 г. была издана работа профессора МГУ В. А. Федорова, основная заявленная тема которой – конфессиональная политика государства от царствования Петра I и до Николая II и проводимые реформы в области церкви. В монографии главное внимание уделено освещению вопросов церковного управления, духовного образования и цензуры. Социальное служение православной церкви представлено на уровне констатации фактов, приведены таблицы, отображающие число богаделен и больниц при монастырях⁵.

Серьёзное монографическое исследование по проблемам благотворительности и призрения в России принадлежит перу волгоградского историка В. Г. Бобровникова. В своей книге он исследовал основные формы церковной благотворительности с периода введения христианства на Руси до 1917 г., рассмотрев их в историческом развитии. В. Г. Бобровников пишет о многогранности церковной благотворительности, выделяя следующие её направления: обучение и воспитание детей; призрение больных, калек и вдов; сборы пожертвований на нужды, как отдельным лицам, так и государству в период войн, стихийных бедствий, голода. По мнению исследователя, благотворительная деятельность церкви, развиваясь на постоянной основе, приобретала более высокий уровень и распространялась не только на отдельную группу лиц или сословие, но и на всё общество.

История православной церкви находит своё отражение и в работах региональных исследователей, как светских, так и религиозных. Определённый интерес для исследования затронутой нами проблемы представляет работа священника Р. Снигирёва «История Калужской епархии»⁶. В ней автор приводит сведения о благотворительности некоторых калужских православных братств, о социальном служении монастырей, об участии калужского духовенства в развитии народного просвещения, организации социальной помощи неимущим, сиротам, беженцам, раненым воинам в годы Первой мировой войны.

В брошюре «Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны» отмечено содействие церкви региональным благотворительным организациям, показана роль Калужского епархиального комитета в организации благотворительной помощи нуждавшимся⁷.

Проблемы изучения истории социальной помощи в России являются предметом обсуждения

на различных региональных, межрегиональных, всероссийских, международных научно-практических конференциях, семинарах, чтениях⁸.

Большое внимание на данных конференциях уделяется методологическим проблемам изучения регионального опыта благотворительной деятельности православной церкви⁹. Например, в ёмкой, но содержательной статье А. Н. Казакевича рассмотрены основные виды и формы благотворительной деятельности православной церкви в Москве в начале XX в. Автор приходит к выводу о значительной, обширной деятельности Московской церкви на ниве благотворительности¹⁰.

Исследовательница Г. Н. Ульянова рассматривает церковно-приходские попечительства как структурные единицы благотворительности внутри местного сообщества в Российской империи и приходит к выводу о том, что деятельность попечительства была живой иллюстрацией того, как в практической деятельности прихода воплощались христианские идеи милосердия. В статье Г. Н. Ульянова резюмирует: «В условиях сегментации и проявления тенденции к многообразию институциональных форм помощи бедным церковно-приходские попечительства стали повсеместно распространёнными добровольными организациями, направлявшими усилия на решение проблем местного сообщества»¹¹.

В статьях Л. А. Егоровой и Н. Ф. Басова констатируется, что Костромской епархией был накоплен большой опыт помощи нуждавшимся различным общественным слоям. «Благотворительная работа, – отмечает Н. Ф. Басов, – сосредотачивалась в приходах в основном в руках церковно-приходских братств и попечительств»¹². А Л. Е. Егорова доказывает, что православные братства Костромской епархии дают пример «впечатляющего опыта церковной благотворительной деятельности», например, «основная задача – организованная борьба с туеядством и нищенством – выполнялась братствами полностью»¹³.

От внимания современных исследователей не ускользают факты, свидетельствующие о значительной роли РПЦ в организации народного просвещения. Так, в статье Т. Г. Деревягиной содержатся свидетельства, говорящие о большой роли Тамбовской епархии в деле образования жителей края. Исследовательница делает следующий вывод: «В ситуации, когда казённых и церковных средств было недостаточно, представители Православной церкви сумели вдохновить общественную инициативу и создать условия для развития широкой благотворительной деятельности местного населения, помогавшего материально и своим трудом организации сети начальных учебных заведений»¹⁴.

География изучения социального служения православной церкви не ограничивается сегодня только европейской частью России. Так, исследователь из Перми М. Г. Нечаев в статье «Милосердие и благотворительность церкви на Урале»,

опираясь на архивные данные, утверждает, что «церковь... оказывала не только единичную помощь, но и пыталась создать целую систему благотворительности»¹⁵.

Социальная помощь в деятельности православной церкви рассматривается на местных историко-архивных и краеведческих конференциях. В частности, некоторые аспекты благотворительной деятельности отдельных православных церковных братств в Калужской епархии и социального служения монастырей представлены в публикациях калужских краеведов¹⁶.

Следует признать, что изучение благотворительной, социально-культурной, духовно-просветительской деятельности православной церкви в России актуализируется в настоящее время процессами, связанными с возрождением социально-правового статуса РПЦ в Российском государстве и довольно значительным влиянием христианских принципов милосердия на оказание помощи нуждающимся людям различных категорий.

В качестве примера популярности затронутой научной проблемы в отечественных исторических и философских исследованиях отметим, что начиная с 1990-х гг., защищено не менее 30 докторских и кандидатских диссертаций, в которых авторы, анализируя корни и традиции отечественной благотворительности, обращаются к христианским основам и практике социального служения православной церкви в ретроспективе её развития, с точки зрения права, а также государственно-церковного взаимодействия.

Отметим, что понятие «социальное служение» впервые в исторической науке относительно деятельности церкви употреблено в кандидатской диссертации С. Г. Зубановой «Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни российского общества». Автор пришла к выводу о духовно-нравственном единстве благотворительности в России в XIX вв. (единении всех категорий благотворителей – индивидуума, общества, государства, церкви)¹⁷. В докторской диссертации С. Г. Зубановой в научный оборот в рамках исторической науки были введены категории, характеризующие различные аспекты социального служения Русской православной церкви. В их числе: «микро- и макродимENSIONальная диакония», «духовное врачевание», «пастырское окормление», «духовничество», «святоотеческая литература»¹⁸.

Симптоматично, на наш взгляд, появление в настоящее время диссертационных исследований, в которых реализуются попытки проследить историю благотворения в региональном аспекте, что очень важно для воссоздания полной исторической картины процесса возникновения и эволюции таких важных элементов социокультурной жизни страны, как благотворительность и социальная помощь.

За 2000–2010 гг. нами выявлено более десяти диссертационных работ, в которых либо целе-

направленно изучаются различные направления социального служения РПЦ во второй половине XIX– начале XX в. в регионах Российской империи, либо в рамках другого научного предметного поля исследования аспектам социального служения уделяется достаточное количество внимания. И перечень этот далеко не полон.

Среди выявленных нами работ в четырёх диссертациях (А. В. Штепы, Н. А. Дойниковой, В. В. Реутова, Д. А. Ивочкина) социальное служение РПЦ исследуется целенаправленно, соответственно на материалах Калужской, Вологодской, Курской и Смоленской епархий¹⁹. В диссертациях Е. М. Берестовой и Л. А. Шуклиной анализируется социально-культурная и духовно-просветительская деятельность церкви соответственно в Удмуртии и Курской губернии²⁰.

Проанализируем содержательную часть некоторых указанных диссертаций более подробно. Так, в диссертации Н. А. Дойниковой выявлены основные направления и организационные формы социального служения церкви в обозначенный период (попечительство и призрение нуждающихся, культурно-просветительская деятельность, участие в трезвенническом движении, милосердно-патриотическая работа в годы народных бедствий; сборы пожертвований, организация приходских попечительств и братств, церковных школ, больниц и богаделен и пр.). Автор, в частности, на основе анализа широкого корпуса источников аргументированно доказывает тезис о том, что благотворительно-просветительская и патриотическая деятельность православной церкви в стране и Вологодском крае являлась в дореволюционное время неотъемлемой частью ее общественной жизни. Создаваемые инициативой и при непосредственном участии духовенства приходские попечительства и братства совместно с государственными органами, земствами, другими общественными силами содействовали созданию комплексной системы социальной защиты, развитию культуры и грамоты среди населения²¹.

Отличается оригинальностью по хронологическому охвату диссертационное исследование В. В. Реутова, определившего в качестве основной цели работы изучение эволюции социального служения Русской православной церкви в Курской епархии на протяжении всего XX в., и охватив, таким образом, различные этапы истории церковно-государственных отношений в России в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Характеризуя социальное служение в интересующий нас отрезок времени – до падения самодержавия, автор высказывает точку зрения о том, что в силу многих объективных причин, напрямую не зависящих от церкви, социальная работа не могла развернуться в полную силу. По мнению историка, стремление властей использовать православие как часть государственной политики для ликвидации социальной напряженности в обществе было ошибкой. Авторитет церкви

падал, и она не смогла предотвратить Февральской революции.

Тем не менее, по мысли исследователя, социальное служение РПЦ велось в любых условиях и имело много положительных моментов, В. В. Реутов связывает позитив с активной работой церкви в области народного просвещения, правда, при непосредственной поддержке государства. В Курской епархии активно развивалась сеть церковных учебных заведений различных уровней. Наибольшей популярностью среди жителей Курской губернии пользовались церковно-приходские (далее – ЦПШ) и воскресные школы. Церковно-приходские школы были открыты практически при всех приходах епархии. Например, к началу 1915 г. их насчитывалось 920. Автор доказывает, что начиная с 1901 г. ЦПШ содержались за счет самой церкви. Конечно, основной упор в этих учебных заведениях делался на преподавание церковных дисциплин. Но в губернии, где основная масса сельского населения не умела читать и писать, получение основ грамоты было большим шагом на пути прогресса²². В епархии существовала развитая сеть специальных учебных заведений, таких как епархиальные училища и школы-мастерские при некоторых монастырях.

Деятельность в области религиозно-нравственного и патриотического воспитания распространялась и на взрослое население. Данное направление социальной деятельности реализовывалось через создание воскресных школ, народных библиотек, публичные чтения на религиозно-нравственные темы и церковные братства и общества. Вполне закономерен вывод курского историка о том, что широкая благотворительная деятельность была развернута в годы Русско-японской и Первой мировой войн²³.

Органично дополняют друг друга, закрывая ряд белых пятен в отечественной исторической науке, диссертационные исследования А. В. Штепы и Д. А. Ивочкина, посвященные соответственно изучению основных форм, методов и направлений социального служения церкви в Калужской и Смоленской епархиях. Авторы, проанализировав различные источники статистического, делопроизводственного характера, сходятся во мнении относительно того, что духовенство как Калужской, так и Смоленской епархий во второй половине XIX – начале XX столетия охватывало обширное поле социальной деятельности.

Формы и методы социальной работы варьировались в зависимости от потребностей времени и обстоятельств. Священнослужители в указанных епархиях содействовали открытию различных благотворительных учреждений – братств, попечительств, обществ и т. д. Д. А. Ивочкин отмечает, что церковная благотворительность успешно развивалась на приходском уровне, причем на условиях соблюдения демократических начал, в частности, самоорганизации прихода. Священнослужители постоянно организовывали и участво-

вали лично в сборе денег, различных продуктов и предметов, необходимых людям, а также на благотворительные нужды, такие как создание и содержание школ для инвалидов, в которых воспитанники получали не только обеспечение, но и возможность получить профессию.

В то же время трудности в организации благотворительной деятельности связаны в основном с разнообразием причин нищенства, суть которых зачастую не было возможным подвергнуть анализу. В результате исследований историками были выявлены случаи симуляции бедности, обусловленные нежеланием работать и другими пороками²⁴.

В обобщающих работах, посвященных исследованию организационных форм и направлений деятельности православной церкви в сфере благотворительности и социального служения, как правило, говорится о благотворительной деятельности православных братств и сестричеств, выявляется вклад братств в развитие благотворительного движения в регионах. Однако более досконально эти вопросы изучаются в специальных диссертационных исследованиях. Цель исследования Т. А. Носовой – выявление всех существующих православных братств Вологодской епархии и их классификация. Автор, прежде всего, обращает внимание на структуру, состав и источники финансирования православных братств Вологодской епархии.

Т. А. Носовой достаточно подробно рассмотрена деятельность трёх приходских братств Вологодской епархии (Иоанно-Предтеченского, Благовещенского, Деревянского Христорождественского) и Александро-Невского братства при Никольском духовном училище, чьей главной сферой деятельности была благотворительность. Приходские братства оказывали ежемесячные и единовременные пособия прихожанам преклонного возраста, многодетным вдовам на воспитание и обучение детей, невестам из бедных семей, другим категориям нуждающихся. Историк подчёркивает, что православные братства Вологодской епархии занимали свое место среди культурно-просветительских и благотворительных организаций. Их деятельность способствовала повышению образовательного и культурного уровня населения, обратила общественное внимание на православную культуру и традиции православной церкви²⁵.

Вместе с тем вопросы религиозно-просветительской деятельности православных братств Вологодской епархии конца XIX – начала XX в. освещаются достаточно поверхностно. В некоторой степени (выработка подходов к изучению проблемы) эта лакуна закрывается диссертацией И. А. Гажва, написанной, правда, на материалах другого региона – Владимирской и Костромской губерний²⁶. В ней проанализирована деятельность Владимирского братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, Алексан-

дровского православного братства в Костроме и ряда других.

С опорой на широкий круг источников описана деятельность православных общественно-религиозных организаций Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX в. в диссертации О. П. Цысь. Автор обращает внимание на различные аспекты деятельности общественно-религиозных организаций, целью которых являлось укрепление православия среди населения Тобольской епархии. Как одно из важнейших направлений просветительской деятельности изучается активность церкви в организации собственных библиотек и помощь в пополнении фондов ранее открытых местных библиотек, которые во второй половине XIX в. создаются почти в каждом приходе. Наиболее обширной была миссионерская библиотека Обдорского братства св. Гурия, насчитывавшая в период своего расцвета до 5 000 томов. Интересной и новой для своего времени формой просветительской работы среди населения являлось устройство так называемых «уличных библиотек» в Тобольске и Кургане. О. П. Цысь пишет: «В самых многолюдных местах города вывешивались в рамках тексты назидательного характера»²⁷.

Обращается автор и к вопросу об эффективности деятельности православных церковно-приходских попечительств (далее – ЦПП) в Сибири. Выводы О. П. Цысь согласуются с нашим пониманием тех возможностей, которыми располагали ЦПП в вопросах благоустройства храмов, поддержки причтов, финансирования церковных школ, благотворительности. Историк подмечает, что приходские попечительства не оправдали тех радужных надежд, с какими было встречено их появление. Но говорить о полном их провале в деле привлечения средств прихожан на нужды храма нет достаточных оснований. В Тобольской епархии суммы собираемых пожертвований постоянно увеличивались – примерно со 100 руб. в конце 1860-х гг. до 250 руб. в 1910-х гг. в год на одно ЦПП. Из указанных сумм в среднем 80% поступало на поддержание и украшение церковей, 15% – на содержание причтов и 5% – на ЦППШ и благотворительные нужды. Данные показатели в целом не отличались от всероссийских²⁸. Доля собираемых пожертвований составляла в среднем около 10% от суммы, выделяемой на нужды церкви государством.

В целом О. П. Цысь положительно оценивает вклад православных общественно-религиозных организаций Тобольской епархии в просвещение народа, осуществлявшееся через оказание содействия развитию системы школьного образования, библиотечной сети, распространение религиозно-нравственной литературы. Но при этом подчеркивает, что общественно-религиозные организации не смогли преодолеть растущее отчуждение между клиром и мирянами.

Е. М. Берестова посвятила своё исследование социально-культурной деятельности право-

славной церкви в Удмуртии второй половины XIX – начала XX в. В рамках диссертационной работы отражены и благотворительные аспекты социального служения церкви. Автор обращает внимание на корпоративную взаимопомощь среди клириков, имея в виду пенсионное обеспечение духовенства и членов их семей, организацию богаделен. Очень часто дети умерших служителей церкви обучались в духовных учебных заведениях за счёт средств епархии. Помимо сирот, на епархиальные средства обучались дети из многодетных и малообеспеченных семей. Опираясь на архивные материалы и статистическую отчётность, Е. М. Берестова так, в частности, иллюстрирует корпоративную взаимопомощь. В 1915 г. из 577 учениц Елабужского епархиального женского училища на полном епархиальном содержании находилось 54 ученицы, на половинном – 14. Кроме того, дочери бедных крестьян и мещан платили за содержание в общежитии уменьшенный взнос – 100 руб. вместо 205. Разница оплачивалась за счёт средств епархии. Такая же практика существовала и в других духовных учебных заведениях. В начале XX в. практически во всех духовных учебных заведениях Вятской епархии стали открываться братства для вспомоществования нуждающимся учащимся.

Для материального обеспечения духовенства Вятской епархии в 1890 г. была создана эмеритальная касса. Эмеритальная касса выплачивала дополнительные пенсии всем своим членам, в зависимости от суммы взносов.

В то же время, стремясь представить картину социального служения церкви более объективно, историк признаёт, что её успехи по организации социальной работы среди населения «не бросаются в глаза»²⁹.

В основном это сбор денег посредством установки в церквях специальных кружек «на помощь голодающим», «на помощь пострадавшим от неурожая», «на помощь раненым воинам», «на помощь солдатским семьям», «на помощь слепым» и т. д. Е. М. Берестова объясняет такое явление существенной разницей в подходе к решению социальных проблем. Для православной церкви на первом месте всегда стояли проблемы духа, поэтому для решения социальных проблем она чаще всего предлагала религиозно-нравственные средства, что особенно ярко видно на примере борьбы с пьянством.

Наиболее успешной сферой социально-культурной деятельности православной церкви, по мнению историка, было духовное образование, что вполне закономерно³⁰.

Значительный интерес для исследования исторической проблемы социального служения РПЦ представляет диссертационная работа О. В. Есеевой. В диссертации «Пинежские монастыри Архангельской губернии в XVII– начале XX века» автор на основе привлечения массива региональных источников выделяет несколько

форм церковного призрения в XIX– начале XX в.

- *Организация сбора пожертвований* в приходских и монастырских храмах. Обители собирали пожертвования в пользу более тридцати благотворительных обществ, комитетов, различных категорий нуждающихся.

- *Учреждение в монастырях школ и больниц.* В Веркольском монастыре в 1889 г. были открыты больница и аптека. В 1905–1906 гг. на средства обители была построена и содержалась школа для деревенских ребятишек. Все пинежские обители поддерживали как светские, так и духовные учебные заведения в епархии.

- *Помощь воинам и членам их семей.* Например, с началом Первой мировой войны Красногорская обитель обеспечивала одеждой, обувью и деньгами послушников и трудников, призванных на фронт, а также давала приют раненым и контуженым воинам.

- *Содержание за монастырский счет богомольцев в монастырских гостиницах и трудничество в обителях.*

- *Помощь приходам.* Веркольский монастырь оказывал помощь практически всем приходам Пинежского уезда. Храмам передавалась церковная утварь и книги, священническое облачение. Поддержка монастырем сельских храмов способствовала укреплению православия в крае.

Влияние обителей на жизнь Пинежья и всего Архангельского Севера оценивается О. В. Есеевой как комплексное и многоаспектное. Исследовательница выделяет три основных направления взаимодействия монастырей с миром. Пинежские обители внесли весомый вклад в укрепление православия на Пинежье и всем Русском Севере. Значимым был и вклад монастырей в просвещение жителей края. Также огромную роль играли монастыри в его социальном развитии. Однако, по мнению О. В. Есеевой, «далеко не всегда благотворительная деятельность монастырей носила добровольный характер». Тем не менее, именно социальное служение является наиболее плодотворной стороной взаимоотношений монастырей и общества. Историк подчёркивает, что Пинежские монастыри отличает способность отвечать тем ожиданиям, которые связывали государство и общество с православными обителями на разных этапах истории России³¹.

Проведённый нами анализ современных диссертационных исследований, посвящённых изучению проблем социального служения, свидетельствует о непрекращающемся интересе наших современников к различным аспектам указанной проблемы. Наибольшее внимание учёных за последнее десятилетие привлекает изучение роли монастырей и религиозных организаций, православных братств в общественно-политической и социальной сфере жизни в России во второй половине XIX– начале XX в. Актуальными остаются вопросы, связанные с комплексным изучением основных направлений, форм и методов соци-

ального служения Русской православной церкви в различных регионах империи. Действительно, география исследований разнообразна: Центральная-Европейская часть России, Юг, Север, Поволжье, Урал.

Прошедшее десятилетие с научных позиций характеризуется как своеобразный подготовительный этап, нацеливающий современную историческую науку на создание в её рамках обстоятельных обобщающих трудов, в которых бы без всякой идеологической зашоренности была бы представлена объективная картина социального служения православной церкви.

Примечания

- ¹ Кучумова Л. И. Православный приход в концепции церкви и государства и общественная мысль в России на рубеже 1850–1860 гг. // Православие и русская народная культура. Кн. 2. М., 1993 ; Ван дер Воорт Ф. (прот.) Практика и благотворительность в Русской православной церкви // Путь православия. 1993. № 2 ; Полунов А. Ю. Церковная школа для народа в конце XIX в. // Журн. Московской патриархии. 1993. № 6 ; Поспеловский Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1.
- ² См.: Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.). – Б/м., 2002.
- ³ Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 281, 138.
- ⁴ См.: Римский С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. (Церковные реформы в России 1860–1870 гг.). М., 1999. С. 361.
- ⁵ См.: Фёдоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003.
- ⁶ См.: Снигирёв Р. История Калужской епархии. Калуга, 1997.
- ⁷ См.: Писаренко И. С., Воцценкова Н. С., Домнина Т. Г. и др. Благотворительные организации Калужской губернии в годы Первой мировой войны. Калуга, 2001.
- ⁸ См. напр.: Государство и Церковь в России : история взаимодействия в сфере благотворительности : сб. сообщений межрегион. науч.-практ. конф. Иваново, 2002 ; Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования : ежегодник. СПб., 2001–2006.
- ⁹ См. напр.: Солянова Г. А. Зарождение и развитие благотворительной деятельности православной церкви в дореволюционной России // Социальная работа в России: прошлое и настоящее : сб. статей и материалов. М. ; Ставрополь, 1998 ; Нечаев М. Г. Патриотическая и благотворительная деятельность Русской православной церкви в годы Первой мировой войны на Урале // Урал в прошлом и настоящем : материалы научной конференции. Ч. 1. Екатеринбург, 1998.
- ¹⁰ См.: Казакевич А. Н. Церковная благотворительность Москвы в начале XX в. // Проблемы изучения и преподавания истории социальной работы и благотворительности в России. М., 2003. С. 110.
- ¹¹ Ульянова Г. Н. Церковно-приходские попечительства

- как структурные единицы благотворительности внутри местного сообщества в позднимперской России // Благотворительность в России 2003/2004. СПб., 2004. С. 174–175.
- ¹² Басов Н. Ф. Развитие благотворительности в Костромской губернии во 2-й половине XIX – начале XX вв. // Проблемы изучения и преподавания истории социальной работы и благотворительности в России. М., 2003. С. 65.
- ¹³ Егорова Л. А. Благотворительная деятельность православных братств Костромской губернии во 2-й половине XIX – начале XX вв. // Благотворительность в России 2003/2004. СПб., 2004. С. 203–204.
- ¹⁴ Деревягина Т. Г. Благотворительная деятельность Православной церкви по распространению начального образования на селе : на материалах Тамбовской губернии (2-я половина XIX – начало XX вв.) // Благотворительность в России 2003/2004. СПб., 2004. С. 215.
- ¹⁵ Нечаев М. Г. Милосердие и благотворительность церкви на Урале // Милосердие и благотворительность в российской провинции : тез. докл. Всерос. конф. Пермь, 2002. С. 116.
- ¹⁶ См.: Осипова А. И. Миссионерская деятельность церковного братства преподобного Пафнутия, Боровского Чудотворца, среди старообрядцев (Последняя четверть XIX – начало XX вв.) // Боровский краевед. Вып. 3. Боровск, 1991 ; Осипов В. И. Монастыри Калужской епархии перед Первой мировой войной // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3, ч. 3. Киров, 1997 ; Трунина А. Н. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Кольцово Ферзиковского района // Сквозь века... : материалы 2-й город. краевед. конф. Калуга, 1999 и др.
- ¹⁷ Зубанова С. Г. Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни российского общества XIX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 175–185.
- ¹⁸ Зубанова С. Г. Социальное служение православной церкви в XIX веке : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 27.
- ¹⁹ Штена А. В. Социальное служение Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (на материале Калужской епархии) : дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2005 ; Дойникова Н. А. Социальное служение Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (На материалах Вологодской епархии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006 ; Реутов В. В. Социальное служение Церкви в XX веке (На материалах Курской епархии) : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006 ; Ивочкин Д. А. Социальная и просветительская деятельность Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Смоленской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010.
- ²⁰ См.: Берестова Е. М. Социально-культурная деятельность православной церкви в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003 ; Шуклина Л. А. Культурно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в конце XIX – начале XX вв. (По материалам Курской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005.
- ²¹ См.: Дойникова Н. А. Указ. соч. С. 68.
- ²² См.: Реутов В. В. Указ. соч. С. 165.
- ²³ Там же. С. 164–167.
- ²⁴ См.: Ивочкин Д. А. Указ. соч. С. 14–18.
- ²⁵ См.: Носова Т. А. Православные братства Волгоградской епархии в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. С. 19–21.
- ²⁶ См.: Гажва И. А. Религиозно-просветительская деятельность православных братств Центральной России во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008.
- ²⁷ Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 22.
- ²⁸ Цысь О. П. Указ. соч. С. 23, 24.
- ²⁹ Берестова Е. М. Указ. соч. С. 16, 22.
- ³⁰ Берестова Е. М. Указ. соч. С. 21–22.
- ³¹ Есеева О. В. Пинежские монастыри Архангельской губернии в XVII – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006. С. 18–22.
- УДК 94 (470.44) [1920/1930]+316.346–053.2 (470.44)

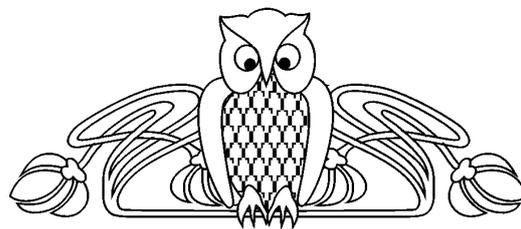
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ СОВЕТСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В 1920–1930-е годы

Т. А. Соловьева

Саратовский государственный университет

E-mail: civilrus@mail.ru

Статья посвящена вопросам повседневной жизни Саратовского Поволжья. Автор анализирует условия жизни воспитанников детских домов, рассматривает степень оснащения детских учреждений продовольственными и хозяйственными товарами.

На основе архивных материалов и газет того времени воссоздается картина повседневной жизни детского дома.

Ключевые слова: детские учреждения, детский дом, беспризорность.

The Daily life of Inmates of Children's Homes of the Soviet Provincial City in 1920–1930-ies

T. A. Soloviova

The article is devoted to the problems of a daily life of the Saratov Volga Region. The author analyses the living conditions of inmates of children's homes. The author also examines the level of equipment of institutions of food and household goods. On the basis of archival material and periodicals of then-a-days the original picture of a daily life of a children's home is reconstructed.

Key words: child institutions, children's home, homeless children.

Первая мировая и Гражданская войны, голод начала 1920-х и 1930-х гг., тяжелое материальное положение населения, кризис нравственности, растущая безработица, репрессии и др. обусловили рост детской беспризорности в СССР.

Детские дома, создававшиеся в 1920-е гг., не были однотипными, а ориентировались на разные категории детей: для нормальных детей, для детей, выросших в антисоциальном окружении, для детей физически и умственно дефективных, для слабых и больных детей. На протяжении 1920-х гг. система детских учреждений постепенно приобретала довольно четкие очертания, и к концу десятилетия формально существовали только три категории детских домов: дошкольные детские дома, детские дома для учащихся, детские дома с профессиональным обучением. Кроме того, имелись трудовые колонии для трудновоспитуемых детей, а также детские дома лечебного и полулечебного типа и детские дома для инвалидов.

На самом деле существовало гораздо больше различных типов детских заведений, не подпадавших ни под одну из упомянутых категорий. Так, например, в некоторых населенных пунктах были детские городки, состоявшие из школы, интерната-общежития, мастерских, и школы-коммуны, существовавшие за счет труда своих воспитанников. В крупных городах создавались детские приемники-распределители, из которых дети, как правило, переходили затем в детский дом¹.

Система детских учреждений должна была способствовать воспитанию нового человека – активного строителя социализма, но тяжелое материальное положение детдомов приводило к тому, что они не выполняли возложенных на них задач. Наблюдались частые случаи бегства детей из детских домов «в манящий... омут жизни большого города»². Возможность «полакомиться на собранную милостыню», чувство свободы и независимости, новые впечатления делали уличную жизнь куда более интересной и привлекательной³.

Здания детских домов обычно не отапливались и в течение многих лет оставались без ремонта. В редком детдоме была более или менее пригодная мебель. В частности, детские учреждения Саратовского Поволжья имели «убогое» оборудование, в них «не хватало столов, скамей, кроватей, кухонной и столовой посуды, ... помещения

по сравнению с количеством детей были малы, требовали капитального и текущего ремонта»⁴.

Важным показателем степени оснащения детских домов и санитарно-педагогической обстановки являются данные о соответствии количества кроватей числу детей. На совещании при отделе культуры и пропаганды ленинизма Саратовского крайкома ВКП (б) в 1934 г. отмечалось, что саратовский приемник имел «малюсенькие» койки, на которых спали по 5–6 человек, и данный случай далеко не единичен⁵. Например, в детском доме г. Новоузенска две девочки вообще спали под кроватью⁶.

Воспитанники детских домов зачастую не имели достаточного количества одежды и обуви. В середине 1920-х гг. в Саратове Красный городок был снабжен обувью на 40%, одеждой и носильным бельем – на 37,5 %, а детские дома школьников могли обеспечить одеждой и обувью половину находившихся в них детей. Лучше всего снабжались дома для умственно отсталых детей. Так, процент обеспеченности их обувью и одеждой равнялся 100% и 70% соответственно⁷. Из-за недостатка обуви и пальто воспитанники не всегда имели возможность посещать школу⁸.

Рацион детских домов был весьма скудным, в нем отсутствовали жиры и сахар⁹. В начале 1920-х гг. государство установило суточные нормы питания для каждой губернии в зависимости от ее местных условий, но поток прибывавших сирот с середины 1921 г. ежедневно увеличивался, и продовольствия не хватало. Пайки приходилось дробить, так как они едва удовлетворяли 50% всех воспитанников детских учреждений. Настоящим подспорьем являлось иностранное питание и помощь различных шефских организаций. В начале 1920-х гг. саратовский Губвоенкомат, например, часть пайков, включавших муку, крупу, сахар и селедку, перечислял детским учреждениям¹⁰.

В 1930-е гг. вопрос питания в целом обстоял благополучно. Например, ежедневный рацион Петровской школы-интерната для глухонемых детей включал мясной суп, котлеты, белый хлеб, манную кашу и чай¹¹. В то же время отмечались случаи, когда педагогический персонал кормился за счет пайков своих воспитанников¹². Например, в Пудовкинском детском доме для умственно отсталых детей, находившемся в сельскохозяйственной зоне Саратова, на «отпущенную норму для 27 детей заведующим... Кузнецовым... было зачислено на довольствие 8–10 человек обслуживающего персонала», и «дети жили впроголодь на одном черном хлебе»¹³. Причем «произведенное расследование показало, что о положении в Пудовкинском детдоме хорошо было известно руководителям Собеса, которые отмахнулись от руководства детдома, допустив невыносимые условия содержания детей»¹⁴.

Заболеваемость в детских учреждениях оставалась на высоком уровне, особенно в 1920-е гг., так как не соблюдался принцип изоляции больных

детей от здоровых. В частности, в саратовских приемниках – очаге заразы – в середине 1920-х гг. жило 353 больных трахомой, 19 – венерическими болезнями, 62 – чесоткой, причем большая часть заболевших не была изолирована¹⁵. Рабочие корреспонденты сообщали, что в саратовском приемнике Губоно «дети голые спят на холодном полу, здоровые рядом с больными. Есть сифилитики. Одежды и посуды нет. Едят все из одной миски»¹⁶.

Среди детских домов Саратовского Поволжья самым образцовым учреждением считался саратовский «Красный городок», в отчетах которого сообщалось о том, что воспитанники «всегда сыты, одеты и обуты», «успеваемость 98%», «коллектив дружен и работоспособен»¹⁷.

Одному из директоров «Красного городка», В. И. Шутову, в 1930-е гг. «удалось принять на работу квалифицированный персонал, включая воспитателей, мастеров производственного обучения; даже заведующая бельевой была в прошлом костюмершей оперного театра. Устроив в детдоме мастерские, Шутов существенно улучшил материальную базу учреждения, которое во многом перешло на самообеспечение. Многие другие детские дома страны и области... характеризовались менее успешным руководством, условия содержания в них были хуже и квалификация работников ниже»¹⁸.

«Красный городок» имел собственный земельный участок, на котором воспитанники разводили коров, лошадей и свиней. Принцип трудового воспитания, обязательного для всех советских детских домов, здесь был выражен наиболее ярко. Девочки сами шили себе одежду, а мальчики чинили обувь. Мастерские и школа составляли единое целое. Разнообразные кружки (музыкальный, шахматный, физкультурный, чертежный, кружок слесарей и столяров, швейниц и чулочниц, фотокружок и др.) отвечали различным интересам ребят. Формой детского самоуправления служил специальный орган – оргком¹⁹.

В то же время слабое финансовое снабжение городка вызвало сокращение расходов на питание и одежду. Недоедание и отсутствие прогулок зимой на свежем воздухе (ввиду недостатка пальто) обусловили распространение среди детей малокровия. Отмечались также не очень хорошие санитарно-гигиенические условия, так как стены помещения были грязными, а кухня необорудованной²⁰. В 1934 г. «Красный городок» испытывал недостаток постельного белья, совершенно отсутствовали простыни и матрацы²¹.

Впрочем, детские дома других городов Саратовского Поволжья выглядели намного хуже. Самыми необустроенными признавались Хвалынский детдом № 2 и Балаковский № 1. Так, воспитанники детдома № 2 г. Хвалынска были «кое-как обеспечены обувью», а помещения его интернатов не отапливались, комнатная температура в спальной комнате равнялась 0°С, вследствие чего «дети дрожали и грелись у печек»²². Теснота и скучен-

ность проживания привели к тому, что на одной кровати нередко спало по 2 ребенка²³. Однако необходимо отметить, что к концу 1930-х гг. на каждого воспитанника этого детдома приходилось платье и пальто, пара нового верхнего и нижнего белья. Кроме того, достаточные запасы бязи и сатина позволяли пополнить количество одежды²⁴. Хвалынский детдом № 3 имел такой низкий уровень преподавательского состава, что, например, один из его воспитателей Спично не мог помочь решить «ученикам 3 класса... задачу по арифметике»²⁵.

Впечатление о детском доме № 1 г. Балаково, как говорилось в одной докладной записке, было «самое жуткое. Скученность в спальнях... грязь, клопы... постельное белье грязное, дети в бане не моются по месяцу»²⁶. Детдом № 1 очень плохо снабжался дровами, ввиду того что горсовет, приняв от него заявку и деньги, не обеспечил их доставку. В помещении детского дома поддерживалась минимальная температура, так как работники часто отапливали его через сутки, а не каждый день, экономя дрова. Недостаток кроватей привел к тому, что 20 детей были вынуждены спать на одной койке по двое. Денежные средства детского дома разворовывались его заведующими. О тяжелом материальном положении детдома знал местный отдел образования, но не принимал никаких мер к его улучшению. В конце 1930-х гг. детдом перестал посещать доктор, так как райздрав не имел в своем распоряжении «свободных» врачей. Изредка осмотр детей проводила приходившая медсестра. Данный факт обусловил антисанитарное состояние детского учреждения, среди воспитанников была очень распространена вшивость. Отсутствие воспитательной работы, ночных дежурств, частая смена заведующих и остального педагогического персонала привели к развитию хулиганства, пьянства, курения и частых драк среди детей. Воспитатели работали лишь до часу дня, после чего дети были представлены сами себе²⁷.

Следует отметить, что государство стремилось дать беспризорным детям трудовые навыки, профессию, чтобы они сами могли зарабатывать себе на жизнь. Трудовое воспитание в детских учреждениях было обязательным. Однако ни отделы образования, ни сами детские дома не уделяли вопросам трудоустройства должного внимания, поэтому отмечались случаи, когда обучавшиеся слесарному делу воспитанники саратовского детдома при устройстве на работу попадали в переплетные мастерские²⁸.

Катастрофичное состояние детских домов вызывало бегство детей. Уличные беспризорники объединялись в преступные шайки, занимались попрошайничеством, бродяжничеством, проституцией.

Таким образом, ввиду тяжелой социально-экономической ситуации детские дома чрезвычайно плохо снабжались дровами, овощами,

одеждой и обувью. Степень оснащения детских учреждений кроватями и другой мебелью оставалась низкой. Голод 1920-х гг. обусловил скудное питание, когда получаемые из центра пайки дробились между детьми. Свой «вклад» в тяжелое материальное положение детских домов внесли и местные органы власти: горсовет, отдел образования, райздрав, собес. Педагогический персонал, работая в трудных условиях и получая низкую заработную плату, зачастую сводил воспитательную работу к полному ее отсутствию. Отмечались случаи грубого обращения с детьми и применение наказаний. Образцовые детские дома, к сожалению, существовали, скорее, как исключение из правила. Впрочем, к 1930-м гг. положение некоторых детдомов улучшилось, налажилось снабжение продуктами и одеждой. Катастрофичное состояние детских учреждений обуславливало бегство их воспитанников, что только увеличивало рост беспризорности.

Примечания

- ¹ См.: *Дорохова Т.* Становление системы социального воспитания в России в 20-е годы XX века // *Нужда и порядок.* Саратов, 2007. С. 409–410.
- ² *Аркина К. Ф.* Несовершеннолетние бродяжки // *Право и жизнь.* 1926. № 6–7. С. 101.
- ³ Там же. С. 100.
- ⁴ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 3. Д. 1307. Л. 8.
- ⁵ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 133. Л. 2.
- ⁶ ГАНИСО. Д. 768. Л. 47.
- ⁷ Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1307. Л. 29.
- ⁸ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1119. Л. 60.
- ⁹ Там же. Ф. 27. Оп. 3. Д. 1307. Л. 29.
- ¹⁰ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 3. Д. 28. Л. 236, 183.
- ¹¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 768. Л. 56.
- ¹² Там же. Д. 133. Л. 13.
- ¹³ Там же. Д. 1097. Л. 13.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: *Дети в голодных местах (От нашего саратовского корр-та) // Правда.* 1924. 17 февраля.
- ¹⁶ См.: *Нам пишут // Правда.* 1924. 16 января.
- ¹⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1119. Л. 63.
- ¹⁸ *Ярская-Смирнова Е., Романов П.* Идеологии и практики социального воспитания в Советской России : повседневная жизнь в детском доме «Красный городок» в Саратове, 1920–1940-е годы // *Нужда и порядок.* Саратов, 2007. С. 425.
- ¹⁹ См.: *На путях к общественному воспитанию детей (Практика работы саратовского Красного городка).* М. ; Л., 1930. С. 8,25,54,76.
- ²⁰ Там же. С.76.
- ²¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 133. Л. 14.
- ²² Там же. Д. 1119. Л. 71, 72.
- ²³ Там же. Л. 71.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 72.
- ²⁶ Там же. Д. 768. Л. 14.
- ²⁷ Там же. Л. 4об.–6, 14.
- ²⁸ Там же. Д. 1119. Л. 61.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94 (3)

ГРАКХИ И *AGER CAMPANUS*

Р. В. Лапырёнок

Саратовский государственный университет
E-mail: lapyrionok@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты развития земельного фонда *ager Campanus* в гракханское время. На основе изучения письменных и эпиграфических источников автор анализирует политику братьев Гракхов в отношении «кампанского поля». По его мнению, ресурсы фонда *ager Campanus* оставались неприкосновенными вплоть до аграрной реформы Цезаря. **Ключевые слова:** «кампанское поле», Тиберий Семпроний Гракх, Гай Семпроний Гракх, *lex Sempronia agraria*, земельный закон 111 г. до н. э., *Illviri agris iudicandis adsignandis*.

The Gracchi and the *Ager Campanus*

R. V. Lapyrionok

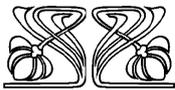
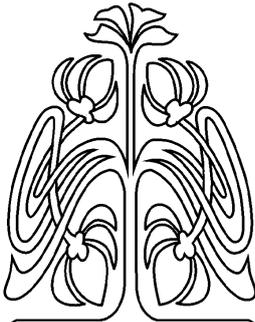
This paper considers some aspects of history of the *ager Campanus* in the Gracchan period. On the basis of re-examination of our literary and epigraphic sources author analyzes the policy of the Gracchi concerning this part of Roman public land. His conclusion is that the *ager Campanus* enjoyed immunity from any land distribution until Caesar his agrarian reform.

Keywords: *ager Campanus*, Tiberius Sempronius Gracchus, Gaius Sempronius Gracchus, *lex Sempronia agraria*, agrarian law of 111 BC, *Illviri agris iudicandis adsignandis*.

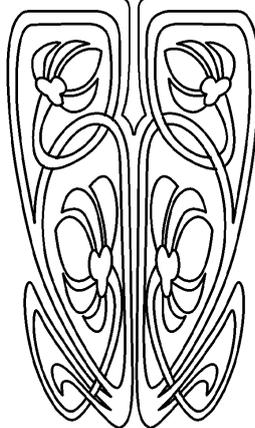
После лишения триумвиров *a. i. a.* судебной функции аграрная реформа Тиберия Гракха потеряла свою актуальность. Вследствие отсутствия доступа к фонду *ager occupatorius* его соратники были вынуждены искать новые источники земельных ресурсов. В этой связи определённые опасения за судьбу своих *possessiones* должны были испытывать пользователи римской общественной земли таких категорий, как *ager censorius* и *ager quaestorius*.

Ager Campanus является единственным известным науке земельным фондом, который относился к категории *ager censorius*¹. Ещё меньше нам известно об *ager quaestorius*. За пользование землёй из фонда *ager Campanus* взималась рента, о чём неоднократно говорит Цицерон. Вполне возможно, что это предусматривалось и в отношении *ager quaestorius*, хотя в античных источниках отсутствуют прямые указания на наличие таких сборов. Некоторые исследователи сомневаются в том, что государство вообще могло на регулярной основе взимать земельную ренту². По крайней мере, нам неизвестно о существовании специального органа, призванного контролировать данные поступления³.

Правовой статус земель, которые входили в состав фонда *ager quaestorius*, стал предметом продолжительной научной дискуссии. Большинство специалистов, изучающих проблемы развития *ager publicus*, считает, что их правомочным собственником являлся *populus Romanus*⁴. Итак, речь здесь шла о государственной, а не о частной собственности. *Possessores* должны были выплачивать ренту, которая обеспечивала законность их притязаний на пользование этой землёй. Однако отсутствие прямого контроля за её выплатой нередко приводило к спорным ситуациям, которые становились причиной изменения статуса земельных участков⁵. В таких случаях их переводили в состав фонда *ager occupatorius*, что было сопряжено с крайне нежелательными последствиями: теперь они подпадали под юрисдикцию гракханской

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

аграрной комиссии. Подобный сценарий развития событий мог стать поводом для возникновения конфликтов между *Illviri agris iudicandis adsignandis* и пользователями земли из фонда *ager quaestorius*, в которых не была заинтересована ни одна из двух представленных сторон.

Согласно точке зрения Й. Гёлера, Тиберий Гракх намеревался разделить также и *ager Campanus*⁶. Гай Гракх решил не привлекать этот фонд к разделу в рамках работы аграрной комиссии, но собирался использовать его при основании своих колоний, специально оговаривая неприкосновенность *ager Campanus* в отдельном законе или в одной из статей общего закона⁷. Эта гипотеза не нашла поддержки среди историков, занимающихся изучением земельного законодательства братьев Гракхов⁸. Ф. Т. Гинрихс, в частности, приводит аргумент, опровергнуть который представляется практически невозможным: ссылка на «иммунитет» какой-то или каких-то категорий римской общественной земли присутствует также и в 21–23 строках *lex agraria* 111 г. до н. э., где речь идёт о колониях Гая Гракха⁹. Если бы даже целью последнего действительно являлось сохранение земельных ресурсов для своих будущих колоний, то наличие пункта о неприкосновенности *ager Campanus*, на котором он якобы и планировал их основать, в этих строках было бы просто излишним¹⁰. Помимо этого, следует отметить, что в рассматриваемый период времени сенат не предпринимал попыток противопоставить реформаторам собственную аграрную программу: законопроект М. Ливия Друза был внесён в комиции уже во время второго трибуната Гая Гракха. Тогда от кого же в таком случае гракханцы должны были защищать эти земли? Если следовать логике Й. Гёлера, то, видимо, от самих себя в лице аграрной комиссии.

Особое положение *ager Campanus* в позднереспубликанское время подтверждается письменными источниками¹¹. К сожалению, у нас нет достоверной информации по поводу планов Тиберия Гракха в отношении кампанских земель. Многие исследователи сомневаются в наличии в его законе пункта о разделе *ager Campanus*¹². Однако противоположная точка зрения также пользуется определённой популярностью¹³. Сторонники последней указывают на то, что в Кампании были найдены два гракханских межевых камня¹⁴. Данное обстоятельство свидетельствует о проведении в этом регионе межевых работ¹⁵. Впрочем, речь здесь необязательно должна была идти именно о «кампанском поле», то есть о землях из фонда *ager censorius*¹⁶. Во-первых, вышеупомянутые *termini Gracchani* располагались вне его пределов¹⁷. Во-вторых, на территории Кампании имелись также земли, которые являлись частью фонда *ager quaestorius*¹⁸. И наконец, в-третьих, прямой контроль за ресурсами *ager Campanus* был установлен лишь в 60-е гг. II в. до н. э. Сенат неоднократно отправлял в Кампанию магистратов с целью проведения размежевания государственной

и частной земли. В 173 г. до н. э. данная миссия была поручена консулу Л. Постумию¹⁹. Несколько лет спустя потребовалась повторная инспекция, чтобы подготовить «кампанское поле» к передаче в пользование частным лицам²⁰. После получения информации о количестве и качестве земли цензоры должны были определить размер ренты. В этом случае основной задачей претора П. Корнелия Лентула являлась скупка частной земли, но не исключено, что и ему пришлось столкнуться с необходимостью проведения новых межевых работ для разграничения государственных и частных владений²¹.

В своём рассказе о миссии 173 г. до н. э. Ливий говорит о том, что Л. Постумий подтвердил государственный статус «большой части» *ager Campanus*. Такая формулировка подразумевает существование другой части, которая всё ещё находилась в пользовании у частных лиц. К. Йогансен указывает также на наличие в составе «кампанского поля» земель, которые вплоть до принятия *lex agraria* Г. Юлия Цезаря не знали контроля со стороны римских магистратов²². В первую очередь, конечно, это относится к так называемому *campus Stellas*²³. Кроме того, античные источники называют «кампанским полем» и всю совокупную территорию, которая до известных событий периода II Пунической войны принадлежала Капуе и её союзникам. Смешение двух значений *ager Campanus* нередко приводит к путанице. Официальное значение, которое входит в оборот после миссии П. Корнелия Лентула, заключает в себе определённую юридическую категорию. Когда Цицерон говорит о «кампанском поле», он имеет в виду *ager censorius*²⁴.

Именно в этом смысле нужно понимать его слова об отсутствии у братьев Гракхов планов по разделу *ager Campanus*²⁵. По отношению к той кампанской земле, которая ещё до окончания Ганнибаловой войны была продана/сдана в аренду квесторами, наличие подобного рода планов с их стороны не представляется невозможным, как, впрочем, и по отношению к *ager occupatorius*. С. Т. Розелар указывает на то, что статус фонда *ager Campanus* не претерпел никаких видимых изменений вплоть до вступления в силу *lex agraria* Г. Юлия Цезаря²⁶. Его земли находились в пользовании у частных лиц, которые платили ренту в римскую казну. Этот факт является лучшим подтверждением неприкосновенности «кампанского поля» в гракханское время. Таким образом, деятельность *Illviri a. i. a.* на территории Кампании ограничилась разделом земли из фондов *ager quaestorius* и *ager occupatorius*.

Плутарх сообщает о том, что Гай Гракх издал закон об основании колонии Капуи²⁷. Об этом упоминает и автор «*de viris illustribus*»²⁸. Однако не все источники подтверждают данную информацию. Веллей Патеркул, например, называет в числе италийских колоний Гая Гракха лишь *Scolacium Minervia*²⁹ в Бруттии и *Tarentum*

Neptunia в Апулии³⁰. Дион Кассий утверждает, что первая римская колония на месте Капуи была основана Г. Юлием Цезарем³¹. В современной историографии мы также не наблюдаем единства мнений по поводу достоверности рассказа Плутарха. Й. Мольтхаген считает, что основание колонии Капуи действительно входило в планы Гая Гракха, хотя в силу неизвестных нам причин ему не удалось осуществить задуманное³². Впрочем, подобное объяснение не совсем соответствует контексту высказывания греческого автора. Из слов Плутарха можно заключить, что речь здесь идёт скорее о законе, чем о планах. Также необходимо отметить, что в указанном пассаже присутствует ссылка на другую колонию Гая Гракха, *Tarentum Neptunia*, историчность которой не вызывает сомнения ни у одного из современных исследователей³³.

В первую очередь, конечно, необходимо дать ответ на следующий вопрос: насколько реалистичными вообще могли быть такие планы? Использование фонда *ager Campanus* для наделения землёй колонистов представляется маловероятным. Для обеспечения своей программы земельными ресурсами Гай Гракх вполне мог обратиться к методам комиссии *IIIviri a. i. a.* Присутствие на территории Кампании гракханских межевых камней свидетельствует о существовании определённого потенциала для подобного рода решения. К сожалению, состояние источниковой базы не позволяет точно оценить масштаб *оскупации* в данном регионе. вполне возможно, что большая часть оккупированной кампанской земли была конфискована гракханской аграрной комиссией ещё в 132–129 гг. до н. э., а её остатков было уже недостаточно для основания колонии.

Проблему недостатка или даже полного отсутствия земельных ресурсов, впрочем, можно было легко решить при наличии достаточного количества денежных средств. К покупке земли у частных лиц прибегали не только оппозиционные деятели (как известно, именно так в 59 г. до н. э. поступил Г. Юлий Цезарь³⁴), но в особых случаях к подобной практике обращался и сам сенат³⁵. Понятно, что Гай Гракх, как и Цезарь, не мог рассчитывать в этом деле на помощь сената. Кроме того, основание колонии Капуи являлось не единственным амбициозным проектом Гая Гракха, осуществление которого было сопряжено со значительными расходами. Античные источники сообщают, например, о подготовленной им программе дорожного строительства. Одновременное финансирование двух столь затратных проектов представляется крайне затруднительным. Необходимые средства можно было теоретически собрать благодаря его *lex de provincia Asia*³⁶. Проблема заключается в том, что в источниках мы не находим ни единого намёка на возможную связь между вышеозначенными мерами Гая Гракха. Таким образом, у нас есть весомые основания для сомнений в достоверности информации Плутарха.

Изучение античной традиции позволяет сделать вывод о том, что ресурсы фонда *ager Campanus* оставались неприкосновенными вплоть до аграрной реформы Гая Юлия Цезаря. Сведения письменных и эпиграфических источников свидетельствуют в пользу отсутствия у братьев Гракхов планов по разделу *ager Campanus*. Жёсткая позиция сената в отношении подобного рода планов не позволила аграрной комиссии использовать его ресурсы для наделения землёй римских граждан.

Примечания

- ¹ Roselaar S. T. Public land in the Roman Republic. A social and economic history of Ager Publicus, 396–89 BC. Oxford, 2010. P. 132.
- ² Для *ager quaestorius* : Kaser M. Die Typen der römischen Bodenrechte in der späteren Republik // Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. 1942. Bd. 62. S. 45 ; Roselaar S. T. Public land in the Roman Republic. P. 124 ; для *ager compascuus* : Burdese A. Studi sull'ager publicus. Torino, 1952. P. 126 ; Roselaar S. T. Public land in the Roman Republic. P. 142.
- ³ Roselaar S. T. Public land in the Roman Republic. P. 123–124.
- ⁴ Bozza F. La possessio dell'ager publicus. Napoli, 1938. P. 68–69 ; Kaser M. Op. cit. S. 44 ; Burdese A. Op. cit. P. 45–46 ; Gargola D. Lands, laws and gods. Magistrates and ceremony in the regulation of public lands in republican Rome. Chapel Hill NC, 1995. P. 118–119 ; Campbell B. The Writings of the Roman Land Surveyors. Introduction, Text, Translation and Commentary. L., 2000. P. 474 ; Roselaar S. T. Public land in the Roman Republic. A social and economic history of Ager Publicus, 396–89 BC. Oxford, 2010. P. 123.
- ⁵ Hyginus (1) 82. 28–30 ; Sic. Flacc. 120. 14–17 ; Campbell B. Op. cit. P. 473–474.
- ⁶ Göhler J. Rom und Italien. Breslau, 1939. S. 150.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Hinrichs F. T. Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. // Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. 1966. Bd. 83. S. 255. Anm. 5 ; Johannsen K. Die Lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar. München, 1971. S. 197–198 ; Lintott A. Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. Cambridge, 1992. P. 204.
- ⁹ Hinrichs F. T. Op. cit.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Cic. leg. agr. 2. 29. 81.
- ¹² Johannsen K. Op. cit. S. 189–192 ; Sacchi O. Regime della terra e imposizione fondiaria nell'età dei Gracchi. Testo e commento storico-giuridico della legge agraria del 111 A. D. Napoli, 2006. P. 144 ; Roselaar S. T. Public land in the Roman Republic. 46 ff. Согласно Э. Эрмон (*Hermon E.* Le mythe des Gracques dans la législation agraire du Ier siècle av. J.–C. // Athenaeum. 1992. Vol. 80. P. 104–105), «иммунитет» *ager Campanus* („l'interdiction de toucher à l'ager Campanus“) стал составной частью «гракханского мифа» уже ко времени Суллы.
- ¹³ Frederiksen M. Campania. British School at Rome, 1984. P. 275 ; Chouquer G., Clavel-Lévêque M., Favory F., Vallat J.-P. Structures agraires en Italie centro-méridionale :

- cadastres et paysage rural. Rome, 1987. P. 203 ; *Schubert Ch.* Land und Raum in der römischen Republik. Die Kunst des Teilens. Darmstadt, 1996. S. 82–84.
- ¹⁴ Один из них, в частности, в местечке Сант'Анджело, то есть в непосредственной близости от предполагаемого местонахождения *ager Campanus* (*Dessau H.* Inscriptiones latinae selectae. Bd. I. Berlin, 1892. 24 ; *Degrassi A.* Inscriptiones latinae liberae rei publicae. Vol. I. Firenze, 1957. 467).
- ¹⁵ О. Сакки считает (*Sacchi O.* Op. cit. P. 146), что миссия гракханских триумвиров в данном регионе носила „sarattere ricognitivo“. На наш взгляд, аграрная комиссия проводила межевые работы только на тех землях, которые имели для неё практическое значение.
- ¹⁶ *Campbell B.* Op. cit. P. 417 ; *Roselaar S. T.* Public land in the Roman Republic. P. 47. Примеч. 109.
- ¹⁷ *Campbell B.* Op. cit. P. 417 ; *Roselaar S. T.* Public land in the Roman Republic. P. 47. Примеч. 109.
- ¹⁸ Liv. XXVIII. 46. 4–6.
- ¹⁹ Liv. XLII. 1. 6–7. Во время проведения инспекции Л. Постумий снял режим *occupatio* с кампанских земель (Liv. XLII. 19. 1–2).
- ²⁰ Cic. leg. agr. II. 82 ; Gran. Licin. 28. 29–37. П. Корнелий Лентул подготовил *forma agrorum*, то есть земельный кадастр, на основе которого цензоры определили ренту для каждого пользователя (Gran. Licin. 28. 36–37 : *formatque agrorum in aes incisam ad Libertatis fixam reliquit*). К. Йогансен (*Johannsen K.* Op. cit. S. 192. Примеч. 37), впрочем, подвергает сомнению сообщение Грания Лициниана, в котором тот утверждает, что этот кадастр был актуален и во времена Суллы.
- ²¹ *Johannsen K.* Op. cit. S. 195–196.
- ²² Ibid. S. 197.
- ²³ Suet. Div. Iul. 20 ; Cic. leg. agr. I. 20 ; II. 85.
- ²⁴ Cic. leg. agr. II. 84 : *Totus enim ager Campanus colitur et possidetur a plebe, et a plebe optima et modestissima...* ; см. также : Cic. leg. agr. I. 20–21.
- ²⁵ Cic. leg. agr. 2. 29. 81.
- ²⁶ *Roselaar S. T.* Public land in the Roman Republic. P. 47–48.
- ²⁷ Plut. Tib. et C. Gracch. 29.
- ²⁸ Vir. ill. 65 : *... colonos etiam Capuam et Tarentum mittendos censuit*.
- ²⁹ Колония *Scolacium Minervia* находилась на месте древнего греческого поселения *Skylletion*: *Kahrstedt U.* Ager publicus und Selbstverwaltung in Lukanien und Bruttium // *Historia*. 1959. Bd. 8. S. 185.
- ³⁰ Vell. I. 15. 4.
- ³¹ Cass. XXXVIII. 7.3.
- ³² *Molthagen J.* Die Durchführung der gracchischen Agrarreform // *Historia*. Bd. 22. 1973. S. 452.
- ³³ *Curreri D.* Capua e l'ager Campanus nella legislazione agraria e colonaria di Gaio Gracco // *Epigraphica*. Vol. 33. 1971. P. 33–34 ; *Stockton D.* The Gracchi. Oxford, 1979. P. 136 ; *Hermon E.* Le Programme agraire de Caius Gracchus // *Athenaeum*. 1982. Vol. 60. P. 264 ; *Roselaar S. T.* References to Gracchan Activity in the *Liber Coloniarum* // *Historia*. 2009. Bd. 58. S. 201.
- ³⁴ По словам Цицерона, общий объём фонда *ager Campanus* составлял приблизительно 50000 югеров. Cic. Att. 2. 16. 1 : *deinde, ut me egomet consolere, omnis exspectatio largitionis agrariae in agrum Campanum videtur esse derivata, qui ager, ut dena iugera sint, non amplius hominum quinque milia potest sustinere; reliqua omnis multitudo ab illis abalienatur necesse est*. Новейшая оценка: *Roselaar S. T.* Public land in the Roman Republic. P. 321.
- ³⁵ Cic. leg. agr. II. 82.
- ³⁶ Cic. Verr. II. 3. 12 ; косвенно : App. B. C. V. 4.

УДК 9(437)|14/16|+002(4)(09)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГУМАНИСТОВ В РЕПЕРТУАРЕ ЧЕШСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ РАННЕГО ПЕРИОДА (1468–1620 годы)

Е. Н. Многолетняя

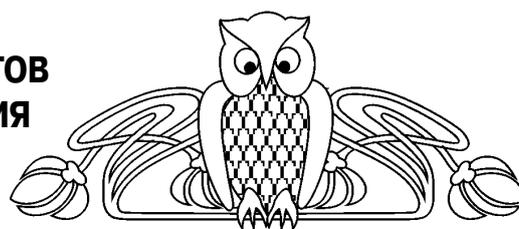
Саратовский государственный университет
E-mail: mnogolet@bk.ru

В настоящей статье рассматривается репертуар чешского книгопечатания раннего периода (1468–1620 гг.). Автор выявляет место, которое занимали в нём издания произведений европейских гуманистов, а также прослеживает их влияние на духовную жизнь Чехии. **Ключевые слова:** история Чехии, книгопечатание, типографы, репертуар чешских печатных книг, произведения гуманистов.

The Works of European Humanists in the Repertory of the Czech Book Printing in its Early Period (1468–1620)

Е. N. Mnogoletnyaya

The paper focuses on the repertory of the Czech book printing in its early period (1468–1620). The author reveals the place that was

occupied by the works of European humanists; and also traces their influence on the spiritual life of the Czech.

Key words: history of the Czech, book printing, printers, repertory of Czech book printing, works of humanists.

Репертуар печатной продукции в Чехии с момента возникновения там книгопечатания был чрезвычайно разнообразен. Отличительной его особенностью являлось значительное преобладание изданий, печатавшихся на чешском языке. Это были как оригинальные чешские сочинения, так и переведенные на чешский язык тексты. Естественно, печатались и сочинения на других языках, в частности, латинском, немецком и т. д.

Всю печатную продукцию, изданную в этот период в Чехии, можно разделить на две большие

группы: религиозную и светскую литературу. Чешское книгопечатание чутко реагировало на потребности чешского читателя, а следовательно, в печатной продукции нашли отражение различные точки зрения на социально-политические события, происходившие в стране в данный период, и на религиозные споры, которые велись в обществе. Книгопечатание не могло не отражать ведущие тенденции культурного развития Чехии, а также процесс распространения идей гуманизма среди просвещенных слоев чешского общества.

Уже в инкунабульный период (1468–1500 гг.) в репертуаре печатной продукции, издаваемой в Чехии, мы встречаем сочинения гуманистов. Так, эпистолярный жанр в первопечатных книгах представлен изданием чешского перевода (1490 г.) латинского письма итальянского гуманиста Поджо Браччолини к Леонардо Бруни¹. В этом письме Поджо, как секретарь папской курии и участник Констанцского собора (1415 г.), писал Леонардо Бруни Аретинскому о мужественном поведении Иеронима Пражского в Констанце, о том, что Иероним воспринимался им как воплощение античного и гуманистического идеала мудрого человека, принимающего несправедливый приговор с великой нравственной силой. Поджо воздает почести представителю гусизма в той форме, которую итальянские гуманисты возвели до уровня искусства. Это письмо вошло в издание «Пассионала» (1495 г.)² на чешском языке.

В следующий период развития чешского книгопечатания (1501–1620 гг.) репертуар книжной продукции все более расширялся, появлялись новые жанры. Литература для повседневного чтения пополнялась переведенными на чешский язык сочинениями итальянских гуманистов. В число установленных нами изданий вошли три сочинения Джованни Боккаччо: «История Филиппа Бироальда о несчастной любви двух влюбленных» (1507 г.)³ и «Хроника о Симоне глупом» (1509 г.)⁴ – изданы у Микулаша Конача из Годишково; «История Флорио и Бианчифлоры» (1519 г.)⁵ – издана в типографии Яна Шмерховского. Немного раньше, в 1501 г., были изданы «Две книги о врачевании счастья и несчастья» Франческо Петрарки. Трактат был переведен с латинского языка чешским гуманистом Ржегоржем Грубым из Елени и издан в Севериновской типографии⁶.

Огромный интерес читателей вызывали повествования о других странах. Поэтому появляются переводы из современной зарубежной гуманистической литературы. В 1541 г. Буриан Собек из Корниц перевел хронику немецкого гуманиста Яна Карiona, астролога и историка, «Книга хроник»⁷. В этом же году она была издана под названием «Книга хроник» в типографии Александра Ауездского.

Значительный вклад в популяризацию идей гуманизма в Чехии и издание сочинений европейских гуманистов внесли известные чешские типографы XVI в.

Крупнейшим пражским типографом первой четверти XVI в. был Микулаш Конач из Годишково. Он первым из чешских типографов начал издавать книги в Праге в XVI в.⁸, занимаясь при этом и литературной деятельностью, – переводил с немецкого и латинского языков⁹.

Все переводы М. Конача, произведения для которых он отбирал лично, предназначались для последующего их издания. Среди его переводов были сочинения итальянских гуманистов (Ф. Петрарки, Д. Боккаччо, Энея Сильвия Пикколомини).

О самом издателе нам известно немного. Издательскую деятельность Конач начал в 1507 г. вместе с компаньоном Яном Вольфом, богатым торговцем, владевшим домом в Праге под названием «Шмерхоф» на Старолистной площади, неподалеку от ратуши. Первая книга, которую компаньоны издали, датирована 10 января 1507 г. Это были «Семь покаянных псалмов Петрарки – знаменитого поэта, богомысленного и набожного мужа». В Праге была издана «История Филиппа Бироальда о несчастной любви»¹⁰ Джовани Боккаччо. О существовании книги мы знаем по упоминаниям в литературе, ни одного ее экземпляра не сохранилось. Приписывается она М. Коначу на том основании, что в 1509 г. он издал еще одну книгу – повесть прославленного итальянского новелиста «Хронику о Симоне глупом» (1509)¹¹.

Крупнейшим изданием М. Конача как самостоятельного типографа стала «Чешская Хроника» итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини, выпущенная в 1510 г.¹² Примечательно, что в предисловии к своему переводу этой хроники Конач обращается к предполагаемым читателям, среди которых называются «чехи, словаки, мораване, поляки»¹³. Это, в свою очередь, может служить косвенным свидетельством путей и масштабов распространения чешской печатной продукции. В книге помещены гравированные изображения св. Вацлава, Яна Жижки и других деятелей чешской истории. Всего 39 гравюр на дереве. Изображены были и отдельные события, например, сожжение на костре Яна Гуса.

Интересным является обращение М. Конача к древнейшим притчам Бидпая, восходящим к «Пантачантре», которые он перевел на чешский язык, как считают исследователи, с латинского издания 1480 г., и издал в 1528 г.¹⁴. Этот интерес был во многом продиктован следующим обстоятельством. Издатель включил в текст сочинение итальянского гуманиста. Латинская редакция притч, сделанная Иоганном из Капуи, возникла около 1270 г. и получила название «Правило людской жизни, или приобретение древней мудрости». Именно она послужила исходным материалом для чешского перевода Конача¹⁵. Произведение имело огромное значение для чешской литературы, так как было не просто переизданием, а литературной переработкой, обращенной к чешской действительности через аллегорическую форму повествования. Вкладом М. Конача явилось

привнесение в содержание двух фацетий Поджо Браччолини. Это был первый перевод на чешский язык фацетий Поджо.

Другой крупный пражский типограф второй половины XVI в. Иржи Мелантрих из Авентина в своей печатной продукции также уделит значительное место сочинениям гуманистов. Обучаясь в Виттенбергском университете – центре ортодоксального лютеранства, будущий типограф познакомился со знаменитым немецким гуманистом Филиппом Меланхтоном¹⁶. Впоследствии важную роль в его печатной продукции занимали учебники для школ, среди которых была и Меланхтонова «Грамматика»¹⁷.

Самостоятельная издательская деятельность И. Мелантриха началась с 1553 г., и уже с 1557 г. он начинает издавать латинские гуманистические произведения.

И. Мелантрихом в этот период были изданы поэтические сборники на латинском языке. Это два сборника гуманистического направления, составленные Томаш Митис (1562 и 1570 гг.), принадлежащие авторам из окружения Богуслава Гозиштейнского из Лобковиц¹⁸.

В сотрудничестве с Сикстом из Оттерсдорфа И. Мелантрих издал цикл сочинений Эразма Роттердамского под общим названием «О приготовлении к смерти». Издание вышло дважды в 1563 и 1564 гг.¹⁹, а затем были изданы «Проповеди» Эразма Роттердамского.

Продолжателем дела И. Мелантриха стал Даниэль Адам из Велеславина, магистр Пражского университета, но, вступив в брак с дочерью И. Мелантриха, он не смог продолжить преподавание в университете. По образному выражению самого будущего издателя, он пересел «с коня на осла». Но его уход из университета «подарил» Чехии не только издателя, но и выдающегося деятеля чешской культуры XVI в. Он продолжил дело своего тестя И. Мелантриха и поднял чешское книгопечатание на новый уровень: период его деятельности позже был назван «эпохой Велеславинь». Главная заслуга Велеславина – издание исторической литературы, ее перевод (совместно с группой учеников) и дополнение предисловиями, в которых формулируются взгляды издателя, отражавшие наиболее характерные черты чешского бюргерства, приобщившегося к гуманизму.

В 1585 г. Велеславин печатает издание под названием «Две хроники об основании чешской земли» (1585 г.)²⁰.

В Чехии существовала богатая историографическая традиция, с которой Велеславин был прекрасно знаком. Ее истоки уходят к написанной в первой четверти XII в. латинской хронике Козьмы Пражского. Далее она была продолжена чешским хронистом Далимилом, автором первой чешской иллюстрированной хроники начала XIV в., латинскими хронистами периода правления императора Карла IV Франтишкем Пражским и Неплахом из Опатовиц, а также хронистами

гуситского периода Лаврентием из Бржезовой и Бартошеком из Драгонии. Велеславин знал также сочинение Энея Сильвия Пикколомини «История Чехии», написанное в 1458 г. и уже изданное в Праге в 1510 г. на чешском языке. Кроме этого перевода Велеславин изучил и два оригинальных сочинения о чешской истории, а именно – «Хронику обоснования чешской земли и первых ее жителей» Мартина Кутена из Шпринсберка (1539 г.) и «Чешскую хронику» Вацлава Гайка из Либочан (1541 г.). Первая преподносила чешскую историю с утраквистской точки зрения, а вторая – с католической.

Велеславин решил издать два произведения: подготовленный М. Коначем перевод хроники Энея Сильвия Пикколомини и хронику Мартина Кутена. Вероятно, при основательном прочтении первой хроники Велеславин пришел к выводу о том, что книгу нельзя печатать в оригинальном виде. Подготовленный М. Коначем в начале XVI в. перевод хроники итальянского гуманиста уже не отвечал требованиям грамматики чешского языка конца XVI в. Об этом сам издатель пишет в предисловии к изданию: «это был старый чешский язык, от которого мы теперь сильно отвыкли»²¹. Для того чтобы хроника была понятна широкому кругу читателей, Велеславин сам перевел ее заново и приложил к ней хронику Мартина Кутена. Основанием к совместному изданию этих хроник было для Велеславина то, что хроника Энея Сильвия «последовательна, разумна, изящна», повествует о событиях чешской истории без приведения точных датировок, в то время как хроника Мартина Кутена события датирует. Этим сочинения дополняют друг друга. Велеславин, как Козьма Пражский и некоторые другие хронисты, полагал, что без хронологии история является лишь рассуждением²². Исследователи задавались вопросом: каково идейное содержание этого издания, состоящего из двух сочинений, написанных авторами с противоположными взглядами? На этот вопрос пытались ответить многие чешские историки²³. Можно согласиться с мнением М. Копецкого о том, что Велеславин хотел этим уменьшить негативное влияние «Хроники» Энея Сильвия на чешских читателей, поскольку автор дает искаженную картину великого периода чешской истории²⁴. Кроме того, Велеславин полемизирует с Энеем Сильвием в заметках на полях страницы. Так, издатель критически комментирует осуждение автором Гуса и Иеронима Пражского, и таких издательских замечаний много.

Систематическая критика труда Энея Сильвия Пикколомини содержится в предисловии к изданию. Здесь дана развернутая характеристика современных автору исторических сочинений Кутена, Гайка, Дубравиуса и, наконец, Энея Сильвия²⁵. В предисловии Велеславин обосновывает свою точку зрения по вопросу их исторической достоверности. Его полемика ведется не только с позиций патриота, но также с позиций учено-

го-гуманиста. Это предисловие представляется важнейшей исторической работой Велеславина, оно отличается от всех других его аналогичных сочинений. В предисловие были включены все необходимые элементы. Это формулы посвящения издания (пражским горожанам, членам пражского магистрата, крупным феодалам). Затем следовали обращение к читателю, разъяснение причин и целей данного издания, среди которых преобладали размышления о роли истории и приносимой ею пользе, анализ принципов и элементов исторического исследования и в заключении приводится характеристика тех затрат времени и средств, которые потребовались для публикации²⁶.

По мнению Велеславина, «Хроника» Э. Сильвия при всех своих достоинствах имеет, с точки зрения истинного патриота – чеха, существенные недостатки. Велеславин считает необходимым выступить с защитой своих соотечественников против некоторых обвинений, возводимых на них в хронике. «Никто не вправе приписывать чехам негостеприимство, грубость и дикие нравы, разве только те, кто их не знает: те же, кто хорошо знает, воздает хвалу их дружбе, любезности, доброте, приветливости и другим благородным чертам. Можно сказать, что излишней любезностью и добротой они вредят сами себе. Чехия вообще и Прага в частности принимают чужеземцев как едва ли где-либо встречают чехов. Давно уже вошло в пословицу, что Прага есть приют всей империи»²⁷.

Далее Велеславин решительно восстает против обвинения Э. Сильвием Карла IV в чрезмерной заботливости о славе Чешского королевства и в пренебрежении интересами всей Священной Римской империи²⁸. Он защищает и сына Карла – Вацлава от обвинения в жестокости, лености и распутстве, ибо убежден, что мнение о нем Сильвия и немецких хронистов несправедливо²⁹.

Велеславин, вслед за Цицероном, считает, что хороший историк должен обладать тремя добродетелями: «одной, чтобы ничего несправедливого (не истинного) и ложного писать не смел; второй, чтобы правду, как она есть, писать не стыдился; третьей, чтобы никаким способом в подозрение не вдавался, чтобы, пожалуй, к одной стороне больше чем к другой благоволил или чтобы к одной больше, а к другой меньше испытывал любовь и желание»³⁰.

Это предисловие рисует нам личность Велеславина как человека, горячо любящего свою родину и отстаивающего принцип объективности в познании исторического прошлого. Тенденциозное отношение к истории Чехии издатель объясняет религиозными убеждениями Энея Сильвия, главным образом тем, что чехи благодаря учению Яна Гуса вышли из повиновения Римско-католической церкви и во времена Энея Сильвия оказывали наибольшее непослушание. Когда же после Базельского собора Э. Сильвий посетил Чехию, ему пришлось вести с чехами богословские споры и

диспуты. Все это, по мнению типографа, неблагоприятно отразилось на взглядах автора «Истории Чехии». Интересен тот факт, что переведенная и изданная Даниелем Адамом хроника Сильвия была осуждена иезуитом Антонином Кониашем в XVII в. за проявленные в ней симпатии к чехам, и ее издания подлежали сожжению³¹.

На этом примере мы видим, как Велеславин, издатель и переводчик, превращается в историка, при освещении некоторых вопросов он выступает как оригинальный исследователь. Само же переведенное историческое произведение превращается порой в совершенно новое произведение. Оно становится понятным большому кругу читателей, а сам издатель выступает в роли популяризатора исторических знаний. Выдающееся значение Даниэля Адама в разработке жанра исторического размышления нашло выражение в предисловиях типографа. В них автор встает на защиту исторической достоверности при написании исторического сочинения и обязательной доступности произведения широкому слою читающей публики посредством перевода его на родной язык.

Таким образом, мы можем говорить, о том, что книгопечатание в Чехии не только пропагандировало идеи гуманизма. Издавая сочинения его выдающихся представителей, чешские издатели в определенной мере пытались переосмыслить и развить их идеи.

Примечания

- 1 См.: Мочалова В. В. Чешская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 1. От истоков до середины XVIII в. М., 1997. С. 617.
- 2 См.: Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. Díl. I. Prvotisky. (do r. 1500). Praha, 1925; Díl. II. Tisků z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967. Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Dodatku. Díl. II. Tisků z let 1501–1800. Č. III. Praha, 1996. Knihopis. Č. 10. (Ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).
- 3 См.: Knihopis. Č. 1190.
- 4 Ibid. Č. 1191.
- 5 Ibid. Č. 1195.
- 6 См.: Horák F. Pět století českého knihtisku. Praha, 1968. S. 50; Bohatčova M. et al. Česka kniha v pomenah a dnes. Praha, 1990. S. 193. Латинское название трактата «De remediis utriusque fortunae». На русский язык это популярное в XIV–XVII вв. произведение знаменитого итальянского поэта и гуманиста полностью не переведено до сих пор.
- 7 См.: Bohatčova M. Op. cit. S. 329.
- 8 Ibid. S. 51–52.
- 9 См.: Tobolka Z. Český knihtiskár Mikuláš Konač z Hodiškov. Praha, 1927.
- 10 См.: Knihopis. Č. 1190.

- ¹¹ См.: Knihopis. Č. 1191.
¹² Ibid. Č. 13884; *Bohatčova M.* Op. cit. S. 177. До этого существовал перевод хроники, выполненный Яном Гуской, но только в рукописном варианте.
¹³ Цит по: *Мочалова В. В.* Указ. соч. С. 652.
¹⁴ *Horák F.* Op. cit. S. 304–305.
¹⁵ См.: *Кореcký M.* Uvod // *Кореcký M.* Daniel Adam z Veleslavina. Praha, 1962. S. 10–11.
¹⁶ См.: *Мыльников А. С.* Чешская книга. Очерки истории. М., 1971. С. 68.
¹⁷ См.: Knihopis. Č. 5475, 5476, 5478, 5479, 5482 (издания 1562, 1564, 1570, 1572, 1580 гг.).
¹⁸ См.: *Bohatčova M.* Op. cit. S. 216.
¹⁹ См.: Knihopis. Č. 2356, 2357.
²⁰ Ibid. Č. 13885. Dějiny české literatury. Díl. I. Starší české literatura. Praha, 1959. S. 343–344. Нам оно интересно тем, что одной из хроник было сочинение итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини «История Чехии».
²¹ Цит. по: *Кореcký M.* Op. cit. S. 28.
²² Ibid. S. 28.
²³ Ibid. S. 28–29.
²⁴ Ibid. S. 29.
²⁵ См.: *Veleslavin D. A.* Z předmluvy ke Kronikam dvema z r. 1585 // *Кореcký M.* Op. cit. S. 113–130.
²⁶ См.: *Глазкова М. А.* Развитие чешской историографии в XVI–первой четверти XVII вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 137.
²⁷ Цит. по: *Францев В. А.* Даниил Адам Велеславина «Архитипограф пражский» // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CCCXXVII. 1900. № 1. С. 325.
²⁸ См.: Z předmluvy ke Kronikam dvema z r. 1585 // *Кореcký M.* Op. cit. S. 118–119.
²⁹ Ibid. S. 120–121.
³⁰ Ibid. S. 117.
³¹ См.: *Мочалова В. В.* Указ. соч. С. 638.

УДК 070(560)|18|+929Блаю

«LE COURRIER DE SMYRNE»: ИЗ ИСТОРИИ АНТИРУССКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ТУРЦИИ В КОНЦЕ 1820-х годов

А. В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается один из эпизодов истории становления в Турции периодической печати – история первых шагов франкоязычной газеты «Le Courier de Smyrne», издававшейся начиная с 1828 г. французским подданным, проживавшим в Смирне, Александром Блаю. Рассматривается один из ярчайших эпизодов информационной войны на стороне Турции на завершающем этапе войны греков за независимость.

Ключевые слова: история Турции, история Смирны, история прессы, французские газеты, «Courrier de Smyrne», А. Блаю, Русско-турецкая война, взятие Варны, русофобия.

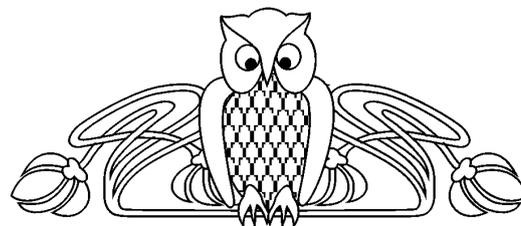
«Courrier de Smyrne»: from the History of the Anti-Russian Propaganda in Turkey at the End of the 1820s

A. V. Gladishev

The article is devoted to one of the episodes in the history of the development of Turkey periodicals – history of the first steps of the francophone newspaper «Le Courier de Smyrne». It was published since 1828, by the French citizen who lived in Smyrna, Alexander Blaque. The article describes one of the brightest episodes of the information war on the Turkish side at the final stage of the war of Greek independence.

Key words: Turkish history, history of Smyrna, history of periodicals, French newspapers, «Le Courier de Smyrne», A. Blaque, Russian-Turkish war, capture of Varna, Russophobia.

Еще в конце XVIII в. в Константинополе последовательно выходило 3 французских газеты:

«Bulletin de Nouvelles» (сентябрь 1795 – март 1796); «Gazette française de Constantinople» (сентябрь 1796 – май 1797); «Mercure Oriental» (май 1797 – июль 1797)¹. Эти первые газеты в Османской империи – феномен, порожденный революцией, средство пропаганды новых республиканских идей. Рассчитаны они были в первую очередь не на турок, а на французских граждан, проживающих в Леванте, но объективно способствовали распространению французского языка в Турции, расширению франкофонной общности и росту французского влияния среди населения².

Как отмечают авторы современного обобщающего издания по истории франкоязычной прессы в Турции, осуществленного по инициативе Французского института анатолийских исследований Стамбула и Ассоциации по развитию турецких исследований Парижа, К. Гро и Т. Чаглар, должно было пройти еще 30 лет, чтобы в Турции появилась французская газета, выходившая действительно регулярно³. «Второй этап» в истории развития прессы в Турции характеризуется появлением в Турции того, что собственно и можно назвать *прессой* в современном смысле слова. Этот большой этап начинается в 1821 г. не в Константинополе, а в Смирне, и (в отличие от первого этапа) разрывов в истории развития прессы в Турции больше не будет.

В 1820-х гг. здесь издавались три газеты «Le Smyrnéen» «Le Spectateur Oriental» и «Le Courrier de Smyrne». Это больше не бюллетени, сделанные иностранцами и для иностранцев, а именно периодические, «почти регулярные» издания. Издатели были все еще французскими подданными, еще зависимыми от французского посольства, но, с другой стороны, мы уже видим попытку публично выражать собственное мнение, отличное от официальной линии французского правительства. Это мнение «левантийцев» – потомков переселенцев, живущих здесь уже несколько поколений, занимающихся торговлей и имеющих свои собственные интересы. Газеты показывали события в их развитии, будь то новости из Лондона или состояние портового трафика в Смирне, привлекали читателя как обзорами зарубежной или местной прессы, так и собственными актуальными сюжетами⁴. «Le Spectateur Oriental» вообще совершенно открыто критиковала восточную политику Франции, пользуясь при этом большой популярностью среди жителей Смирны, в том числе и во французской диаспоре. Экономические интересы «левантийцев» и «смирнианцев» согласовывались с интересами Османской империи, а восставшие греки и развернувшееся пиратство только мешали торговле⁵.

Руководство «Le Spectateur Oriental» много раз было предупреждено французским консульством в Измире, чтобы перестали публиковать статьи, наносящие ущерб внешнеполитической игре Франции, чтобы перестали нападать на ее союзников. Сначала издание газеты было приостановлено. В конце концов в декабре 1827 г. за свою политику «Le Spectateur Oriental» была закрыта. Ее владелец и главный редактор Александр Блакю, «французский юрист, чье мнение уважали почти все в Измире»⁶, пытался опротестовать, как он полагал, этот произвол французского генерального консула в Смирне г-на Кастане и командующего французской эскадрой вице-адмирала А. Реньи. Блакю обратился с петицией во французский парламент, который ее, впрочем, не стал рассматривать⁷. Продолжая тяжбу за собственность – конфискованный печатный станок⁸, Блакю, не теряя времени, тут же берется за новое дело: уже в январе 1828 г. появилась «Le Courrier de Smyrne»⁹.

Так Блакю стал «основателем» «Курьера Смирны», «газеты, которая – как писала одна французская энциклопедия середины XIX в., – была призвана способствовать прогрессу цивилизации, распространять европейские идеи среди турок и защищать интересы наших многочисленных соотечественников, занимавшихся торговлей в Средиземном море»¹⁰.

Историки прессы почти единодушно отмечают значение этого издания и роль его главного редактора и автора в информационной войне на стороне Турции. Так, авторитетнейший в этой области Э. Отен писал: «"Le Courrier de Smyrne" был первым политическим периодическим листком,

который появился в Турции. Под своим новым именем он оказывал заметное влияние на события периода завершающей стадии греческого восстания – с 1825 по 1828 гг. В то время как вся пресса Европы аплодировала греческой декларации независимости и призывала к крестовому походу против турок, "Courrier de Smyrne" постоянно защищал права и интересы Порты»¹¹. Как это происходило можно проследить по номерам газеты за осень-зиму 1828 г., когда в развитие событий активно вмешались не только Россия, но и Франция с Англией.

Турецкий султан Махмуд II после Наваринского сражения объявил России «священную войну» и расторг соглашение, регулирующее русско-турецкие отношения. 8 (20) декабря Порты объявила войну России. В свою очередь, Николай I издал 14 апреля 1828 г. манифест о войне с Турцией. 25 апреля (7 мая) 1828 г. русская армия под командованием П. Х. Витгенштейна форсировала Прут, а 27 мая (9 июня) – Дунай.

6 августа 1828 г. Лондон добился соглашения с египетским пашой Мухаммедом-Али о выводе им своих войск под командованием Ибрагим-паши из Греции. Франция ввела экспедиционный корпус в Морею¹²: в ночь с 29 на 30 августа на Пеллопоннесе началась высадка около 15 тыс. человек (девять пехотных полков, один кавалерийский, артиллерия и инженерные роты) под командованием генерал-лейтенанта Н. Ж. Мезона (Maison). Французские войска находились здесь вплоть до окончательной эвакуации в октябре египетских войск, они взяли на себя контроль над главными крепостями, еще удерживаемыми турецкими войсками¹³. Русские войска тем временем уже более месяца вели упорную осаду одной из сильнейших турецких крепостей Варны, которая имела важное значение и как порт, и перекресток сухопутных путей через Балканы к Константинополю.

«Le Courrier de Smyrne» живо реагировал на меняющуюся ситуацию. Номер от 27 сентября 1828 г. передает новости, постигшие с Занте¹⁴ еще 12 сентября (такая задержка в сообщении «новостей» – от недели до месяца – характерна для газеты). Вполне спокойно, без всякой экзальтации сообщается о начале посадки на корабли войск Ибрагим-паши для отправки в Египет во исполнение договоренностей, достигнутых между Ибрагим-пашой и французским адмиралом де Реньи с согласия английского и русского адмиралов. Таким образом, в Морею остаются только мирные (propriétaires) турки, которые жили в этой провинции еще до восстания и которые свободны в своем выборе: остаться или покинуть эти места (в последнем случае им была бы предоставлена компенсация за потерянную собственность). Еще занимаемые турками укрепленные пункты в дальнейшем займут французские войска¹⁵. Здесь же приводятся тексты конвенции между визирем Египта Мехмед-Али-пашой и вице-адмиралом Э. Кодрингтоном, а также – между Ибрагим-па-

шой и контр-адмиралом А. Реньи от 7 сентября 1828 г.¹⁶

Среди других «новостей» газета опубликовала «отрывок одного частного письма» с Кериги от 18 сентября, в котором сообщаются подробности о перемещении воинских контингентов. Вообще в этом номере газеты никаких коммерческих, литературных или иных новостей нет. Разве что на последней странице упомянуто землетрясение в Лиме от 30 марта 1828 года...

Естественно, ключевые военные новости поступали из-под Варны. Редактор газеты напряженно следил за развивающимися событиями, сопровождая публикуемую информацию своими комментариями. Пролистаем четыре выпуска еженедельной «Le Courier de Smyrne» за октябрь 1828 г.

Номер от 4 октября 1828 г. открывают новости из Константинополя от 23 сентября. Приведены отрывки из официальных бюллетеней оттоманской армии о событиях под Шумлой 2 и 20 сентября. От себя редактор добавил несколько строк о столкновениях под Варной, в ходе которых русская гвардия «ничего не добила», а турецкие войска «выдержали все атаки с такой храбростью, что она обязана быть занесена в военные анналы наций, даже наиболее богатых славой подобного рода»¹⁷. Потери с обеих сторон довольно значительны, победы не одержала ни та, ни другая сторона, но все же, тихо радуется Блакю, «атаковавшие отступили». Следующая страница полностью посвящена новостям с фронтов конца сентября. Блакю подчеркивает энтузиазм и рост дисциплинированности простых турок, трудящихся над сооружением фортификаций. Он восторгается рвением «целой нации, готовой пролить кровь, но не подчиниться иностранным законам». Наконец, он выражает надежду, что «героическое сопротивление» турок опровергнет расчеты тех недалёковидных марсельских торговцев, что спешат подвезти в Константинополь водку в расчете на скорое прибытие туда русской армии¹⁸.

Далее идут рассуждения Блакю относительно осады Варны, в которых, в частности, говорилось о «естественной» (naturelle) вражде, которая постоянно разделяет турок и русских. Блакю писал, что англичане и французы также два века воевали между собой, но их ничто не разделяет, кроме позорных предубеждений да нескольких книжек, составленных аморальными писателями. Что касается Турции и России, то улучшение социального положения населения или освоение их территорий могут занять всю жизнь целого поколения царей и султанов. Зачем же они стремятся уничтожить друг друга, вместо того чтобы заняться внутренним обустройством своих государств? – задается Блакю риторическим вопросом. Босфор, предрекает Блакю, может стать на долгие годы местом столкновений интересов и будет влиять на судьбы всей Европы и Азии¹⁹.

Последняя страница этого выпуска содержит информацию о слухах относительно военной экспедиции французов в Морею. Блакю выражал уверенность, что «все демарши Франции <...> не имеют другой цели, кроме установления мира». Завершают выпуск новости о прибытии и отправлении кораблей из различных средиземноморских портов с указанием перевозимого им товара²⁰.

Газета от 11 октября 1828 г. В этот день, о чем Блакю, конечно, еще не мог знать, капитулировала Варна: новости недельной давности еще полны оптимизма и надежд на благоприятный для турок исход.

Открывают номер, как всегда, новости из Константинополя от 3–4 октября. Сначала перечислены успехи турок и русские потери под Варной: «турки истребляют русскую армию в частных стычках, не давая генерального сражения, которое русские провоцируют»²¹. Сообщалось и о новом успехе Юсуф-паши от 30 сентября, атаковавшего русские части, занимавшие дорогу на Бурнас.

Затем помещены новости из Александрии (о начале путешествия Шампольона и видах на экспорт из Египта бобовых), с Сироса (о размещении французских кавалерийских частей в Аргосе и о дипломатических перспективах урегулирования «греческих дел»), Смирны (о важности для торговцев Малороссии рынка Ионических островов, о ценах на зерно и об экономических опасностях для Турции)²².

Но, даже говоря о коммерции, Блакю быстро сбивается на чистую политику. Он опять, как и в предыдущем номере, принимает на себя роль советчика и наставника императоров: вместо того чтобы вооружаться до зубов и нападать на соседние империи, русскому царю было бы лучше заняться развитием сельского хозяйства – вот «необъятная задача, которую интерес народа московитов предлагает своему суверену»²³. Таким образом, повторяется мысль из предыдущего выпуска, в котором, однако, говорилось и о России, и о Турции вместе. Теперь Блакю дает советы только русскому царю. Он полагает, что карьера мирного реформатора гораздо больше принесла бы славы императору России, чем путь завоевателя. Блакю рассуждает, сбиваясь на интонации пацифиста-утописта, в духе К. – А. Сен-Симона: те, кто стремится к благу людей, уже не рассматривают военные успехи как триумф, что «военные успехи потеряли свой престиж», что «слава оружия стала непопулярной», что армии нужны исключительно для защиты, а «агрессор уже никогда не вызовет восхищение собой» и т. д.

Во главе русского правительства, по мнению Блакю, стоят люди, которые видят в войне главное средство для прокормления народа. Но если рассматривать вопрос с политической точки зрения, то легко заметить, что все запреты на ввоз/вывоз товаров как средство увеличения капитала – сами по себе иллюзорны, если не иметь в виду другую обязательную меру, а именно – блокаду Дарда-

нелл. Нельзя отстаивать одну идею, не имея в виду другой: нельзя русским генералам владеть ключами от Константинополя, без блокады Дарданелл²⁴.

Блакю, переходя к геополитике, переживал, что Англия и Франция, как это видно из Лондонских конвенций, придерживаются антитурецкой политики, а для всеобщего мира необходимо их взаимное доверие и сближение. Турция искала в них союзника против России, а они оставили ее, заняв противоположную сторону. Блакю укорял Запад от имени турок: «Вы объявили, что эвакуация Мореи была бы средством для примирения между нами. Теперь эвакуация Мореи – это факт, а русский флот атакует наши берега»²⁵. Необходимо, по его мнению, чтобы Россия отказалась от роли посредника в греко-турецком конфликте, что «является на сегодняшний день главным препятствием благоприятного решения проблемы».

В этом же номере приводится письмо Каподистрии, «президента греков», от 7 (19) сентября 1828 г., адресованное эллинам после поездки по Морею, которая с 1821 г. была основным центром Освободительной войны греков. В качестве источника альтернативных сведений далее Блакю публикует некое «письмо в редакцию» с Крита (Candie)²⁶, написанное несколько ранее послания Каподистрии, в котором характеризуется ситуация на этом острове. В анонимном письме описываются варварские методы борьбы восставших греков Крита: «они угрожали смертью своим соотечественникам, если те откажутся уходить в горы, они угоняли в горы свой скот и увозили зерно; захватив все ресурсы, они заставляли примкнуть оставшихся к восстанию. Многие деревни восстали, некоторые же отправили своих представителей к паше, чтобы засвидетельствовать свое решение подчиниться властям, но не верится, чтобы их соседи позволили им выполнить это решение»²⁷. Автор письма причину возобновившихся волнений видел в инсинуациях и провокациях доверенных лиц Каподистрии, косвенно обвиняя последнего в разжигании национальной ненависти на острове.

В заключение, подводя черту под сравнительным анализом эпистолярных источников, Блакю выносит Каподистрии приговор, говоря от имени Греции. Сначала газета напоминает о словах Каподистрии: «"Курьер Смирны" делает меня врагом Европы, но я не перестану пользоваться успехом и всеобщим доверием в Греции». Затем Блакю уверяет читателей, что, во-первых, еще не все прегрешения Каподистрии газета перечислила, хотя цель ее – «спровоцировать против него долговременную ненависть». Во-вторых, Каподистрия заблуждается: доверие к нему населения не растет, а падает: «Греция хочет законы, режим равенства, франшизы и справедливости»²⁸.

В номере от 18 октября 1828 г. публикуются новости из Константинополя от 11 октября. В этот день Варна пала, но газета Блакю сообщала, имея в виду, очевидно, еще 10 октября: «Вчера русские предприняли два приступа, но были отброшены с

большими потерями...». Настроение же гарнизона Варны – умереть на своих постах, но не сдать. А, вот, Алик-паша, возвращавшийся из-под Шумлы с 300 пленными, был атакован многочисленными казаками, и не только отбил их натиск, но и взял еще 200 пленными. Такие сводки с фронта должны были вселять надежду...

Далее, рассуждает Блакю, судя по «некоторым письмам из Одессы и Вены», европейские державы, с одной стороны, были настроены продолжить кампанию до зимы, а с другой – ограничить продвижение русских войск Адрианополем и не допустить захвата Константинополя. Новости из Азии двойственные: с одной стороны, генерал И. Ф. Паскевич овладел городом Хасан-Кале под Эрзерумом, но «со всех сторон местное население поднимается, чтобы противодействовать продвижению русских»²⁹. Сообщалось также, что в Диване едва ли не каждый уверен, что возвращение за стол переговоров в Константинополе послон Франции и Англии помогло быстро решить все спорные проблемы с греками.

В новостях из Адрианополя сообщалось о прохождении 2 октября через город 150 пленных русских, которых турчанки угощали фруктами, а их мужья якобы даже давали пленникам немного денег, чтобы облегчить дорогу. 4 октября – новая партия в 400 пленных, среди которых оказались офицеры из-под Варны. Они сообщили, что Варна в руинах, но все еще держится благодаря превосходному артиллерийскому огню и укрепленным позициям, «защищаемым с упорством, которое не встречалось еще ни в одной из прошлых войн»³⁰.

Новости из Александрии от 30 сентября касались прибытия туда эвакуированных из Наварина египетских частей. Но и тут Блакю не преминул подчеркнуть, что часть греков (в том числе и женщины с детьми) предпочла лучше уехать с турками, чем остаться и получить «свободу». Не желая видеть пикантность возможного (да и самого очевидного) объяснения подобного поступка, Блакю становится морализирующим политиком: «Вот те уроки, которые должны прояснить государственным мужам и публицистам Европы истинное состояние нравов на Востоке»: сами греки-то, оказывается, не хотят расставаться с турками даже в песках Египта!

Новости с Сирова касались противоречивых слухов о французской оккупации и мнений по этому поводу французских газет. В отличие от французских журналистов Блакю весьма скептически оценивал усилия Каподистрии по упрочению законодательской и юридической базы греческого государства.

В этом выпуске приводятся письма из Бухареста «одного из самых уважаемых и влиятельных коммерсантов Валахии» и одного жителя Неаполя, подписавшегося буквой «X», редактору «Курьера Смирны». Эти письма, очевидно, были призваны продемонстрировать «мнение общественности». Смысл же их все тот же: русская армия на Балка-

нах – плохо, реформы Каподистрии – никуда не годятся. Завершали выпуск коммерческие новости о передвижении торговых судов.

Новости с Сирова от 17 октября открывали выпуск «Le Courrier de Smyrne» за 25.10.1828 г. Помимо уже привычных сведений о занятии французскими военными кораблями сообщалось о прибытии в Наварин некоего месье Райбо, желающего якобы учредить газету «Курьер Востока»³¹.

Из Эгины дошла информация от 13 октября о переговорах союзников на Поросе³² относительно будущих границ греческого государства, но читателям Блакю сообщал, главным образом, даже не о перипетиях самих переговоров, а о некоей анонимной «бумаге», тайно циркулировавшей здесь уже несколько дней и содержавшей «глубокие и полезные истины» относительно вопроса о границах. Текст «бумаги» приводится практически полностью. По оценке Блакю, автор ее – истинный христианин и греческий патриот, ибо призывал греков к миру и отказу от территориальных иллюзий³³.

Эту же идею – отказ от амбиций – развивала и следующая заметка. Обсуждая на страницах газеты условия договора от 6 июля 1828 г. об оккупации, редактор увещевал греков: «Свобода Греции – вовсе не завоевание Греции, а результат филантропической комбинации и в этом отношении она не предполагает прецедентов в истории наций»³⁴.

Редактор продолжает публиковать «Письма о Греции» своего анонимного корреспондента, в которых философско-политические сентенции сменяются описаниями пиратских разбоев и нападками на греческого президента. «Известно, что глава большого, да и маленького государства не может управлять один. Известно, что одно из наиболее желательных для главы государства качеств – это умение отличить истину от ошибки в выборе людей, которым он доверяет управление той или иной государственной службой». В качестве положительного примера приводится Наполеон – «самый примечательный суверен, который когда-либо занимал трон». Император французов достиг «высшего уровня науки о людях»³⁵. В качестве отрицательного примера – Каподистрия, который доверил важный пост некоему корсиканцу Бассано (Bassano). Этот Бассано за годы Наполеоновских войн сколотил каперством под французским флагом приличное состояние. Мир 1814 г. положил конец его военным авантюрам, но не вытравил сам дух авантюризма. Бассано перешел на службу к туркам и перебрался сначала в Превезу, а затем на северо-запад, в Янину. Но после 1821 г. он вернулся к своему ремеслу корсара и на пару со старым пиратом Николасом Сциутто (Nicolas Sciutto) продолжил заниматься разбоем. Перечислив некоторые подробности его пиратской деятельности, автор сравнил Бассано с флибустьерами XIII в. Но проблема даже не в нем

самом, а в том, что Каподистрия доверил этому пирату командование экспедицией в Превезу, и ничего удивительного, что Бассано тут же превратил эту экспедицию во флибустьерский поход (приводятся тому свидетельства).

Каподистрия виноват и в том, что происходит на Крите. Здесь греческие повстанцы никак не могут взять штурмом крепости, занимаемые турками. Единственная надежда греков – взять крепости измором, но у турок имеется большой запас продовольствия. И вообще вылазки, которые совершают турки, каждый раз обращают греков в бегство, ибо они умеют защищаться только в своих горах и не выдерживают массивной атаки на равнине. И не исключено, что здесь все бы так и затихло, если бы ни присланный Каподистрией полковник Райнек (Raynek), который подбивает население на восстание. Виноваты и союзные державы: блокада острова направлена исключительно против турецких и египетских кораблей, в то время как греческие корабли пристают куда хотят, высаживают людей и выгружают оружие. «Сегодня это уже не локальное восстание, а регулярная война, которую Греки и их Президент объявили всему турецкому населению острова Крит. Это население не может получить никаких припасов, в то время как нападающие могут постоянно получать подкрепления». Когда это было такое, чтобы роль миротворца сводилась к тому, чтобы связать руки одному из дерущихся, чтобы другой спокойно и без всякого риска продолжал его избивать? – задается Блакю риторическим вопросом. Речь уже не о греках и турках, а о принципах справедливости, о праве каждой нации на защиту. Одним словом, делает вывод газета, нынешнее состояние вещей резко контрастирует с прокламациями союзных держав³⁶.

На последней странице новости о Варне. Туманные и противоречивые. Прибывший 22 в Константинополь австрийский корабль распространил слух о взятии 19 сентября русскими Варны. Вслед за австрийским американский корабль привез два письма от 20 сентября. В одном о взятии Варны также говорилось как о слухе, во втором – как о домысле капитана, который рассказывал, что, проходя мимо Варны, он не слышал никакой канонады, а русский флот с рейда Варны перешел в Каварну, из чего можно заключить, что русские город взяли.

Далее Блакю пересказывает содержание последнего выпуска «Gazette de Malte», в которой перепечатана копия письма некоего «Космополита» в одну из парижских газет из Константинополя от 15 августа, в котором говорится о волнениях под Константинополем: восстании янычар, убийстве христиан, грабежах и разбоях. Блакю дает свою рецензию: в этом письме есть все, кроме истины. Информация в парижских газетах не имеет ничего общего с правдой, когда речь заходит о греках и турках. Блакю вообще сомневается, что подобные письма пишутся действительно в Константинопо-

ле. Появившиеся в Смирне номера французских газет за август и первую половину сентября содержат просто курьезные письма и обзоры. Блакю иронизирует: когда-то английские газеты писали, что Наполеон, умирая в русских лесах, питался телом ближнего своего, и разве это так далеко от того, что пишет сейчас о Константинополе в «*Constitutionnel*» некий «Космополит»?³⁷

В заключение в газете приводятся краткие и отрывочные новости о прибытии французских кораблей в Наварин, о прибытии в Константинополь курьера из Вены с письмом о том, что русское правительство хочет занять в Амстердаме 40 миллионов рублей, о прибытии полномочного посла Сардинского королевства маркиза Гропалло, в вояже которого некоторые наблюдатели рассмотрели попытку сыграть роль политического посредника между турецким правительством и представителями России, Англии и Франции на переговорах в Поросе. И лишь в самом конце последней страницы газеты сообщалось, что когда номер уже был готов к тиражированию, редакция получила подтверждение того, что Варна после продолжительного сопротивления пала и перешла в руки русских.

Так, спустя около месяца, когда новость уже перестает быть новостью, Блакю, сжав зубы, одной строчкой известил своих читателей о падении Варны...

Как известно, после занятия 7 августа русскими войсками Адрианополя, и сдачи 26 августа крепости Энос на берегу Эгейского моря, 2 (14) сентября 1829 г. Турция подписала с Россией мир, завершивший Русско-турецкую войну, и согласилась на автономию Греции. Русофоб Блакю, который «с его обычной пронизательностью» (так полагал историк Лагард) оценил ситуацию, будет сильно разочарован и выведен из себя объявлением «преждевременной» капитуляции, которая больше способствовала гегемонии России на Черном море и Балканах, нежели свободе греческого народа³⁸.

Блакю вовсе не смирился. Хотя Турция уже и не находилась в состоянии войны с Россией, антирусская составляющая политики газеты только усилилась. Блакю на страницах своей газеты развернул страстную кампанию против русской политики на Балканах. Он разоблачал новую роль Каподистрии как агента Николая I. Кабинет Полиньяка теоретически базировал свою внешнюю политику на согласовании с Россией, Англией и Австрией, но преследуя при этом и свои чисто эгоистические интересы, и теперь он демонстрировал тенденцию к оспариванию тех преимуществ, которые дала бы грекам русская протекция. Между тем *некоторые из статей в этой газете вызвали протесты со стороны Англии и Австрии и, естественно, России*. В конце декабря 1829 г., реагируя на жалобы полномочных послов Австрии и Сардинского королевства относительно критичности и сильной политизиро-

ванности газеты «*Le Courrier de Smyrne*», посол Франции в Константинополе Гюилимино через консула в Смирне Дюпре передал Блакю, чтобы тот исключил всякие рецидивы старой болезни, по причине которой одна из его газет ранее уже была закрыта. Публикации Блакю вызвали резкий протест и с русской стороны: русский посол сделал соответствующее заявление послу Франции и правительству Турции.

Испуганный Блакю, чувствуя опасность, 3 февраля 1830 г. обращается к Гюиллемино с письмом, которое ясно демонстрирует его позицию. Это письмо опубликовано у Лагарда³⁹.

Блакю пишет о своем почтении к послу, о своей «верности французскому флагу, под которым он родился и надеется умереть». И, что хоть он и является турецким публицистом, он подчиняется французским законам. Он сообщает, что до него дошли вести о демарше русского посла относительно публикаций в «*Le Courrier de Smyrne*». Позиция же Порты такова, опасается Блакю, что она не оставит этот демарш без последствий, хотя в ее же интересах было бы русский протест отклонить. Блакю уверяет посла, что публикации в его газете преследуют только благие цели, полностью соответствующие интересам французского правительства. Его газета – лишь «ветвь» одного с Францией внешнеполитического дерева. И далее он поясняет послу мотивы своей публикации.

Блакю полагает, что европейское общественное мнение было введено в заблуждение относительно истинного состояния дел в Османской империи. Последние 7–8 лет – не более, чем «фанатичное опьянение»⁴⁰. Блакю якобы хочет прояснить ситуацию, а Россия – напротив, ввести европейцев в заблуждение, а самой тем временем подготовить крах Порты: сначала общественное мнение, затем армии. Разве, риторически вопрошает Блакю, Франция может остаться равнодушной к столь коварному плану? Вот он и встал на защиту Турции перед общественным мнением.

«Атака русского посла на “*Le Courrier de Smyrne*” не что иное, как реализация угроз адмирала Гейдена⁴¹, угроз, которые не были исполнены лишь потому, что я говорил правду»⁴², – заявлял редактор. Блакю на страницах своей газеты, по его собственному признанию, противодействовал превращению Греции «в русскую провинцию», он не враг России, он оппозиционер ее политики. И никакие нападки русского посла не заставят Блакю изменить свою позицию. Вопросы организации Греции – вопросы внутренних реформ Порты. Он и хотел привлечь к ним внимание европейской общественности. Блакю уверял посла, что сейчас, когда события поставили Россию в доминирующую позицию, как никогда необходимо противодействовать ей и рассказывать правду о положении в Турции, о характере народа, о происходящих реформах и т. п. В заключение Блакю, ссылаясь на здоровье, писал, что он возможно и

сам прекратит издание своей газеты: «любовь к истине еще живет в моем сердце», но...⁴³

Но в тот момент французскому послу было совершенно невозможно защищать «Курьер Смирны», не противореча инструкциям, полученным из Парижа. Консул в Смирне довел до сведения Блакю, что русский демарш достаточно угрожающ, чтобы допустить его повтор⁴⁴.

5 августа 1830 г. Ёмер-эфенди, муслим Смирны, весьма расположенный к Блакю, известил его, что Россия отправила Порте официальную ноту с просьбой вмешаться в дело с публикацией «Le Courier de Smyrne». Диван решил запросить власти Смирны прояснить ситуацию вокруг газеты, чтобы как-то аргументировать свое решение. Затем Ёмер-эфенди известил Блакю, что был сделан запрос ко всем крупным иностранным торговцам Смирны относительно полезности газеты, и с их стороны был получен единодушный ответ, что «Le Courier de Smyrne» совершенно необходима колония иностранцев в Смирне: из нее они получают все новости о торговле. Муслим передал в Константинополь соответствующий рапорт.

Но русский посол не удовлетворился этими объяснениями, и 31 августа Ёмер-эфенди вынужден был с отвращением просить у генерального консула Франции отправить Блакю официальное уведомление Порты, чтобы тот прекратил всякие нападки на Каподистрию. Блакю был вынужден это обещать⁴⁵. Но 20 октября все же направил послу в Константинополь письмо, в котором сообщал, что соглашением 5 августа дело не кончилось и русский посол продолжил давление на него, требуя пересмотреть отношение к политике России и администрации Каподистрии. 31 августа Ёмер-эфенди довел до сведения Блакю, что пришла депеша от визиря, в которой сообщалось, что Порты, «связанная на данный момент с русским двором тесными узами дружбы», не может допустить антирусские публикации в газете Блакю⁴⁶. Блакю на будущее предписывалось ничего не писать и о Каподистрии. 20 сентября муслим сообщил Блакю к губернатору вызвали издателя, где огласили письмо, из которого следовало, что рейс-эфенди недоволен, ибо Блакю продолжает нелестно отзываться о Каподистрии, что это угрожает разрывом между Портой и Россией, и если так будет продолжаться, газету закроют. Губернатор добавил, что в этой депеше рейс-эфенди цитируется более 20 официальных писем русского посла.

Блакю вновь пишет послу Франции, упирая на принципы либерализма. Гюиллемино оказался в деликатном положении: с одной стороны, принципы либерализма, декларируемые в самой Франции, с другой – международный скандал. Поэтому ответ на письмо Блакю от 27 ноября 1830 г. был двусмысленный: Гюиллемино велел генеральному консулу в Смирне Фавелю сообщить Блакю, что лично он двумя руками за принцип либерализма и за свободу прессы, но при условии, что они не

мешают политике Франции в Средиземноморье. Требовалось также передать Блакю настоятельный совет быть более умеренным, чтобы не усугублять ситуацию⁴⁷.

14 декабря 1830 г. Гюиллемино более прямолинейно предписывает генеральному консулу в Смирне довести до сведения Блакю, что первая же рекламация в адрес «Le Courier de Smyrne» будет для газеты означать ту же судьбу, что и для ранее закрытой газеты «Le Spectateur Oriental».

В этой ситуации Блакю, не желая далее конфликтовать со своими соотечественниками, принял в ноябре 1831 г. предложение Махмуда II возглавить в Константинополе «Moniteur Ottoman», издававшийся на французском и турецком языках и финансируемый правительством Турции⁴⁸.

«Le Courier de Smyrne» перешел в новые руки, им стал руководить Жак Люсьен Бускюе-Дешамп (Bousquet-Deschamps), но продолжил свое существование: французы прекрасно понимали значение подобного периодического издания для пропаганды и контрпропаганды, для поддержания влияния Франции в регионе.

Примечания

- ¹ Здесь не учтены франкоязычные издания, выходившие в Египте времен Наполеона: «Le Courier de l'Egypte» (1798), «La Décade Egyptienne» (1798), о которых см.: *Boustany S. The press during the french expedition in Egypt 1798–1802. Le Caire, 1954.*
- ² Об этом первом периоде в развитии прессы в Турции, в частности, см.: *Гладышев А. В. Франкоязычная пресса в Константинополе в период Французской революции // Турция – мост между Западом и Востоком : история, культура, политика и образование. Саратов, 2010. С. 9–27.*
- ³ *Groc C., Çağlar T. La Presse française de Turquie de 1791 à nos jours. Histoire et catalogue. Istanbul, 1985. P. 6.*
- ⁴ *Ibid. P. 6–7.*
- ⁵ *Ibid. P. 7.*
- ⁶ *Nuzhet S. Türk Gazeteciliği 1831–1931. Istanbul, 1931.*
- ⁷ Историю со «Spectateur Oriental» см.: *Гладышев А. В. «Le Spectateur Oriental», Александр Блакю и развитие прессы в Турции в 1820-е гг. // История и историческая память. Вып. 5. Саратов, 2012.*
- ⁸ Решение о наложении ареста на имущество газеты принято генеральным консулом Франции Кастане в Смирне 25 декабря 1827 г. Блакю в своей «Le Courier de Smyrne» еще в октябре 1829 г. писал, что якобы Государственный совет Франции признал требование собственников на возмещение убытков обоснованным, и даже посол Франции в Константинополе не одобрил арест собственности. В своей статье Блакю уверял генерала Гюилимино, что меры против него были приняты гораздо более строгие, чем он того заслуживал. «Несмотря на все предубеждения, которые испытывают военные к журналистам вообще и на инструкции в отношении журналистов Смирны в частности», – фантазировал Лагард, – генерал Гюилимино был слишком старый сол-

- дат, чтобы не оценить с каким чувством собственного достоинства была написана статья Бляку. Может быть, он и понимал правоту Бляку, но не имел полномочий изменить суровость принятых в отношении газеты мер. В конце концов, министр иностранных дел Франции дал понять, что одобряет решение Кастане. Дюпре, новый генеральный консул в Смирне, сообщил об этом Бляку 17 ноября 1829 г. Более того, посол Франции в Константинополе предписал Дюпре зачитать соответствующую министерскую депешу из Парижа не просто лично Бляку, а на ассамблее французских торговцев в Смирне, которым не нравилось закрытие «Le Spectateur Oriental». См.: *Lagarde L. Notes sur les journaux française de Smyrne à l'époque Mahmoudé II // J. Asiatique. Paris, 1950. P. 122–124.*
- ⁹ *Joëlle P. La presse française de Turquie, canal de transmission des idées de la Révolution // Le Temps des medias. 2005. № 5. P. 176.* На «Le Courier de Smyrne» была объявлена подписка : 8 пиастров – в год, 6 – за полгода. Пиастр – турецкая серебряная монета, основная денежная единица до 1881 г. При султанах Махмуде II пиастр стоил 1/4 франка. На внутреннем рынке свободно обращались также заграничные монеты: французские, английские, австрийские. Курс обмена валют был плавающий и зависел от города.
- ¹⁰ *Dictionnaire de la conversation et de la lecture : inventaire raisonné des notions générales les plus indispensables à tous, par une société de savants et de gens de lettres. T. 3. Paris, 1853. P. 258.*
- ¹¹ См.: *Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse périodique française. Paris, 1866.* Источник многих сведений для Отена «Revue orientale et américaine» думала также: «Это издание сослужило Порте большую службу в борьбе с греческим восстанием». См.: *Revue orientale et américaine. T. 1. Paris, 1859.*
- ¹² Название п-ва Пелопоннес.
- ¹³ Основная часть корпуса вернулась во Францию уже в конце 1828 г., но французы сохранили свое присутствие в Греции до 1833 г.
- ¹⁴ Zante – итальянское название острова, известного у греков под именем Закинфа, из группы Ионических островов.
- ¹⁵ *Le Courier de Smyrne. 1828. 27 septembre. P. 1.*
- ¹⁶ 6 августа в Александрии между вице-королем Египта Мехмедом Али и британским адмиралом Кодрингтоном заключено соглашение: войска Ибрагим-паши эвакуируются с Пелопоннеса, где остаются только небольшие собственно турецкие гарнизоны. В августе 1828 г. французский экспедиционный корпус высадился под Короном на юге Пелопоннесского полуострова и находился здесь почти вплоть до окончания 5 октября 1828 г. эвакуации египетских войск. Затем французы возьмут контроль над главными крепостями: уже 6 октября генерал Мэзон приказал генералу Хигоне выдвинуться на Наварин и занять его силами 16-го пехотного полка. 7 октября после вялого сопротивления капитулировал турецкий гарнизон Корона. 5 ноября 1828 г. последние 2500 «не греков» (турок, египтян или вообще мусульман) покинут Морею на французских кораблях и отправятся в Смирну. Основные силы французов покинут Морею в апреле-мае 1829 г. и июле 1830 г., но французское присутствие сохранится здесь до 1833 г. Чисто военная составляющая французской экспедиции в Морею дополнялась научной : 3 марта 1829 г. французские ученые прибыли в Наварин. См.: *Brunet de Presle W., Blanchet A. Grèce depuis la conquête romaine jusqu'à nos jours. Paris, 1860. P. 555–556 ; St Clair W. That Greece Might Still Be Free. The philhellenes in the War of Independens. L., 2008.*
- ¹⁷ *Le Courier de Smyrne. 1828. 4 octobre. P. 1.*
- ¹⁸ *Ibid. P. 3.*
- ¹⁹ *Ibid.*
- ²⁰ *Ibid. P. 4.*
- ²¹ Осада Варны началась 22 июля (по старому стилю). Турки периодически организовывали вылазки. Одни из самых значительных случились 9 августа и 18 сентября. 25 сентября начался штурм крепости. 29 сентября (11 октября – по новому стилю) Варна капитулировала. Этим событием и закончилась кампания 1828 г. на Балканском полуострове. Но главной задачей флота оставалась блокада Босфора для недопущения выхода турецкого флота в море.
- ²² *Le Courier de Smyrne. 1828. 11 octobre. P. 1–2.*
- ²³ *Ibid. P. 3.*
- ²⁴ 18 сентября (старого стиля) Л. Гейден получил из Петербурга предписание приступить к выполнению первой самостоятельной задачи (то есть без участия англичан и французов) – к блокаде Дарданелл. На основании Высочайшего повеления о блокаде Дарданелл Л. Гейден направил к острову Тенедос отряд под командованием П. И. Рикорда, дав последнему такое предписание: «Сия блокада ни в коей мере не должна препятствовать или затрагивать обыкновенную коммерцию, единственная цель оной суть недопущение в Константинополь судов, нагруженных припасами или товарами, принадлежащими военной контрабанде». См.: *Аруи Г. Л. Адмирал П. И. Рикорд и его эпопея в Греции (1828–1833 годы) // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 93.* Помимо оружия, боеприпасов и армейского снаряжения, запрещалась перевозка продовольствия. Хотя под «продовольствием» подразумевался только хлеб (зерно, мука, сухари) и крупы (пшено и рис, именовавшийся тогда «сарацинским просом»). А соль, сахар, овощи, фрукты и зелень провозить было можно. К 1 марта 1829 г. только в одной Смирне стояло до 150 купеческих судов с хлебом из Египта, не решавшихся идти к Дарданеллам.
- ²⁵ *Le Courier de Smyrne. 1828. 11 octobre. P. 3.*
- ²⁶ Возможно, от французского консула в Кане.
- ²⁷ *Le Courier de Smyrne. 1828. 11 octobre. P. 4.*
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ *Ibid. 18 octobre. P. 1.*
- ³⁰ *Ibid. P. 2.*
- ³¹ *Le Courier de Smyrne. 1828. 25 octobre. P. 1.* Газета с названием «Courrier d'Orient» будет открыта только в декабре 1861 г. В 1828 г., по данным Гро и Чаглар, в Турции больше французских газет не открывали. См.: *Groc C., Çağlar T. Op. cit. P. 203.*
- ³² Обосновавшиеся на острове Порос русский, английский и французский послы вели переговоры относи-

- тельно границ Греции. Поросские протоколы гарантируют грекам острова Крит, Самос и Эвбею.
- ³³ Le Courrier de Smyrne. 1828. 25 octobre. P. 1–2.
- ³⁴ Ibid. P. 2.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Ibid. P. 3.
- ³⁷ Ibid. P. 4.
- ³⁸ Lagarde L. Op. cit. P. 124.
- ³⁹ Ibid. P. 125–129.
- ⁴⁰ Ibid. P. 126.
- ⁴¹ Контр-адмирал Л. П. Гейден командовал русской эскадрой при Наварине.
- ⁴² Lagarde L. Op. cit. P. 127.
- ⁴³ Ibid. P. 129.
- ⁴⁴ Ibid. P. 130.
- ⁴⁵ Ibid. P. 131.

УДК 32.001

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ПРАВОРАДИКАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

О. А. Старков

Саратовский социально-экономический институт
Российского экономического университета
E-mail: olegstarkov87@mail.ru

В статье рассматриваются основные термины, применяемые при исследовании феномена праворадикального движения.

Ключевые слова: крайне правые, правые радикалы, правый экстремизм, ультраправые.

To the Question of Terminology in Research of Phenomenon of Radical Right

О. А. Starkov

The article considers the main terms, used in research of phenomenon of radical right.

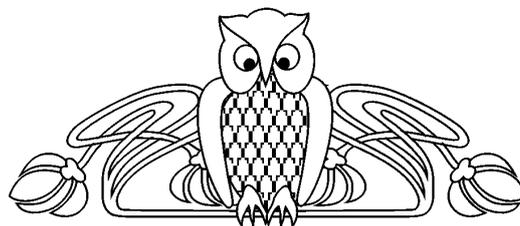
Key words: extreme right, radical right, right-wing extremism, far right.

Усиление влияния ультраправых, их высокие результаты на парламентских выборах¹ и выборах в органы местного самоуправления, активное участие в международной политической жизни, в том числе в стенах Европарламента², требуют от политологов обстоятельного и беспристрастного анализа феномена ультраправого движения. Поэтому различные аспекты деятельности праворадикального движения представляют большой интерес для международной политической науки, становятся предметом обсуждений и дискуссий на конференциях, симпозиумах, круглых столах и т. д. Ежегодно выходят десятки сборников и статей, посвященных ультраправому движению.

⁴⁶ Lagarde L. Op. cit. P. 131–132.

⁴⁷ Ibid. P. 134.

⁴⁸ Koloğlu O. Takvim-i Vakayi (Le Moniteur Ottoman). Ankara, 1984. Содержание турецкой и французской версий не всегда были идентичны. В том же месяце во французском «Бюллетене филологических, античных и исторических наук» вышла заметка, в которой сообщалось: «С учреждением политической газеты («Moniteur Ottoman» появляется раз в неделю на французском и турецком, предусмотрено также издание его одновременно на греческом и армянском) перед жителями оттоманской империи открывается новая эра». Выразилась уверенность, что благодаря этому революционному шагу в издательском деле Турции через десять лет различные моральные, политические, литературные аспекты жизни страны заметно изменятся. См.: Bulletin des sciences historiques, antiquités, philology. 1831. T. XVII. Novembre.

В политической науке, как и в любом другом аспекте научной деятельности, для концептуализации предмета исследования характерно широкое применение научных терминов. Система терминов, применяемая к рассматриваемому предмету, образует терминологию. В процессе изучения современного ультраправого движения, сложившегося в 50-х гг. XX в., международной политической наукой была выработана специфическая система терминов, частично заимствованных из политического лексикона XIX– начала XX в. Многие термины трансформировались под влиянием социально-политических условий и частично изменили первоначальный смысл. В систему терминологии исследования ультраправого движения также вошел ряд новых терминов, возникших во второй половине XX в. – «правые радикалы», «крайне правые», «правые экстремисты», «ультраправые». В данной системе базисным (от греч слова basis – основа) понятием является термин «правые». Этимологически слово «правые» является корнем понятий «правые радикалы», «крайне правые».

Предметом данной статьи будет анализ видоизменения основных понятий, применяемых в международной политической науке при исследовании праворадикальных движений. Также будет уделено внимание проблеме интерпретации международных терминов, применяющихся при исследовании проблем ультраправых в российской политической науке.

Рассмотрим происхождение терминов «правые радикалы», «крайне правые» и «ультра-

правые», вошедших в политическую науку во второй половине XX в. Важно проанализировать взаимосвязь данных терминов с понятием «правые» и выяснить его происхождение, так как именно термин «правые» (если брать английский, французский как основные языки международной политической науки, то термины «right» и «droit» соответственно) является первоосновой, фундаментом всего предмета исследования.

Термин «правые» восходит к временам Великой Французской революции, когда дальнейшее наименование политических сил, действующих в революционной Франции определилось позицией мест в Национальном собрании (Assemblée nationale) 1791 г. На левой стороне находились «якобинцы», выступавшие за радикальные преобразования в стране (за революцию и установление Республики), в центре – «жирондисты», умеренные республиканцы, а с правой стороны – «фельяны»³, консерваторы, сторонники конституционной монархии.

Новое политическое течение – «правые» (фр. cote droit) практически сразу стало предметом исследования, и не только во Франции, но и в Великобритании, внимательно следившей за политической обстановкой в охваченной революцией стране. В английском издании 1799 г. «Ежегодный реестр, или обзор в области истории, политики и литературы за 1792 год» в подразделе «Значение новых терминов» приводится термин «cote droit», интерпретируемый как «правая сторона – сидящие по правую руку от председателя Собрания и выступающие против революционного террора»⁴. При этом подчеркивается, что термин является инновационным нововведением Французской Республики. При этом термину «cote droit» была дана точная англоязычная интерпретация – «right side», впоследствии сокращенная до термина «right». Также необходимо отметить тождественность в основных языках исследования (французском, английском, русском) понятий «правые» как категории «морально верный», т. е. во всех трех исследуемых языках термины «droit», «right», «правый» переводятся не только как «правая сторона» с точки зрения направления, но и как категория морали, т. е. верный (правый).

Ассоциация понятия «правые» с категорией «морально-верного», возможно, была связана со временем возникновения, так как появилась в момент господства во Франции монархии, пусть уже шаткой, но еще существовавшей. Поэтому лица, выступавшие сторонниками монархии, могли считать себя не только «правыми» по положению в парламенте, но и правыми с точки зрения существовавшего монархического строя. Такая точка зрения укрепилась и после реставрации монархии в 1815 г.

В дальнейшем интерпретация термина «правые» в смысле «морально-верные» представляется не вполне корректной, хотя до настоящего времени подобная трактовка используется пред-

ставителями правых и ультраправых партий как популистский лозунг.

Возвращаясь к историческому анализу возникновения термина «правые», необходимо отметить, что после победы Французской революции, с изменением политической ситуации в Европе и падением монархии термин «правые» (cote droit) стал обозначать сторонников реставрации монархии, т. е. консервативно настроенных лиц. Данное движение вновь обрело силу после реставрации монархии в 1815 г., когда наиболее ярких сторонников короля стали называть «ультрароялистами» или просто «ultras» – «ультрас»⁵. Употребление данного термина для обозначения наиболее радикальной формы правого движения постепенно вошло в политическую практику, и на современном этапе термин «ультрас» тоже обозначает крайнюю степень радикализации.

Следует отметить, что до 70-х гг. XIX в. термин «правые» (cote droit) сохранял свое значение, т. е. продолжал обозначать сторонников монархии, роялистов и т. д., однако вследствие изменения экономической и политической ситуации среди правых произошел раскол, в результате чего идея приверженности монархии для многих потеряла свою актуальность. На власть в государстве теперь мог претендовать лидер авторитарного типа⁶. Политический опыт дальнейшей радикализации французских «cote droit», которых можно считать основателями европейского движения крайне правых, представляет несомненный интерес для исследователей. В политической практике именно этого движения проявились такие черты, как национализм, милитаризм, антикосмополитизм, расизм, антисемитизм⁷, ксенофобия⁸. Эти взгляды, изначально присущие французским ультраправым, в дальнейшем стали типичными практически для всех представителей этого течения в XX и XXI в. в Европе⁹.

В первой половине XX в. крайне правые имели много общего с фашистскими организациями Европы. Группировки, объединившиеся в самостоятельные течения, выделяются в политической науке с середины 50-х гг. XX в. как «крайне правые» (far right) и «правые радикалы» (radical right)¹⁰.

Американские ученые С. Липсет и В. Баум, которые одни из первых ввели в научную терминологию термин «правые радикалы» (radical right), первоначально применяли его к политическим организациям, действовавшим на территории США¹¹. Однако в скором времени термин стал употребляться относительно правых радикалов Западной Европы.

Тогда же в политический лексикон возвратился ранее упоминавшийся термин «ультрас», как крайняя степень политического течения, в данном случае – «правых». Стоит также отметить, что, в отличие от отечественной науки, сформировавшей и активно использовавшей уже в 60–70-е гг. XX в. термин «ультраправые»¹², аналогичный термин

«ultra right» тогда не вошел в широкий политический лексикон и практически не использовался зарубежными учеными. Вместо него используется сокращенный вариант-«ultras»¹³.

Следует отметить, что международная политическая наука при характеристике различных группировок крайне правого движения в настоящее время активно использует англоязычные термины: *extreme right*, *far right* («крайне правые»), *radical right* («правые радикалы»), *right-wing extremists* («правые экстремисты»). В то же время в некоторых работах российских исследователей на тему праворадикального движения дается неточная интерпретация термина «крайне правые» («*extreme right*»), который истолковывается как «правый экстремизм». Вследствие этого определение Британской национальной партии на современном этапе как «экстремистской» является не вполне корректным¹⁴. Для разрешения вопроса следует обратиться к международным и отечественным законодательным актам, где дается определение экстремизма.

В Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г., экстремизм трактуется как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»¹⁵. В Федеральном законе № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» экстремизм определяется как «система противоправных действий, направленных на подрыв и разрушение: государственно-политических, нормативно-правовых, социально-культурных, морально-нравственных основ, конституционного строя страны».

Стоит также рассмотреть, как трактуют западные исследователи понятие «экстремизм». П. Коулман¹⁶ и А. Бартоли¹⁷, ведущие специалисты в области исследования феномена экстремизма и экстремистской деятельности, к основным чертам экстремизма относят «применение силовых, насильственных методов, использование террористических методов (нападение на людей и отдельные объекты инфраструктуры, например, военные объекты)» и т. д.¹⁸

Стоит отметить, что активисты Британской национальной партии (БНП) «на начальных этапах своей деятельности под руководством одиозного политика Джона Тиндалла на партийных мероприятиях, в речах и выступлениях часто допускали высказывания и действия, подпадающие под определение «экстремизм»¹⁹.

Однако политический климат переменялся в конце 1990-х гг., когда с приходом в руководство партии Ника Гриффина появились более сдержанные, политкорректные заявления, отвечающие

новым реалиям политической борьбы за голоса избирателей²⁰.

Стратегия Ника Гриффина, возглавившего БНП в 1999 г., заключалась в постепенном отходе от образа маргинальной «фашистской» и «расистской» партии и в отказе от высказываний, которые могли быть истолкованы как экстремистские. Ник Гриффин подчеркивал, что «общественность никогда не поддержит ту партию, на которой СМИ поставят клеймо нацистской»²¹. Стратегия партии была направлена на популистские лозунги поддержки «населения Британии», в частности коренного, был сделан акцент на «законности» всех предлагаемых идей, т. е. юридически правомерных, что является основным отличием от экстремизма и т. п.

На основе анализа термина «экстремизм» и его применения в партийной идеологии современной БНП можно сделать вывод, что ассоциация Британской национальной партии с экстремистскими группировками представляется не совсем корректной. Возможно, это связано с неточной интерпретацией термина «*extreme right*», при переводе его как «правые экстремисты», хотя в зарубежной науке термин означает лишь «крайне правые» или «праворадикальные» без добавления термина «экстремист».

На основании исследования терминологии и политической практики крайне правых можно сделать вывод: «каждый правый экстремист – радикал, но не каждый радикал – экстремист». Отличие радикалов от экстремистов видится в том, что радикалы могут предложить программу антилиберальных идей и мер, но при этом они не намерены нарушать основной закон страны, а экстремисты изначально настроены против государства и ради своих целей готовы на противоправные действия.

Идеи БНП при всей радикальности²² скорректированы так, что не могут трактоваться законодательством Британии как экстремистские. В результате БНП умело лавирует в мире политики, избегая прямых обвинений в фашизме и экстремизме.

Многие праворадикальные партии Западной Европы, в отличие от экстремистов разных мастей, действуют в рамках закона, поэтому при исследовании их политической практики необходимо принимать во внимание верную интерпретацию принятой терминологии.

Примечания

¹ Так, например, на парламентских выборах в Нидерландах 09.06.2010 г. «Партия свободы» (*Partij voor de Vrijheid – PVV*) Герта Вилдерса получила 24 места из 150, на парламентских выборах в Швеции 19.09.2010 г. партия «Шведские демократы» (*Sverigedemokraterna*) получила 20 мест в парламенте, в Австрии две праворадикальные партии – Альянс за будущее Австрии и Австрийская партия свободы в общей сложности зани-

- мают около 30% мест в Национальном совете (нижней палате парламента), в парламенте Венгрии партия «За лучшую Венгрию» занимает 46 мест, на выборах в парламент Финляндии 17.04.2011 г. партия «Истинные финны» получила 39 мест.
- ² По итогам выборов в Европарламент, проходивших в странах Евросоюза с 4 по 7 июня 2009 г., в составе депутатов оказались представители ультраправых Великобритании (БНП – 2 места), Франции (Национальный Фронт – 3 места), Бельгии (Фламандский интерес-2 места), Венгрии (Движение за лучшую Венгрию – 3 места), Финляндии (Истинные Финны – 1 место), Австрии (Альянс за будущее Австрии и Австрийская партия свободы – 3 места), Нидерландов (Партия свободы – 4 места).
 - ³ Партия была названа в честь места заседания – французского монастыря ордена Фельянов (фельятинцев).
 - ⁴ *The Annual Register, or a view of the history, politics and the literature for the year 1792.* London : J. Dodsley, 1799.
 - ⁵ *Rogger H., Weber E. The European Right : Historical Profile.* University of California Press, 1965. P. 72.
 - ⁶ О возникновении и развитии движения «буланжистов» как радикальной формы правого течения более подробно см.: *Irvine W. D. The Boulanger Affair Reconsidered : Royalism, Boulangism and the Origins of the Radical Right in France.* N. Y. : Oxford University Press, 1989.
 - ⁷ В настоящее время некоторые представители легальных крайне правых партий Европы отказались от этого лозунга (современная БНП и «Партия свободы» Герта Вилдерса).
 - ⁸ *Irvine W. D. Op. cit.* P. 3–5.
 - ⁹ *Arnold E. J. The Development of the Radical Right in France : From Boulanger to Le Pen.* MacMillan, 2000. P. 11–12.
 - ¹⁰ См., например : *Lipset S. M. The Sources of the Radical Right // The new American right.* Criterion Books, 1955.
 - ¹¹ Например, в диссертации В. Баума *The conspiracy theory of politics of the radical right in the United States.* University of Iowa, 1960 и монографии С. Липсета *The Radical Right : A Problem for American Democracy.* Columbia University, Bureau of Applied Social Research, 1954.
 - ¹² См. например: *Мировая экономика и международные отношения.* Вып. 7–12. М. : Правда, 1970.
 - ¹³ Термин «ultras» как один из элементов терминологии современного ультраправого движения широко используется, например, в трудах : *Hainsworth P. The Extreme Right in Western Europe.* Routledge, 2008 ; *Davies P. Lynch D. The Routledge Companion to Fascism and the Far Right.* Psychology Press, 2002. *Shields J. S. The Extreme Right in France : From Petain to Le Pen.* Routledge, 2007.
 - ¹⁴ См. например, *Еремина Н.* Британская национальная партия: факторы роста и сдерживания // «Политэкс», 2008. № 1. С. 36–49 ; *Круглова Е. В.* Правый экстремизм в современной Великобритании : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.
 - ¹⁵ *Устинов В. В.* Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // *Российская юстиция.* 2002. № 5. С. 34–35.
 - ¹⁶ П. Т. Коулман – доктор социальной психологии, профессор Колумбийского университета, директор Центра по содействию в разрешении конфликтов (ICCCR), автор ряда работ по исследованию социальных конфликтов.
 - ¹⁷ А. Бартоли – доктор политологии, профессор университета Джорджа Мэйсона, директор Центра по анализу и разрешению конфликтов (ICAR), автор ряда работ по исследованию экстремизма.
 - ¹⁸ *Coleman T., Bartoli A. Addressing Extremism, The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR), Teachers College, Columbia University / The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR).* George Mason University, 2003.
 - ¹⁹ *Copsey N. Contemporary British Fascism : The British National Party and the Quest for Legitimacy,* Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. P. 75–99.
 - ²⁰ *Deze A. An Alternative to the System or an Alternative within the System? An Analysis of the Relationship of Extreme Right Parties with the Political Systems of Western Democracies // 29th ECPR Joint Sessions of Workshops. Democracy and the New Extremist Challenge in Europe.* 2001. Welshpool, 2010. P. 7.
 - ²¹ *Copsey N. Op. cit.* P. 110.
 - ²² Вопросы о запрете въезда и полной репатриации иммигрантов рассмотрены предвыборных партийных манифестах. Более подробно см.: *Rebuilding British Democracy : British National Party General Election 2005 Manifesto.* P. 14 ; *Democracy, Freedom, Culture and Identity : British National Party General Election 2010 Manifesto.* Welshpool, 2010. P. 4.

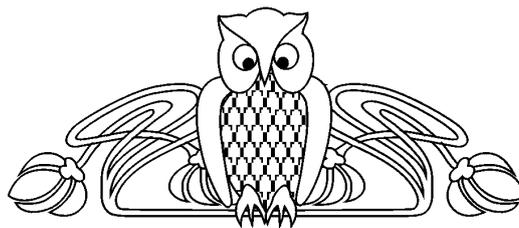

УДК 94(560)

НЕОПАНТЮРКИЗМ И НЕООСМАНИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

А. Б. Бурашникова

Саратовский государственный университет
E-mail: burashnikova.a.b@yandex.ru

Статья посвящена выбору внешнеполитической стратегии Турции. В ней рассмотрены три основных направления: турецкое евразийство, османизм и тюркизм. Особое внимание уделяется эволюции двух последних концепций.

Ключевые слова: тюркизм, пантюркизм, османизм, неоосманизм, турецкое евразийство.

Neopan-turkism and Neo-ottomanism in the Foreign Policy of Turkey

A. B. Burashnikova

The article is devoted to the choice of the foreign policy strategy of Turkey. It describes the three main directions: the Turkish Eurasianism, ottomanism and turkism. Particular attention is drawn to the evolution of the last two concepts.

Key words: turkism, pan-turkism, ottomanism, neo-ottomanism, Turkish Eurasianism.

Распад Советского Союза серьезно повлиял на всю архитектуру международных отношений. Появилось немало стран, которые стали претендовать на статус великой державы или, по крайней мере, главенствующее место в том или ином регионе мира. Среди них – Турецкая Республика, которая также решила воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы повысить свой вес на международной арене. Реализация этого амбициозного намерения предполагала выработку соответствующей внешнеполитической стратегии. Ее основу составили три направления: турецкое евразийство, неопантюркизм и неоосманизм. Существенным было и то, что среди ключевых элементов, определяющих внешнюю политику Турции, появилась её откровенная претензия на роль своего рода «энергетического коммутатора» Евразии. Эта претензия не только неоднократно открыто декларировалась турецкими лидерами, но и постепенно становилась фактором международной политики. В силу географического положения Турция может и хочет стать главной магистралью, по которой проходили бы энергетические потоки с Востока на Запад. Однако, не имея собственных экспортных энергоресурсов, Турция может выступать только в роли транзитера, завися от Ирана или других стран, располагающих ресурсами углеводородов.

При этом евразийская Турция, будучи ассоциированным членом Европейского Союза, членом НАТО и многих других влиятельных международных организаций, являясь стратегическим партнером США, стремится проводить

все более самостоятельную политику. К началу 2007 г. стало ясно, что Анкаре вряд ли удастся стать полноправным членом ЕС в ближайшей перспективе. Вместе с этим пришло осознание того, что Турции уготована роль периферийного государства, востребованного лишь для обслуживания военно-стратегических, экономических и политических интересов Запада. Это серьезно дискредитировало идею европейского выбора Турции, снизило привлекательность некогда весьма популярной евразийской доктрины. Она постепенно стала терять своих сторонников. На этом фоне возродился интерес к традиционным основам турецкой внешней политики, таким как пантюркизм и османизм, подкорректированных с учетом современных реалий и выступающих теперь в виде неопантюркизма и неоосманизма.

Неопантюркизм сформировался на основе синтеза идей пантюркизма, пантуранизма и тюркизма. До сих пор не предложено четкого определения пантюркизма. На наш взгляд, его можно считать одним из ответвлений пантуранизма, основывающегося на акцентировании общего этнического происхождения всех тюркских народов на территории великого Турана. В самом общем смысле пантюркизм – это идеологическое, политическое и до некоторой степени культурное движение, нацеленное на достижение большей степени единства между всеми тюркскими народами вплоть до создания конфедерации тюркских государств или даже тюркской федерации. Это определение порой дополняется более конкретными вещами, такими как освобождение всех тюркских народов от колониального гнета или переход на общий алфавит или язык, единую культуру и т. д.

Идея пантюркского движения зародилась более столетия назад, и, что примечательно, отнюдь не в самой Турции. Одним из первых сторонников подобной идеи был Арминиус Вамбери, который к тому же придерживался гипотезы о тюркском происхождении венгерского языка. Пантюркизм, в его трактовке, стал ответом на панславизм и в этом смысле имел острую антироссийскую направленность¹.

Приблизительно в то же время в Казани в 1843 г. было создано движение «Джадид», целью которого была светская модернизация, реформы образования и т. д.² Движение «Джадид» возникло на основе идеи о национальной, а не религиозной идентичности тюрков. Идеологом национальной

тюркской идентичности стал крымский татарин Исмаил Гаспринский. Он даже пытался создать специальный общетюркский язык. Инициатива не получила распространения. Язык не был воспринят ни в Средней Азии, ни в самой Татарии, поскольку был слишком похож на анатолийский вариант тюркского языка³. Зато более серьезный толчок развитию пантюркизма дало издание И. Гаспринским газеты «Терджуман» в 1883 г.⁴ Благодаря «Терджуману» идея тюркского единства начала распространяться среди тюркских меньшинств России. Лозунг Гаспринского: «Единство мысли, единство языка, единство действия» вдохновлял не одно поколение интеллигенции крымских и волжских татар, а также азербайджанских интеллигентов. Так или иначе, в начале XX века в Баку и в Казани у Гаспринского появились последователи: Али Гусейн-заде, Ахмет Ага-оглу и другие. Стремление к национальной общности начинает теснить идею мусульманского единения в интеллектуальных кругах российских мусульман. При этом соотношение регионального и общетюркского понималось таким образом: национальная независимость по территориальному принципу, культурный пантюркизм и политический союз. Идея пантюркизма как реальная альтернатива вестернизации и панисламизму активно продвигалась в газете «Тюрк», учрежденной в Каире в 1902 г.⁵

Первая теоретическая работа по пантюркизму была написана казанским татариним Юсуфом Акчуриным (Юсуфом Акчурой). В 1904 г. он опубликовал статью «Три вида политики», в которой сформулировал основные принципы пантюркизма. Четыре года спустя, в 1908 г., азербайджанец Али Гусейн-заде написал статью «Тюркизация, исламизация, модернизация», которая развивала пантюркские идеи.

Пантюркизм как течение общественной мысли и как социально-политическое явление вскоре был занесен в Турцию, где обрел благодатную основу для своего интенсивного развития и приобрел новый характер. При этом его доктринально-идеологическое содержание не оставалось раз и навсегда застывшей величиной, оно изменялось в зависимости от многих факторов на протяжении исторического развития. В итоге, из защитной идеологии тюркских этнических меньшинств, стремившихся объединиться для самосохранения их языковой и культурной идентичности, пантюркизм неуклонно трансформировался в идейное оружие национального большинства и его правящей элиты, стремившейся к превращению Османской империи в унитарное моноэтническое тюркское государство.

Как внешнеполитическая доктрина пантюркизм оформился в программе младотурецкой партии «Единение и прогресс», пришедшей к власти в Турции в 1908 г. Ее идеологом стал турецкий социолог, культуролог, лингвист, правовед, литератор Зия Гёк Альп (Мухаммед Зия) (1876–1924 гг.). Его

идеи во многом влияли как в период правления младотурков накануне и во время Первой мировой войны, так и во время кемалистских реформ 1920–30-х гг. В работах Гёк Альпа, и особенно в книге «Основы Тюркизма», были сформулированы основные принципы идеологии и политики начального этапа развития Турецкой Республики – национализм, вестернизация, этатизм. Особенно значительна его роль в разработке турецкой версии секуляризма, которая получила свою реализацию в ходе кемалистских реформ. Для Турции пантюркизм оказался удобным инструментом для продвижения влияния Анкары на Восток. Однако Мустафа Кемаль не мог позволить себе педалировать политический пантюркизм, так как с 1918 г. находился в стратегическом партнерстве с Советской Россией. В дальнейшем руководство Турецкой Республики предпочитало строить свою внешнюю политику на трех основных принципах: национальных интересах, подчеркнутым прагматизме и крайней осторожности в принятии стратегических решений. Пантюркизм получил определенную поддержку в турецком обществе и стал активно использоваться во внутренней политике Турции. Как внутривнутриполитическая доктрина, пантюркизм представлял собой систему идеологических концепций и взглядов, нацеленных на укрепление цивилизационной сущности тюркской идентичности. Иными словами, пантюркизм позиционировал себя основой, как для объединения различных тюркских групп, так и для облегчения ассимиляции или встраивания нетюркских народов.

Современными приверженцами пантюркистской идеологии являются ультраправая консервативная политическая партия «Партия Националистическое движение» (ПНД) и военное крыло ПНД – националистическо-радикальная группировка «Серые волки». Несмотря на то, что последователи пантюркизма могут иметь легальное представительство в парламенте, данная идеология никогда не определяла внешней политики Турции. Тем не менее, пантюркизм не переставал распространяться за пределами государственных границ Турецкой Республики. После распада СССР происходит активизация на официальном уровне проявлений тюркской этнической солидарности. Начало этому процессу положили визиты министра иностранных дел, а затем и премьер-министра Турции по всем тюркоязычным республикам, возникшим на постсоветском пространстве. На межгосударственном уровне стали проводиться саммиты тюркских государств. Первый из них состоялся в 1992 г. по инициативе президента Турецкой Республики Тургута Озала⁶. Затем, в 1993 г., создается организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства. Таким образом, пантюркизм в 1990-е гг. приобретает новое качество, что позволяет говорить о его трансформации в неопантюркизм.

Конечно, ренессанс идей пантюркизма отнюдь не означал, что эта идейно-политическая

доктрина стала бесспорно доминирующей. Серьезную конкуренцию неопантюркизму составляет набирающий популярность неосманизм (или обновленный османизм). Вот почему представляется целесообразным рассмотреть неопантюркизм в сравнении с неосманизмом и проанализировать степень влияния обеих доктрин на внешнеполитический курс Турецкой Республики.

Обе идеологические платформы формировались под влиянием ностальгии о великом имперском прошлом (Великий Туран, Тюркский каганат, Оттоманская Империя и т. п.). Однако в отличие от неопантюркизма, в основе которого лежат такие постулаты, как объединение народов по их этнической принадлежности к тюркам, приверженность исламу, общность языка, исторической культуры и восточного менталитета, неосманизм предполагает существенную ревизию вышеозначенных положений, а также некоторые нововведения в области внешней политики⁷.

Можно выявить четыре основных критерия для сравнительного анализа неопантюркизма и неосманизма, которые представляют собой схожие в некотором отношении системы взглядов на роль Турции в мировой политике:

- генетический (показывающий весь ход образования и развития предмета и разъясняющий его происхождение);
- географический (или геостратегический);
- внешнеполитический;
- идеологический.

Как было показано, генезис пантюркизма, а впоследствии и неопантюркизма, независимо от того, что последний был слегка переработан и обрел почву непосредственно в Турции, носил пришлый характер. Казалось бы, неосманизм – явление исконно турецкое, порожденное исторической ответственностью за те негативные процессы, которые происходят в странах «османского наследия». *«Есть наследие, которое оставила Османская империя. Нас называют “неосманями”. Да, мы и есть “неосманы”. Мы вынуждены заниматься соседними странами, и пойдем даже в Африку...»* – заявил министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу в конце 2009 г.⁸ Однако сам Давутоглу не скрывает, что доктринальная основа и термин «неосманизм» в целом возникли в США и что в основе его видения будущего Турции отчасти лежат некоторые положения труда Джорджа Фридмана⁹.

Если обратиться к карте Османской империи в период ее наивысшего расцвета, то можно наглядно увидеть те самые страны «османского наследия». Эти страны можно условно разделить на 3 блока: европейский (куда вошли почти все страны Балканского полуострова, Крым, Кипр, Родос и т. д.); азиатский (где помимо самой анатолийской Турции расположились территории Кавказа и Леванта, внушительная часть Аравийского полуострова, а также территории современного Ирака и части Ирана) и африканский (в составе Туниса и

преимущественно северных территорий Алжира, Египта, Ливии, Судана, Эритреи).

География пантюркистских устремлений не менее обширна, но имеет скорее азиатскую или даже дальневосточную направленность. В настоящее время тюркские народы расселены на обширных территориях Средиземноморья, Северного Кипра, Закавказья, Средней и Центральной Азии (за исключением Таджикистана), далее вплоть до Дальнего Востока России и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая¹⁰.

По понятным причинам реализовать свои геополитические амбиции относительно Европы, России или Китая вряд ли удастся, а вот распространить свое влияние на страны Африки, Ближнего и Среднего Востока вполне осуществимо, особенно если учесть события первой декады XXI века, которые негативно отразились на стабильности этих стран и региона в целом¹¹. Учитывая указанные слабые стороны, обе неоконцепции представляются в скорректированном виде. Неосманизм предполагает наличие трех интеграционных коридоров: Турция – Сирия – Ливан – Египет, в дальнейшем охватив Израиль и палестинские территории (первый коридор); Ирак и страны Персидского залива (второй коридор); Иран и Пакистан (третий коридор)¹². Важно отметить наличие пересечения интересов неопантюркизма и неосманизма в рамках третьего коридора. С одной стороны, Турция будет стремиться втянуть в сферу своего влияния Иран и Пакистан, а также Афганистан, с другой стороны, постсоветский тюркский мир – Центральную Азию и Азербайджан.

Такая сложная геополитическая ситуация предполагает наличие достаточно продуманной внешнеполитической доктрины, а также взвешенности в принятии любых политических решений. В наши дни главным архитектором геополитической концепции неосманизма считается министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу. Главные цели этой идеологии отражены в его труде «Глубинная стратегия»¹³. Для воплощения неосманизма в жизнь важно также формирование соответствующих настроений в исламских и, в том числе, арабских странах. «Неосманы» считают, что должны играть здесь особую роль (например, выдвигались идеи создания некоего «Османского экономического пространства» по модели Общего рынка, «конференции бывших стран, входивших в империю», демократизации стран региона по турецкой модели и т. п.). Сверхзадачей неосманизма является превращение Турции не просто в региональную, а в мировую державу, используя ее положение, историю и дипломатический опыт¹⁴. Для этого необходимо, чтобы Анкара проводила свою политику более самостоятельно, не выступая в роли «младшего партнера» США. Будучи одним из стержней безопасности на пространстве Ближнего и Среднего Востока, Турция вполне способна стать медиатором в конфликтах

региона, выступить с инициативой создания международных организаций, направленных на поддержание безопасности и сотрудничества. Следующим принципом доктрины неоосманизма должен стать тезис о том, что Турция должна проводить наиболее активную дипломатическую и экономическую политику в рамках повышения собственного статуса на международной арене и при этом постараться не идти на конфронтацию с соседями¹⁵ (Арабский мир, Россия, Иран, ЕС). Из всего этого логически вытекает третье и, по сути, главное основание неоосманской доктрины: Турция должна распространить свое влияние на страны постосманского пространства посредством «мягкой» силы и уравновешенной политики. Ни в коем случае не выступать против этих стран с империалистических позиций, а придти к общему согласию и диалогу.

Неопантюркизм во внешнеполитическом варианте преследует несколько иные цели. Например, сделать из Турции объединителя этнически родственных государств и народов, а также обзавестись статусом региональной державы в новом геополитическом пространстве. Причем, ориентируясь на Кавказ и Центральную Азию, Турция должна играть руководящую экономическую и политическую роль внутри группы тюркских государств. Многосторонняя интеграция с тюркскими странами Кавказско-Каспийского региона дает Турции возможность приобретения не только новых источников сырья, но и рынков сбыта своей промышленной продукции, дешевую рабочую силу и объединение демографического потенциала через развитие общетюркской литературы, истории, идеологии и политики¹⁶. Вначале тюркоязычные государства Кавказа и Центральной Азии с симпатией и воодушевлением восприняли турецкие инициативы, рассматривая Турцию в качестве надежного проводника для выстраивания партнерских отношений с Западом. Однако позже наступило взаимное разочарование. С одной стороны отсутствие единой идентичности среди тюркоязычных народов постсоветского пространства не позволило выработать единую позицию по проблемам региона. С другой, новообразованные государства были заинтересованы в самостоятельности собственной политики и не желали снова оказаться в тени.

Будучи непригодным для внешнеполитической экспансии, неопантюркизм все же оказался хорошей идеологической основой для установления контактов и развития отношений в области культуры. В культурно-языковом аспекте идеология пантюркизма предполагает необходимость формирования моноэтнического тюркского пространства (возможно, пантюркской организации), укрепление единой культуры и языка, распространение геополитического и геокультурного влияния на тюркоязычные регионы и продвижение интеграционных процессов в тюркском мире. Призывы к единству сочетаются

на современном этапе с воинственными устремлениями неопантюркизма, которые проявились в форме вмешательства в вооруженные конфликты на территории Кавказа (Карабах, Абхазия, Чечня). При этом важно понимать, что, хотя в качестве идеологии пантюркизм приветствуется и широко поддерживается, он никоим образом не должен диктовать агрессивной политики. В противном случае, Турция рискует потерять кредит доверия тюркских государств и ухудшить отношения с более сильными и влиятельными акторами. В связи с этим в последнее время Анкара говорит много всяких идеологически окрашенных слов, но дела делает более прагматично. Очевидно, что неопантюркизм имеет большой идеологический потенциал, вся сложность заключается в методах его использования. Неопантюркистскую идеологию можно рассматривать как удобную платформу для заполнения вакуума на постсоветском пространстве имеющей западную ориентацию Турцией¹⁷, в отличие от неоосманизма, который служит идеологическим обоснованием поликультурного общества. Истоки идеологии идут вплоть до экс-президента Турции Тургута Озала, считавшего, что население страны и балканских мусульман сплачивает ислам, и объединить их вокруг идеи одного общего государства может разработанная по-новому идеология¹⁸. Т. Озал не отмечал, какая идеология способна решать подобные вопросы, однако делался намек на стремление Турции вернуться в лоно османизма. Идеологически неоосманизм направлен на популяризацию Турции как лидера постосманского пространства, сфера интересов которого распространяется на значительные территории.

Анкара вряд ли когда-нибудь полностью откажется от идеологии неопантюркизма и, вместе с тем, не сможет оставить попыток воспользоваться идеологией неоосманизма для достижения своих внешнеполитических целей. Как показано выше, между неоконцепциями существуют непреодолимые различия, однако обе концепции призваны служить интересам Турецкой Республики. Можно сделать вывод о том, что теория о возрождении Османской империи несостоятельна, так как серьезно задевает интересы соседних стран, с одной стороны, а с другой, у самой Турции недостаточно ресурсов для крупномасштабной экономической и социоиологической экспансии. Однако неопантюркизм, наполненный здоровым прагматизмом, позволит создать вокруг Турции зону влияния, что, в свою очередь, повысит статус Турции на международной арене и позволит стать одним из ведущих акторов в регионе Ближнего и Среднего Востока. Проникновение и главенство в регионе Большого Ближнего Востока или в рамках Исламской Цивилизации в принципе удовлетворяет обеим теориям. К тому же, стремление Турции быть великой державой позволит стать самостоятельным посредником в решении любых вопросов, которые часто возникают между Западом и Вос-

током. Ключ к успеху для Турции лежит в синтезе обоих подходов, при удачном свершении которого Турция и ее зона влияния превратится в своеобразный хартленд и сможет серьезно изменить все архитектуру международных отношений. Из чего также можно заключить, что неопантюркизм является логическим продолжением неосманизма, и необходимый баланс при использовании обеих концепций рано или поздно будет найден.

Открытым остается вопрос о том, какие последствия (негативные или, наоборот, позитивные) несет в себе подобная трансформация.

Примечания

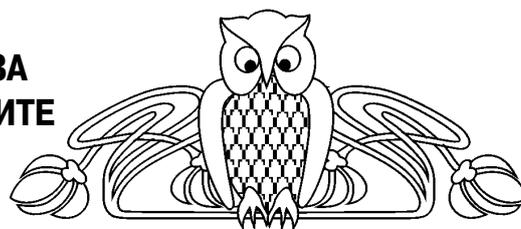
- 1 *Нифонтов В.* Турецкая рокировка // Спецназ России. М., 2007. № 4 (127). С. 10.
- 2 Полтора века пантюркизма в Турции // Панорама. 1993. № 1 (35). URL: http://www.panorama.ru/gazeta/p35_turk.html (дата обращения : 17.20.2010).
- 3 *Айвазов А.* История национального движения в Крыму // Восточный свет. 2005. № 3. С. 43.
- 4 *Badretdin S.* Pan-turkism : past, present and future // Turkoman. L. 1988. Decemer. URL: <http://tatar.yuldash.com/079.html> (дата обращения : 15.10.2009).
- 5 Ibidem.
- 6 Ibidem.
- 7 *Илюхин Л.* Турецкий гамбит, или Возможно ли сегодня реанимирование идей объединения тюркских народов Центральной Азии? URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20071215074154170> (дата обращения : 23.08.2010).
- 8 *Seven E.* Sarkozy gittiği her yerde bizi görecek // Yeni Şafak. 2009. 24.11. URL: <http://yenisafak.com.tr/>

Gundem/?t=24.11.2009&i=225129 (дата обращения : 21.05.2010).

- 9 *Batu N.* Yeni Osmanlılar sözü iyi niyetli değil // Sabah gazetesi. 2009. 04.12.
- 10 *Добаев И. П.* Исламский радикализм : генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003. С. 143.
- 11 Имеется в виду широкий спектр проблем, начиная от застарелых конфликтов (арабо-изаильский, кашмирский, курдский), продолжая Иракским кризисом 2003–2006 гг. и заканчивая чередой революционных волнений на территории Северной Африки и Ближнего Востока. А также нельзя не отметить Гражданскую войну в Ливии 2011 г.
- 12 *Герман И.* Турция идет на восток // Эксперт. 2009. № 26. С. 66. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/26/turciya_idet_na_vostok/#print (дата обращения : 23.11.2010).
- 13 *Davutoğlu A.* Stratejik derinlik : Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul., 2001. S. 563.
- 14 *Свистунова И. А.* Внешняя политика Турецкой Республики в 2010 году. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/24-01-10.htm> (дата обращения : 12.05.2011).
- 15 *Davutoglu A.* Alternative Paradigms : The Impact of Islamic and Western Weltanschauungs on Political Theory. University press of America total, 1993. P. 274.
- 16 *Демоян Г.* Турция и карабахский конфликт в конце XX–начале XXI веков. Историко-сравнительный анализ. Ереван, 2006. С. 92–106.
- 17 Там же. С. 103–120.
- 18 *Demiröz M.* Kanal İstanbul yükselen Türkiye'nin resmidir // Yeni Şafak. 2011. 02.05. URL: <http://yenisafak.com.tr/yazdir/?t=02.05.2011&c=16&i=317041> (дата обращения : 09.05.2011).

УДК 94 (4+470+571+5)

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ И ЭКСПЕРТНОМ СООБЩЕСТВЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ СТРАН-УЧАСТНИЦ

М. В. Лапенко

Саратовский государственный университет
E-mail: lapenkov@mail.ru

В статье рассматривается исторический контекст евразийской идеи, проект создания Евразийского союза, представленный в политическом дискурсе лидеров «евразийской тройки», этапы развития и становления Евразийского союза на современном этапе, восприятие данного проекта в политической элите и экспертном сообществе стран-учредителей ЕАС и потенциальных участников.

Ключевые слова: евразийство, Евразийский союз, Евразия, региональная интеграция, постсоветское пространство.

Eurasian Union and its Perception within the Political Elite and the Expert Community of Prospective Members

M. V. Lapenko

The article analyzes the historical roots of the Eurasian Idea, the project of the Eurasian Union how it was represented in political discussion of the leaders of «Eurasian countries». Author traces the sources of formation and stages of development of the Eurasian Union, as well as perception of this project within the political elite and the expert community of prospective members.

Key words: eurasianism, Eurasian Union, Eurasia, regional integration, post-soviet space.

На современном этапе происходит дальнейшая трансформация постсоветского пространства, которое утрачивает последние элементы общего советского прошлого. Создаются новые пространственные геополитические конфигурации и интеграционные объединения, с новым составом участников и приоритетными направлениями развития, отвечающие современной международной ситуации и новым вызовам.

На смену идеологической догме «братских союзных республик» приходит прагматика национальных интересов, комплементарность политических и экономических стратегий, стремление занять достойное место в системе мирохозяйственных связей. Тема интеграции и выбора вектора интеграции – одна из центральных во внешней политике каждого нового независимого государства.

За годы независимости бывшие союзные республики создали несколько интеграционных объединений, как в экономической, так и в военно-политической сфере. Наиболее эффективным из них стало Евразийское экономическое сообщество, которое в перспективе может трансформироваться в Евразийский союз (далее – ЕАС).

Термины «евразийство» и «Евразия» становятся доминирующими в политическом и интеллектуальном дискурсе в конце XX – начале XXI века. В конце 2011 года идея евразийской интеграции получила новое звучание и выражение в конкретных инициативах, а последующее развитие интеграционных процессов должно привести к созданию в 2015 году Евразийского экономического союза.

Многие эксперты считают, что на современном этапе уже более уместно говорить не о постсоветском пространстве, а о евразийском пространстве, поскольку этот термин более адекватно отражает процессы, происходящие в новых независимых государствах. В данной статье дается анализ проекта создания ЕАС и его восприятие в политической элите и экспертном сообществе стран-учредителей ЕАС и потенциальных участников.

В конце XX – начале XXI века термины «евразийство» и «Евразия» становятся доминирующими в политическом и интеллектуальном дискурсе. Однако эти понятия не являются новыми для определения географического и культурного пространства бывшего СССР. Классическое евразийство было создано в 1920-х гг. и получило свое развитие в трудах ученых и философов русской миграции, а его корни уходят в философско-культурологическую традицию русской мысли XIX века.

Первые евразийцы – Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, особенно П. Н. Савицкий, – внесли существенный вклад в понимание роли и места Евразии как срединного континента. После окончания Второй мировой войны евразийская идея продолжала развиваться, особенно ярко в работах Л. Н. Гумилева.

В девяностые годы, после распада СССР, начинается процесс переосмысления классического евразийства или становление неоевразийства в работах российских ученых и политиков. В трудах А. Г. Дугина проект неоевразийства предстал как широкомасштабная геополитическая доктрина, превосходящая рамки условных географических границ¹.

Помимо А. Дугина, которого считают лидером и главным теоретиком «правого неоевразийства», попытки развития евразийской идеи предпринимали сторонники «левого неоевразийства» (С. Г. Кара-Мурза, И. Тугаринов, Р. Вахитов и другие) и представители «либерального» или «демократического неоевразийства» (С. Станкевич, Г. Попов, Л. Пономарев)².

Однако необходимо отметить, что главной особенностью неоевразийства 1990-х гг. являлось то, что оно представляло собой главным образом идеологические построения, исходило от оппозиционных политиков и, как следствие, не могло быть реализовано на практике.

В то время как идея создания Евразийского союза, прозвучавшая из уст Президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева, имела вполне реальные шансы на практическую реализацию, однако оказалась преждевременной.

29 марта 1994 г. в ходе официального визита в Российскую Федерацию Президент Казахстана Н. А. Назарбаев посетил МГУ имени М. В. Ломоносова и в своем выступлении перед профессорско-преподавательским составом и студентами впервые озвучил идею создания ЕАС.

Назарбаев предложил создать на пространстве СНГ «качественно новое интеграционное объединение – Евразийский союз государств».

«Эта идея была не случайно обнародована мной в академической аудитории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Я напрямую обратился к интеллектуальной элите всего Содружества с твердой решимостью вывести из ступора процесс многосторонней интеграции, в котором он оказался уже через два года после создания СНГ.

Я откровенно сказал, что СНГ не отвечает объективным требованиям времени и не обеспечивает интеграцию стран-участников, в которой так остро нуждаются наши народы. Поэтому назрела необходимость создания нового межгосударственного объединения, которое бы действовало на более четких принципах»³.

Евразийский союз он видел как объединение государств на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ, а основой интеграции – экономический прагматизм.

Н. Назарбаев предложил создать в будущем ЕАС наднациональные органы, которые бы действовали на основе консенсуса, с учетом интересов каждой страны-участницы, обладали четкими

и реальными полномочиями, но без передачи политического суверенитета.

Проект Н. Назарбаева получил высокую оценку среди политической и интеллектуальной элиты России, но в то же время его практическая реализация в силу сложных внутривнутриполитических процессов, происходящих в Российской Федерации, была отложена.

В свою очередь, Н. Назарбаев остался сторонником идеи сохранения евразийской целостности и стал последовательно воплощать эту идею во внешней и внутренней политике Казахстана. Содержание проекта создания ЕАС Н. Назарбаев изложил в многочисленных выступлениях, статьях и книгах⁴. По инициативе Н. Назарбаева в Астане был открыт Евразийский национальный университет, который носит имя Л. Н. Гумилева.

Что же касается общерегионального уровня, то частично идея евразийской интеграции была реализована в проекте создания Евразийского экономического сообщества в 2000 г.

Создание ЕврАзЭС в формате пяти государств – Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана – стало переломным моментом в практике евразийской интеграции. Всего за двенадцать лет в рамках ЕврАзЭС была сформирована разветвленная структура механизмов по различным измерениям интеграционного процесса.

9 декабря 2010 г. президенты трех стран-участниц Таможенного союза ЕврАзЭС подписали в Москве декларацию о формировании единого экономического пространства (далее – ЕЭП). При этом здесь уже официально зафиксировано их стремление «к созданию Евразийского экономического союза в целях обеспечения гармоничного, взаимодополняющего и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, международными экономическими объединениями и Европейским союзом»⁵.

В конце 2011 г. идея евразийской интеграции получила новое звучание и выражение в конкретных инициативах. 4 октября 2011 г. в «Известиях» была опубликована статья В. В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», затем вышли статьи А. Г. Лукашенко «О судьбах нашей интеграции» и Н. А. Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего». В целом публикации лидеров трех стран отразили сходные подходы не только к созданию ЕЭС, но и выражали официальные позиции по проекту создания Евразийского союза⁶.

Большинство экспертов первоначально отреагировали на обращение В. В. Путина к евразийской тематике как на хорошую пиар-кампанию в ходе предвыборной кампании. Однако в дальнейшем пришло осознание того, что обращение к идее евразийской интеграции неслучайно и имеет глубинные и объективные предпосылки, отражает пересмотр упущенных возможностей и переход России к новому уровню взаимодействия с ближним и дальним зарубежьем.

В своей статье В. Путин обозначил главную цель развития интеграционных процессов в евразийском регионе – создание ЕАС. Основой нового интеграционного объединения должны стать Таможенный союз и Единое экономическое пространство «евразийской тройки». В ответ на статью В. В. Путина лидеры Казахстана и Беларуси высказали свои идеи по поводу развития евразийской интеграции.

Сравнительный анализ публикаций позволяет выделить несколько общих позиций лидеров трех государств по развитию евразийской интеграции.

1. Главная цель интеграции – создание полноценного конкурентоспособного глобального экономического союза.

2. Евразийский союз как новый рациональный проект, а не восстановление СССР.

3. Евразийский союз – как открытый проект, как часть общеевропейских интеграционных проектов.

4. Евразийский союз как новый геополитический проект и составная часть нового мирового порядка.

Статью Нурсултана Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» можно рассматривать с точки зрения завершения своеобразной дискуссии о том, каким должен быть ЕАС. Каких-либо серьезных расхождений с идеями российского премьера и белорусского президента здесь не наблюдается.

Вместе с тем, Президент Казахстана делает в своей статье акцент на тех моментах, которые отвечают интересам, как его страны, так и его личной позиции по вопросу развития интеграции в Евразии:

- развитие евразийской интеграции исключительно на эволюционной и добровольной основе без какого-либо искусственного ускорения;

- многовекторность интеграционного процесса, предполагающая участие постсоветских стран в различных региональных организациях, а также возможность создания наряду с ЕАС других межгосударственных объединений и, прежде всего, Центрально-Азиатского союза;

- создание ЕАС как конкурентоспособного глобального экономического объединения;

- формирование ЕАС как самодостаточного регионального финансового объединения с учреждением евразийской наднациональной расчетной единицы – ЕНРЕ;

- широкая общественная поддержка как неотъемлемое условие создания ЕАС;

- необходимость размещения исполнительных органов ЕЭП в Астане, что «стало бы справедливой данью признательности Казахстану как инициатору идеи евразийской интеграции»⁷.

Опубликованные год назад в «Известиях» статьи лидеров «евразийской тройки» сыграли важную роль в актуализации идеи евразийской интеграции и дали серьезный импульс к процессам ее всестороннего анализа и реализации на практике.

Очередным шагом в развитии евразийского интеграционного проекта явилась проведенная 18 ноября 2011 г. в Москве встреча президентов Беларуси, Казахстана и России, по итогам которой были приняты Декларация о евразийской экономической интеграции, Договор о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и Решение о Регламенте последней. Евразийская экономическая комиссия – это первый на постсоветском пространстве постоянно действующий регулирующий орган Таможенного союза и ЕЭП⁸.

20 марта 2012 г. в Москве прошло заседание Межгоссовета ЕврАзЭС и Высшего Евразийского экономического совета. В ходе переговоров обсуждались вопросы повышения эффективности деятельности Евразийского экономического сообщества и Евразийской экономической комиссии, устранения дублирующих полномочий, а также вопросов, связанных с трансформацией ЕврАзЭС в Евразийский экономический союз. Президент России, Д. Медведев, еще раз подчеркнул стремление евразийской тройки к 1 января 2015 г. подписать всеобъемлющий договор о формировании Евразийского экономического союза.

Таким образом, на современном этапе идея евразийской интеграции приобретает новое звучание. Последующее развитие интеграционных процессов должно привести к созданию к 2015 г. Евразийского экономического союза. В чем заключаются основные предпосылки перехода к новому интеграционному этапу?

Идея создания ЕАС была актуализирована в выступлениях лидеров евразийской тройки, однако она имеет вполне объективные внутренние и внешние предпосылки.

Развитие взаимоотношений между Россией, Казахстаном и Беларусью позволяет говорить о том, что три страны постепенно развивают интеграцию по общепринятой схеме и уже добились значимых результатов. С 1 июля 2011 г. начала функционировать единая таможенная территория Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана. Следующим важным этапом стало решение о переходе к ЕЭП трех государств с 1 января 2012 г. Поэтому логично, что следующим этапом евразийской интеграции может стать экономический союз.

Помимо внутренних предпосылок перехода к созданию ЕАС, свою существенную роль в этом процессе сыграла в целом ситуация в мире (мировой финансовый кризис, усиление борьбы за сферы влияния и т. д.), и геополитическое соперничество на постсоветском пространстве.

Экономическая ситуация и усиление конкуренции привели к необходимости пересмотра отношения к проблеме дальнейшего развития постсоветского пространства. Постепенно пришло осознание того, что вхождение в мировые связи должно основываться на фундаменте стабильности внутри самого интеграционного объединения, в том числе и политической, экономической стабильности и безопасности.

Долгое время в Российской Федерации отсутствовала четкая стратегия в отношении с новыми независимыми государствами. Заявления о том, что страны СНГ – это приоритетное направление внешней политики РФ, носили декларативный характер и не соответствовали реальному положению дел (в реальности происходило сокращение взаимной торговли, недостаточное внимание к ближнему зарубежью, дистанцирование российской элиты, сокращение гуманитарных и образовательных программ и т. д.).

Все это привело к тому, что Россия по многим параметрам утратила роль политического лидера и основного торгового партнера стран СНГ. Ослабление позиций России привело к появлению ряда инициатив США, Европейского Союза, Китая, Турции по установлению своих сфер влияния на постсоветском пространстве и реализации конкурентных проектов.

Так, например, Европейский Союз инициировал принятие Центрально-азиатской стратегии и программы Восточного партнерства. США стремятся реализовать проект возрождения Великого шелкового пути и значительно усилили свое военное присутствие в регионе Центральной Азии. Турция лоббирует идею союза тюркоязычных государств. Китай является основным торговым партнером многих государств постсоветского пространства, а также одним из активных инвесторов.

Многие российские политики полагают, что в результате успешных процессов экономической и политической интеграции с бывшими советскими республиками Россия сможет восстановить свое влияние, превратится в мировой центр силы и заполнит образовавшийся после 1991 г. вакуум в Евразии.

Таким образом, евразийское направление постепенно становится важнейшим стратегическим направлением внешней политики России, что касается интересов других участников – Беларуси и Казахстана, то новый интеграционный проект также соответствует и их национальным интересам.

Для Минска союз с Москвой и Астаной – это возможность активизации диалога с Европой и выхода из геополитической изоляции. Казахстан – самое развитое в экономическом плане государство Центральной Азии также стремится повысить свою геополитическую роль через евразийский интеграционный проект и, кроме того, создать действенный механизм обеспечения национальной безопасности, что становится особенно актуальным в связи с выводом американских войск из Афганистана.

Основным принципом построения нового интеграционного союза провозглашен принцип равноправия и добровольности. В союз входят три суверенных государства, самостоятельных субъекта международных отношений с собственным набором национальных интересов, целей и

задач развития, актуальных приоритетов, истории отношений с другими странами.

Второй наиболее важный принцип – это наднациональный характер нового интеграционного объединения. Учитывая опыт функционирования СНГ, ЕС, НАФТА, уже никто не отрицает важности данного принципа для эффективности интеграционных группировок.

В этой связи на повестке дня – создание в рамках будущего ЕАС достаточно гибкой интеграционной модели, способной установить баланс интересов сторон и соотношение суверенитетов не с точки зрения количественных параметров: объемов и размеров экономик, территории, количества населения, а качественных характеристик.

По мнению ряда казахстанских и белорусских экспертов, государства идут на такое объединение именно ради более эффективной защиты своего суверенитета. «Поэтому методы доминирования, продавливания, игнорирования и одностороннего пренебрежения, шантажа, запугивания недопустимы. Они только усиливают скепсис и в конечном итоге стимулируют центробежные мотивы. Работа в данном интеграционном объединении должна строиться на принципах уважения суверенитета каждого из членов объединения, кропотливой и очень внимательной деятельностью для достижения взаимоприемлемого консенсуса на демократической основе»⁹.

Успешное развитие экономического союза неизбежно поставит вопрос и о политическом союзе, который является наивысшей формой интеграционного объединения. Наиболее сложной задачей станет поиск такой политической формулы интеграции, которая, с одной стороны, не ущемляла бы национального суверенитета стран-участниц будущего союза, а с другой – сделала бы новое объединение дееспособным субъектом международных отношений.

Именно поэтому чрезвычайно важным является вопрос о создании действенного механизма принятия решений и контроля над их исполнением, формирование и развитие евразийских наднациональных институтов, дальнейшее сближение, гармонизация национальных законодательств. Несмотря на имеющиеся объективные трудности, в 2013–2014 гг. должна быть сформирована нормативно-правовая база евразийской интеграции, необходимая для подписания до 1 января 2015 г. Договора о Евразийском экономическом союзе.

17 мая 2012 г. в Санкт-Петербурге на встрече председателей парламентов Белоруссии, Казахстана и России было принято решение о создании Рабочей группы по вопросам парламентского измерения евразийской экономической интеграции.

20 сентября 2012 г. в Москве прошло первое заседание в рамках данной группы. Дискуссии парламентариев показали широкий спектр взглядов на евразийский парламентаризм.

Одни парламентарии – «евразеооптимисты» – призывают, не дожидаясь создания Евразий-

ского экономического союза, уже в ближайшее время сформировать Евразийский парламент. И как один из возможных путей видят проведение прямых демократических выборов. Их оппоненты – «евразоскептики» – считают, что это еще очень отдаленная перспектива, а некоторые вообще сомневаются в правомерности существования в Евразии наднациональных парламентских структур.

Наиболее рациональный подход отражает стремление к реализации двухэтапного процесса формирования парламентского органа евразийской интеграции. В ближайшей перспективе это может быть Евразийская межпарламентская ассамблея, созданная путем делегирования в нее депутатов национальных парламентов. И только со временем, после создания всех соответствующих условий, Евразийская ассамблея может быть преобразована в полноценный Евразийский парламент.

Дальнейшая дискуссия о парламентском измерении интеграционного сотрудничества должна проводиться не только в узком кругу специалистов, но и на уровне научного сообщества с привлечением социологов, историков, философов. Госдума РФ проведет парламентские слушания по евразийской интеграции в январе 2013 г.

Основная задача ЕАС – построение конкурентоспособного экономического союза. Предложенный главами России, Казахстана и Белоруссии путь построения нового объединения базируется на экономической составляющей и должен привести к решению общих задач, таких как модернизация, формирование устойчивой и конкурентоспособной социально-экономической системы, при которой будут созданы условия для повышения стабильности и уровня жизни населения.

Кроме того, будущий союз должен способствовать переходу государств-участников на инновационный путь развития, а евразийское пространство должно стать территорией инноваций и мощного технологического прорыва. Помимо экономических аспектов, в проекте также присутствует и геополитический аспект, в развитии которого заинтересованы все участники проекта.

Многие эксперты достаточно оптимистично оценивают и геополитические последствия идеи создания ЕАС не только как новой модели региональной интеграции, но и как геополитический проект создания многополярного мира.

Например, по мнению главного редактора информационно-аналитического издания «Геополитика», руководителя администрации международного общественного движения «Евразийское движение», Леонида Владимировича Савина, «формирование Евразийского союза вместе с другими интеграционными процессами в других частях света будет представлять собой движение в сторону создания многополярного (полицентричного) мира. Чем быстрее будет создан Евразийский союз, тем быстрее государства, в него входящие, а также другие страны, вносящие

свой посильный вклад в формирование нового миропорядка, смогут выйти из-под прямого (hard power) или опосредованного (soft power) влияния США»¹⁰.

Таким образом, идея ЕАС рассматривается не только с экономической точки зрения, но и с геополитической в контексте формирования новой мировой архитектуры. Геополитический аспект идеи создания ЕАС затрагивает многие важные вопросы: пространственные характеристики проекта, вопрос взаимодействия с другими региональными интеграционными образованиями, такими как ЕС или АТЭС.

Проект создания ЕАС в настоящее время становится одним из самых дискуссионных интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

Большое внимание проекту Евразийского союза уделяют в российской правящей партии «Единая Россия». 26 мая 2012 г. в рамках XIII съезда «Единой России» прошел межпартийный круглый стол на тему: «Евразийский проект. Интеграционные объединения как фактор обеспечения стабильности развития», в котором приняли участие представители политических партий СНГ, Восточной Европы, Китая, Вьетнама и других государств. Открывая дискуссию, руководитель федерального агентства «Россотрудничество» Константин Косачев заявил, что «проект Евразийского союза относится к последним интернациональным проектам российской внешней политики»¹¹.

29 июня 2012 г. в Казани состоялась международная конференция «Евразийский союз: амбиции, проблемы, перспективы».

3 декабря 2012 г. в Санкт-Петербурге при поддержке «Россотрудничества», партии «Единая Россия» и Совета Федерации состоялся международный форум «Евразийская интеграция в XXI веке».

В целом экспертное сообщество разделилось на сторонников и противников евразийской интеграции. Ряд российских аналитиков считают, что России придется взвалить на себя бремя экономической поддержки своих партнеров, в то время как в Казахстане и Белоруссии определенные круги полагают, что участие в общих с Россией проектах приведет эти страны к утрате суверенитета¹². Кроме того, в Белоруссии некоторые политики выступают против участия в союзах с азиатскими странами, поскольку это противоречит европейскому цивилизационному выбору их государства.

Особое отношение к проекту евразийской интеграции сформировалось в Казахстане. Евразийская интеграция уже давно является не только одним из ключевых направлений внешнеполитического курса Казахстана, но и долгосрочных стратегических трендов его развития в целом.

В казахстанском экспертном сообществе преобладает восприятие Евразийского экономического союза как уже состоявшейся реальности.

Бесспорное первенство в формировании концептуальных основ евразийского интеграционного проекта, по их мнению, принадлежит Казахстану в лице его Президента Н. Назарбаева.

На этом фоне статья председателя правительства РФ Владимира Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» серьезного резонанса в Казахстане практически не вызвала.

Устоявшимся мнением среди экспертов Казахстана является то, что практически с момента обретения своей государственной независимости Казахстан последовательно выступает в качестве инициатора и активного участника различных интеграционных проектов на постсоветском пространстве. При этом в силу своего географического положения на стыке Востока и Запада и историко-культурных особенностей развития, включая синтез ценностей различных народов и цивилизаций, он отдает приоритет проектам, имеющим евразийское цивилизационное измерение.

Наиболее существенной проблемой, по их мнению, в ЕАС является проблема лидерства. В любой интеграционной группировке есть либо интеграционное ядро государств, либо государство-лидер, вокруг которого концентрируются интеграционные процессы. В этой связи, по мнению большинства казахстанских экспертов, Казахстан должен войти в число лидеров будущего союза.

Данной точки зрения придерживаются и некоторые представители европейских научных центров. Так, по мнению Екатерины Волл – представителя Центра Бертольда Бейтца по России, Украине, Беларуси и Центральной Азии, Казахстан, может стать весомым и равноправным партнером России в ЕАС. «Это государство успешно и на экономическом, и политическом уровне. Успешное председательство Казахстана в ОБСЕ, активная роль Казахстана в «большой двадцатке» и в организации Исламская конференция подчеркивают потенциал этого государства как посредника между Европой и Азией».

«Активное участие Казахстана в построении рамок будущего Евразийского союза непременно уменьшит недоверие к этой новой структуре со стороны Европейского союза, ибо будет доказательством того, что Евразийский союз не является чисто российским реинтеграционным проектом»¹³.

Научное осмысление и практическое воплощение идей евразийской интеграции являются важными направлениями исследований Института мировой экономики и политики при Фонде первого президента Республики Казахстан – Лидера нации, Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева и других научных и образовательных центров страны. За 2011–2012 гг. прошел ряд научно-практических конференций, таких как «Европейский вектор Евразийского союза: вызовы и перспективы», «Перспективы развития межгосударственной интеграции: Евра-

зийский союз» и другие. Подготовлен и издан ряд научных публикаций, посвященных проблематике евразийской интеграции, среди них – сборник научных статей под названием «Евразийская идея в новом мире» и другие.

Однако даже в казахстанском обществе идея евразийской интеграции имеет как сторонников, так и противников. В числе последовательных противников евразийской интеграции – казахстанская оппозиция и национал-патриоты, которые выступают за более тесный союз с тюркоязычными странами.

Для оппозиции – это возможность привлечь на свою сторону часть протестного электората, выступающего против интеграционных инициатив властей. В свою очередь, национал-патриоты традиционно с недоверием относятся к интеграционной политике властей на российский контроль и опасаются утраты суверенитета.

Анализируя потенциал стран-участниц евразийской интеграции, известный казахстанский политолог Мухтар Тайжан приводит следующие доводы против интеграции: «У нас же один безусловный доминант – Россия в 10 раз экономически и демографически крупнее Казахстана и в 34 раза – Белоруссии, которая вообще очень сильно финансово зависит от Москвы. Тем более, на протяжении последних двух-трех веков Казахстан был колонией Москвы. При такой экономической и демографической разнице, красноречивой истории, о каком равноправии может идти речь?»¹⁴.

Казахстанское общество довольно остро реагирует на дискурс в российском информационном пространстве о грядущем перерастании Таможенного союза в политический союз с центром в Москве. Чтобы успокоить общественность, казахстанские власти подчеркивают, что речь на данном этапе идет исключительно об экономической интеграции, которая выгодна всем ее участникам.

Так, Президент Казахстана Н. А. Назарбаев, находясь с официальным визитом в Германии в феврале 2012 г., счел важным заявить: «...это все фантомные страхи. Только умалишенный может говорить сейчас о восстановлении Советского Союза, для этого надо восстановить сейчас коммунистическую партию, единую идеологию, госплан и все остальные атрибуты. Это невозможно. Но экономическая интеграция, когда убираем таможенные границы, это выгодно всем нам»¹⁵.

Перспективы вступления в ЕАС активно обсуждаются экспертными сообществами Украины, Армении и Молдовы¹⁶.

Участие Украины является чрезвычайно важным для усиления потенциала и влияния Евразийского союза. По мнению большинства российских экспертов, во-первых, без Украины новый союз будет являться незавершенным, а во-вторых, Украине все же придется сделать выбор между европейским и евразийским векторами интеграции.

19–20 октября 2012 г. в Киеве состоялась научно-практическая конференция «Проект Евразийского союза в общественном измерении». В конференции приняли участие учёные, авторитетные представители экспертного сообщества, представители предпринимательских кругов, государственных учреждений и общественных организаций Украины и России. Участники обсудили контуры первых практических шагов на пути реализации нового интеграционного проекта для Евразии и пути привлечения Украины к взаимовыгодному сотрудничеству. Преобладающим мнением участников обсуждения, как с российской, так и с украинской стороны, было понимание практической важности евразийского вектора интеграции для Украины, а также того, что экономическая интеграция должна дополняться гуманитарными, идеологическими ориентирами.

Официальная позиция Киева заключается в проявлении интереса к проекту ЕАС и необходимости изучения практических результатов, однако не более того. В ближайшей перспективе возможна только особая форма развития сотрудничества между Украиной и будущим Евразийским союзом по схеме «3+1». Другими словами, геополитическая борьба за Украину продолжается...

В Ереване есть убежденные сторонники проекта Евразийского союза. Например, Аргашес Гегамян – видный армянский политический деятель, депутат парламента, руководитель постоянной делегации парламента в ПА ОБСЕ, председатель партии «Национальное Единение» и общественной организации «Северная Перспектива». Его восприятие проекта ЕАС и возможного участия Армении изложены в сборниках «Евразийский союз – наше будущее» и «Евразийский союз – путь независимой Армении в будущее»¹⁷.

Однако в целом в Армении относятся к новой интеграционной инициативе с большой осторожностью. Армянское общество благожелательно воспринимает дальнейшую интеграцию на постсоветском пространстве, и даже критики вынуждены признать, что большинство населения Армении стремится к развитию отношений с Россией и поддерживает интеграционные тенденции. При этом многие эксперты обращают внимание на три очень важных аспекта.

Первый – отсутствие общей границы с «евразийской тройкой». Второй аспект – возможный вариант развития нагорно-карабахского конфликта и поиск ответа на вопрос: «Повлияет ли членство Армении в новой структуре на статус Нагорного Карабаха и как скажется на процессе урегулирования конфликта?». Третий аспект – это проблема взаимоотношений ЕАС – ЕС и дальнейшие перспективы сотрудничества с ЕС. Таким образом, вопрос участия в нем Армении по-прежнему открыт и ответ на него, скорее всего, будет получен в случае четких гарантий со стороны Российской Федерации в экономических вопросах и в отношении проблемы безопасности в регионе.

Вариант урегулирования конфликтов в рамках евразийской интеграции становится одной из составляющих дискурса. Так, например, эксперты и общественно-политические деятели из Южной Осетии и России обсудили перспективы ЕАС и вхождения в него Республики Южная Осетия на круглом столе «Евразийский союз – новый этап интеграции», который состоялся в Цхинвале 27 ноября 2012 г. в офисе Юго-Осетинского филиала Фонда развития «Институт евразийских исследований». В целом участники обсуждения пришли к единому мнению о несомненной пользе вхождения Южной Осетии в Евразийский союз.

В Приднестровской Молдавской Республике евразийство объявлено национальной идеей, а евразийская интеграция, согласно недавно принятой новой Концепции внешней политики, является основным направлением внешнеполитической деятельности¹⁸. В МИДе Приднестровья разрабатываются «дорожные карты» для евразийского региона.

Инициатива премьер-министра России Владимира Путина о создании ЕАС на основе Таможенного союза и ЕЭП России, Белоруссии и Казахстана спровоцировала активные дискуссии в молдавском политическом и экспертном сообществе.

Основным приоритетом правящего Альянса «За европейскую интеграцию» является евроинтеграция. Хотя в средствах массовой информации не объясняется выгоды и перспективности идеи Евразийского союза, тем не менее, тема ЕАС – основная в повестке дня. В Кишиневе обнаружили как сторонники – в лице оппозиционной Партии коммунистов, так и противники евразийской интеграции.

Премьер-министр Владимир Филат заявил, что все это выглядит привлекательно лишь в теории. «Евразийский союз находится на стадии проекта. В то время как Европейский союз – неоспоримый факт. Приоритетом номер один для Республики Молдова является процесс европейской интеграции, который поддерживают и граждане страны. Мы движемся в одном направлении и пойдем до конца», – заявил премьер¹⁹.

С критикой проекта ЕАС выступили и молдавские либералы. Председатель Либеральной партии Молдавии Михай Гимпу заявил, что «Европейский союз гарантирует европейские ценности, тогда как за Евразийским союзом стоит стремление к власти»²⁰.

Оппозиционная Партия коммунистов выступила с инициативой о присоединении Молдавии к новому интеграционному проекту на востоке. Господин Воронин утверждает, что «создание Евразийского союза – исторический шанс для Молдавии, который позволит стране выйти из кризиса и осуществить модернизацию»²¹.

Тема евразийской интеграции стала предметом обсуждения для ряда научных мероприятий Молдовы. 7 февраля 2012 г. в Кишиневе состоя-

лось заседание дискуссионного клуба «Диалоги об актуальном» при Российском центре науки и культуры на тему «Молдова и Таможенный союз: возврат в прошлое или прорыв в будущее?».

21 мая 2012 г. в Кишиневе прошла первая международная конференция «Евразийский союз – Молдова: план действий», организованная Единым информационным центром «Eurasia inform» при поддержке представительства Россотрудничества в Молдавии. В мероприятиях приняли участие политики, общественные деятели, журналисты, предприниматели, политологи, экономисты, священнослужители. В ходе мероприятий высказывались идеи о проведении в Молдавии законодательного референдума по вопросу вступления в Таможенный союз, о необходимости «консолидации всех здоровых сил молдавского общества и выработке конкретного плана действий».

Таким образом, идея евразийской интеграции вызывает интерес и живую дискуссию в молдавском обществе и не только – за развитием дискуссии внимательно следит политическая элита Румынии.

Так, например, чрезвычайный и полномочный посол Румынии Мариус Лазуркэ потребовал от молдавских экспертов и политологов продвигать «месседжи», призванные «убедить как можно больше людей в преимуществах европейской интеграции, убедить общество однозначно поддерживать эту перспективу». С таким заявлением он выступил после опубликования опроса «Барометр общественного мнения»²².

Согласно его данным, идея европейской интеграции уступает по привлекательности Таможенному союзу России – Беларуси – Казахстана, а в случае выбора между двумя интеграционными проектами молдаване предпочитают Восток.

Дипломат выразил сожаление о высоком уровне поддержки «виртуального проекта» Евразийского союза в молдавском обществе. По его словам, у жителей Молдовы «прослеживается некое очарование проектом, который существует лишь виртуально».

«Я изумлен тем, что народ поддерживает политический проект, которого пока даже не существует. Евразийский союз – это проект, виртуальность, которая может воплотиться в жизнь, а может и не воплотиться. Как можно выбирать между тем, что является пока лишь виртуальным и историей успеха, которая способствовала расширению мира, благополучия, стабильности практически на всем европейском континенте?» – заявил Лазуркэ, имея в виду ЕС²³.

Если подвести черту и в целом оценить круг потенциальных участников нового интеграционного проекта на постсоветском пространстве, то в настоящее время странами-учредителями Евразийского союза являются Россия, Казахстан и Беларусь. Вхождение в этот союз Украины, Молдовы, Армении весьма проблематично, Азербей-

байджана, Грузии, Туркменистана и Узбекистана – даже не рассматривается.

Относительно перспектив ближайшего расширения «евразийской тройки» мнение большинства экспертов сходится в том, оно произойдет за счет включения Кыргызстана и Таджикистана. Новое руководство Кыргызстана принимает евразийскую экономическую модель, предложенную правительством Владимира Путина, и готово ей следовать. Таджикистан уже сейчас находится в тесной экономической взаимосвязи с Россией и Казахстаном и в силу экономической ситуации заинтересован в ее углублении.

Однако успех реализации проекта создания ЕАС будет зависеть от поддержки широких слоев населения. На данном этапе необходима серьезная информационная работа среди населения и идейное наполнение проекта ЕАС, сейчас, по мнению большинства экспертов, идея создания Евразийского союза – это проект элиты, но не проект общества.

Проект формирования Евразийского союза нуждается в долгосрочной стратегии, требующей как идеологического наполнения, так и институционализации новой стратегической культуры, которая должна будет преодолеть возможные этнические, национально-гражданские и религиозные противоречия, служившие в предыдущие исторические этапы поводом для эскалации конфликтов, а с учетом новой международной ситуации способные приобрести к новым кризисным ситуациям.

Как отметил директор Института экономики РАН Р. Гринберг на круглом столе в Совете Федерации России 24 ноября 2011 г., посвященном вопросам интеграции, «в данном союзе, наряду с экономической прагматикой, должно быть объединяющее духовное, цивилизационное начало, как в ЕС»²⁴.

Очевидно, что созданию ЕАС должна предшествовать серьезная информационно-разъяснительная работа. Причем она должна быть направлена как на широкие слои населения, так и на национальные политические и бизнес-элиты потенциальных стран-участниц интеграционного проекта. Необходимо убедительно показать преимущества интеграции, ее практическую пользу.

Настоящее положение свидетельствует об отсутствии глубокой, проработанной программы общественной поддержки проекта, позитивной информации о соседях по союзу и единой объединяющей линии в общем информационном пространстве стран-участниц; слабое использование современных методов и инструментов информационного продвижения, особенно таких как социальные сети, недостаточном использовании образовательного, экспертного, межкультурного, молодежного и прочих уровней трансграничного диалога.

Идея евразийской интеграции пока не стала общенациональной идеей ни в одной из потен-

циальных стран-участниц. Однако в последнее время наметились позитивные тенденции, которые находят выражение в формировании Евразийского экономического форума молодежи, Евразийского молодежного движения «Молодая Евразия», Конфедерации общественных сил за евразийскую интеграцию, идеи создания Евразийского молодежного парламента, Международной общественной организации «Евразийское содружество», евразийских клубов ведущих вузов России, Казахстана и Беларуси, а также научно-образовательных и исследовательских центрах по изучению проблем евразийской интеграции.

«Всестороннее освещение процессов интеграции в рамках проекта ЕАС – как одна из главных задач СМИ» – такова была повестка дня двухдневной конференции в подмосковном Виноградово, которая состоялась 4–5 декабря 2012 г. Конференция «Роль СМИ в развитии интеграционных процессов на территории Евразийского Союза» собрала ведущих специалистов по СМИ из Белоруссии, Молдовы, Украины, Приднестровья, Казахстана и России. Конференция прошла при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Конференция взяла за основу тезис о том, что ЕАС может стать экономическим и внешнеполитическим базисом нового уровня интеграции постсоветского пространства и, возможно, новым мировым центром силы. Следовательно, значительную роль в информационной поддержке этого международного евразийского проекта будут играть СМИ. Их первоочередная задача – донести до аудитории информацию о преимуществах, перспективах для всех участников ЕАС.

Председатель движения «Молодая Евразия» и руководитель рабочей группы по созданию Евразийского молодежного парламента Юрий Кофнер обратил внимание на важность использования интернет-ресурсов для популяризации идеи создания Евразийского союза²⁵.

Главный редактор журнала «Международная жизнь» Армен Оганесян предложил на следующий год опубликовать в качестве приложения к журналу «Международная жизнь» специальный выпуск на тему ЕАС. Обсуждалась идея создания электронных видеоканалов и отдельного сайта Евразия, на страницах которого освещалось бы развитие интеграционных процессов.

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо отметить, что проект создания ЕАС продолжает оставаться предметом бурных дебатов в постсоветских странах.

Создание Евразийского союза к 2015 г. – это масштабная задача. Идея евразийского объединения амбициозна по своим целям и задачам, она открывает перед «евразийской тройкой» определенные экономические перспективы, но и создает вызовы, на которые придется отвечать.

Евразийская интеграция – это трудный путь согласования национальных амбиций, развития

экономик разного уровня, сближения социальных, правовых и исторических пространств, выход на принципиально новый уровень взаимодействия, отвечающий современным тенденциям.

В евразийском интеграционном процессе пока достаточно много сдерживающих факторов: успешность стран-участниц с переходом от одного этапа интеграции к другому, отсутствие мониторинга готовности общества и экономики к углублению интеграции, медленное формирование нормативно-правовой базы.

Между участниками проекта существуют серьезные расхождения в понимании будущих интеграционных процессов. Хотя курс на евразийскую интеграцию является «генеральной линией», внутри самой власти, среди экспертов и в обществе нет единых подходов. В этой связи необходимы: налаживание активного и конструктивного диалога между представителями различных подходов, активизация внутреннего диалога между властью и обществом по вопросу интеграции для обеспечения идеи Евразийского союза реальной социальной и идейной базой. Необходима консолидация экспертно-аналитического сообщества потенциальных участников евразийского проекта.

В целом проект создания Евразийского союза имеет объективные предпосылки, определенное теоретическое и идейное наполнение и в случае успешной реализации может способствовать созданию сильного регионального объединения.

Примечания

- ¹ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1999; Дугин А. Г. Проект «Евразия». М., 2004; Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. М., 2002; Дугин А. Г. Евразийский взгляд // Геополитика. 2002. № 13. С. 15–26.
- ² Подробнее о трех направлениях см.: Мустафин А. Г. Эволюция евразийской идеи : от классического евразийства к современному «практическому». Евразийская идея в новом мире. Астана, 2011. С. 120–133.
- ³ Назарбаев Н. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/504908> (дата обращения : 30.10.11).
- ⁴ Например, Назарбаев Н. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы, 1994–1997. М., 1997; Назарбаев Н. Стратегия независимости. Алматы, 2003; Назарбаев Н. А. Евразийский экономический союз: теория или реальность // Известия. 2009. 20 марта и другие.
- ⁵ Декларация о формировании ЕЭП. [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/802 (дата обращения : 10.12.10)
- ⁶ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения : 30.10.11); Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 окт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru/news/504081> (дата обращения : 30.10.11); Назарбаев Н. Евразийский союз : от идеи к истории будущего.
- ⁷ Назарбаев Н. Евразийский союз : от идеи к истории будущего...
- ⁸ Декларация о евразийской экономической интеграции, [Электронный ресурс]. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1091 (дата обращения : 20.11.11); Договор о Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudevrazes.org/main.aspx?guid=19461> (дата обращения : 20.11.11).
- ⁹ Амребаев А. Концепт «открытой евразийской интеграционной модели» Президента Назарбаева и актуальные проблемы национальной идентичности Казахстана // Казахстан в глобальных процессах. 2012. № 2. С. 47.
- ¹⁰ Савин Л. Формирование евразийского геополитического контекста // Казахстан в глобальных процессах. 2012. № 2. С. 39.
- ¹¹ Круглый стол : «Евразийский проект. Интеграционные объединения как фактор обеспечения стабильности развития». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fondres.ru/index.php/meropriyatiya/113-kruglyj-stol-evrazijskij-proekt-integratsionnye-obedineniya-kak-faktor-obespecheniya-stabilnosti-razvitiya> (дата обращения : 08.12.12).
- ¹² Радов Н. Белорусские мифы о Евразийском союзе : «потеря суверенитета», «коррупция» и «консервация» [Электронный ресурс]. URL: <http://belarus.regnum.ru/news/1453744.html> (дата обращения : 05.08.12); Эксперт : Евразийская интеграция поможет Белоруссии стать самостоятельным геополитическим субъектом. [Электронный ресурс]. URL: <http://belarus.regnum.ru/news/1593908.html> (дата обращения : 05.08.12); Белорусская оппозиция не хочет в Евразийский союз. В Минске обсуждают статью Путина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/cis/2011-10-06/6_belorussia.html (дата обращения : 05.08.12).
- ¹³ Волл Е. Европейский союз и Евразийский союз – проблема сосуществования // Казахстан в глобальных процессах. 2012. № 2. С. 14.
- ¹⁴ Мухтар Т. Почему защита русского языка – патриотизм, а казахского – национализм? (Регнум, 7 ноября 2011 г.) // Казахстан в глобальных процессах. 2012. № 2.
- ¹⁵ Назарбаев Н. Только умалишенный может говорить о восстановлении Советского Союза // Tengrinews.kz. 2012. 8 февр.
- ¹⁶ Минасян С. Армения в Евразийском союзе : миф или реальность? [Электронный ресурс]. URL: <http://ci-blog.livejournal.com>; Проект Евразийского союза в общественном измерении. Справочные материалы к Международной научно-практической конференции : «Проект Евразийского союза в общественном измерении». Киев. 19–20 октября 2012 г. Киев, 2012.
- ¹⁷ Евразийский союз – наше будущее. Ереван, 2012; Евразийский союз – путь независимой Армении в будущее. Ереван, 2012.
- ¹⁸ Проект Концепции внешней политики Приднестровской Молдавской Республики 2012 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa-pmr.org/konceptcia.html> (дата обращения : 28.11.12).
- ¹⁹ «Молдове нельзя быть в одиночку». В Кишиневе вы-

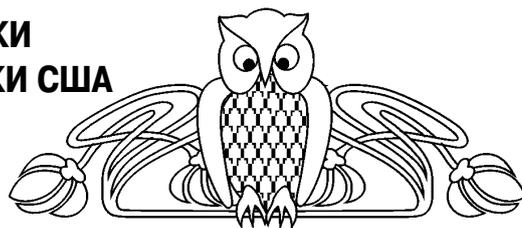
- бирают между европейской и евразийской интеграцией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.md/node/4986/mobile> (дата обращения : 29.11.12).
- ²⁰ Молдавские либералы заклеили Евразийский союз как тоталитарную структуру. [Электронный ресурс]. URL: <http://evrazia.org/news/24375> (дата обращения : 29.11.12).
- ²¹ «Молдове нельзя быть в одиночку»...
- ²² Посол Румынии требует от молдавских экспертов продвигать идеи, призванные «убедить как можно больше людей в преимуществах евроинтеграции». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moldnews.md/rus/news/53831> (дата обращения : 29.11.12).
- ²³ Граждане Молдовы видят страну в Таможенном союзе, посол Румынии в Европейском. [Электронный ресурс]. URL: <http://newstv.md/grazhdane-moldovyi-vidyat-stranu-v-tamozhennom-soyuze-posol-rumyninii-v-evropeyskom> (дата обращения : 29.11.12).
- ²⁴ Перспективы интеграции в рамках Евразийского союза обсудили в Совете Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mpa-sf.ru/news/391-2011-11-27-10-11-10.html> (дата обращения : 05.12.12).
- ²⁵ Кофнер Ю. Идеалы евразийства необходимо продвигать через Интернет. [Электронный ресурс]. <http://eurasia.org> (дата обращения : 02.12.12).

УДК [94:327] (470+571+73+51)

ШОС В ГЛОБАЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ КРИТИКИ НА ФОНЕ АКТИВНОЙ «БАЗОВОЙ» ПОЛИТИКИ США В «БОЛЬШОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Е. С. Красанцов

Саратовский государственный университет
E-mail: Krasancov.evgeny@gmail.com

Действия Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в регионе Центральной Азии (ЦА) очень часто подвергаются критике со стороны НАТО и лояльных блоку стран. Основными причинами того являются военные учения организации и тесные отношения с Ираном, где Тегеран представлен как неполноправный член или наблюдатель ШОС. В статье предлагаются различные мнения международного сообщества по отношению к ШОС как дружественные, так и критические. Во второй части статьи описываются политика США по базированию своего военного контингента в регионе и общая ситуация вокруг военных баз Пентагона в ЦА и Пакистане. В качестве вывода причиной сложившейся обстановки в мире называется неудоваримая политика ШОС в глазах НАТО и неготовность НАТО принять конкурента даже в региональных масштабах.

Ключевые слова: ШОС, НАТО, критика, Центральная Азия, США, военные базы.

SCO in the Global Encirclement of Criticism Against the Background of the Active U. S. Base Policy in the «Great Central Asia»

E. S. Krasantcov

SCO actions in Central Asia (CA) are often become criticized by NATO and its loyal states. The key reasons for that are named to be the military trainings run by SCO and its close ties with Iran as it is a non-official member there or one of the SCO's observers. The article offers various opinions both amiable and critical with regard to SCO expressed by the world community. The next part of the article describes the US policy for basing its troops in the region and a general situation regarding Pentagon's military bases located in the CA and Pakistan. The main conclusion for the occurred affairs became the indigestible SCO policy in the view of NATO and its unwillingness to accept a new rivalry even in the regional dimension.

Key words: SCO, NATO, criticism, Central Asia, USA, military bases.

Шанхайская организация сотрудничества является весьма разносторонней структурой регионального масштаба. Мировые политические деятели и исследователи дают крайне неоднозначную оценку данному институту. Меньше всего нареканий и подозрений у критически настроенной части международного сообщества вызывает экономическая составляющая ШОС. Однако у «шанхайского духа» есть и другая сторона, которая заключается в обеспечении региональной безопасности и установления стабильности. Подходы достижения данной цели и вызывают, прежде всего, сомнения у внешних акторов.

С момента основания организации странами-участницами было проведено несколько совместных антитеррористических учений. Первые из них состоялись в августе 2003 года. Узбекистан на тот момент в военном сотрудничестве отдавал приоритет США, и по этой причине не участвовал в них. Целью тех учений, носивших название «Взаимодействие-2003», стала совместная практика изоляции и ликвидации террористических групп. Один из дней военных учений прошел в нестабильной провинции Синьцзян. Военные уничтожили условный лагерь террористов и отработали освобождение заложников.

Характер учений указывал на растущую обеспокоенность членов ШОС проблемой исламистского экстремизма в регионе. Опасения связаны с активной, зачастую далеко не мирной, деятельностью различного рода группировок и организаций. К ним причисляют такие объединения, как Партия исламского освобождения и Исламское Движение Узбекистана (ИДУ). Данные группирования серьезно подозревают в пособни-

честве и присоединении к вооруженным частям Талибан и Аль-Каиды в Афганистане, а также в серии террористических атак в Центральном-Азиатском регионе¹.

В то же время наибольшие опасения, в особенности в рядах китайской элиты, вызывают уйгурские сепаратисты из исламского движения «Восточный Туркестан». Эти силы экстремистского толка беспокоят не только Китай, но и других участников Шанхайской организации. Москва также осудила уйгурских сепаратистов и обвинила их в сотрудничестве с чеченскими боевиками в ведении совместной борьбы против России и в поиске путей аннексии территорий Кыргызстана и Казахстана².

Однако несмотря на все указанные угрозы и вызовы для региона, далеко не все представители научных и политических кругов стран-участниц ратуют за проведение военных учений под эгидой ШОС. Например, Файзолла Оразай, директор частного международного университета в Алма-Ате, заявил, что ни одна из стран не получит выгоды в военном плане. «Что дадут эти учения Казахстану? Основной вопрос, в чем главная задача этих учений? Китайской армии не нужны никакие совместные учения, она самодостаточна. Мне интересно, эти учения будут действительно военными или все же политическими?».

Бывший посол Казахстана в КНР Мурат Ауезов посчитал, что Пекин «проталкивает тему терроризма с тем, чтобы развязать себе руки в проблеме уйгурских сепаратистов и усилить на них свое давление»³. У многих исследователей из дальнего зарубежья обозначившаяся практика учений ШОС также вызвала недоверие. Алекс Ватанка, редактор Лондонского издания по оценке безопасности «Джейн Сентинэл: Россия и СНГ», высказал свои сомнения по поводу ценности этих учений в военном отношении для Китая. Пекину, по его мнению, куда более интересен политический аспект военного сотрудничества с центрально-азиатскими государствами⁴.

Так или иначе, спустя два года совместная военная подготовка ШОС получила свое продолжение, а заодно и новое название – «Мирная миссия – 2005». Ввиду отсутствия на учениях международных наблюдателей из стран, не входящих в ШОС, ими озаботилось правительство Тайваня, назвав действия Шанхайской организации, «репетицией перед вторжением на остров». В Японии также прозвучали опасения по поводу все возрастающей мощи коммунистического соседа. В японской газете «Ёмиури» с тревогой писали о проводимых учениях: «Китайско-русское военное сотрудничество является серьезным противоречием позициям США. Такое сотрудничество может серьезно повлиять на безопасность в Восточной Азии»⁵.

Союзник Тайваня и Японии в лице Соединенных Штатов вел себя куда более сдержанно. Представитель Вооруженных сил США, бригадный

генерал Картер Хэм заявил: «Я бы не сказал, что учения являются предметом беспокойства, но так как они потенциально оказывают влияние на обстановку в регионе, то вызывают наш интерес». В то же время в целях предосторожности Вашингтон все же отдал приказ провести мониторинг Шанхайской «Мирной миссии-2005»⁶. В дальнейшем же учения проводились ежегодно: «Восток–Анти-террор 2006», «Мирная миссия-2007», «Волгоград-Анти-террор 2008», «Мирная миссия-2009», «Мирная миссия-2010», «Мирная миссия-2011», «Мирная миссия-2012», и все вызвали неоднозначную реакцию мирового сообщества.

«Боевая» активность шанхайского духа поразному расценивалась, прежде всего, в западных СМИ, но практически все они сходились во мнении, что страны ШОС пытаются понизить степень влияния Пентагона в своем регионе. Британское издание «Дэйли Телеграф» назвала ШОС вторым «Варшавским договором», при этом подчеркнув, что США и впредь будут с тревогой наблюдать за ее учениями⁷. Французская газета «Лё Фигаро» оказалась относительно сдержанной в своих комментариях, назвав ШОС антиамериканской организацией, готовой налаживать сотрудничество с Ираном⁸. Газета «Нью-Йорк Таймс» увязала создание ШОС с попыткой Китая и России установить совместный контроль над обширными запасами энергоносителей в Центральной Азии, а также с попыткой прогнать планам США по установке ПРО в Восточной Европе⁹.

Самими резкими в высказываниях оказались немецкие издания. В них дали крайне негативную оценку устремлениям ШОС. «Зюддойче Цайтунг» обратила внимание на полное отсутствие демократии в странах «Шанхайской шестерки» и о том, что стабильность им нужна только для собственного беззаботного господства в регионе. Газета «Франкфуртер Альгемайне» разделила заокеанское мнение о непреодолимом желании России контролировать ресурсные богатства Центральной Азии¹⁰. Другая газета «Тагес Цайтунг» была более остра в суждениях и назвала прошедшую встречу верхов организации на военных учениях 2007 г. заседанием «деспотичного клуба»¹¹.

Не остались в стороне и представители экспертного сообщества. Так, старший исследователь Центра политики безопасности в Азии, расположенного в Вашингтоне, Ф. Стейклбек также в черных и воинствующих тонах обрисовал Шанхайский блок стран. В своей статье «Шанхайская организация сотрудничества» он призывал Вашингтон не уменьшать, а, наоборот, наращивать военное присутствие США в регионах Центральной Азии и Ближнего Востока. Причиной таких призывов послужило нежелание ШОС рассмотреть заявку США на получение статуса наблюдателя в 2005 г., а также всесторонняя российская помощь Ирану в строительстве бушерского ядерного реактора¹².

В ответ на все подобные высказывания и оценки представители ШОС всех уровней не раз заявляли о том, что шанхайское объединение не является военным альянсом или блоком и не противостоит никакой отдельной стране или организации. Свою позицию обозначил и генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа в связи с подписанием «Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Секретариатом ОДКБ». По его словам, конфронтация с Западом никак не входит в планы двух организаций. «Мы не планируем соревноваться с НАТО. Наоборот, мы стремимся к сотрудничеству с НАТО»¹³.

Следует отметить, что среди высказываний в адрес Шанхайской организации имели место не только критические оценки. Некоторые зарубежные специалисты демонстрировали более взвешенный подход к ШОС. Так, сотрудник Калифорнийского университета Ш. Ариел сформулировал отличную от большинства своих коллег точку зрения. «В западной прессе Шанхайская организация получила ярлык антизападной сомнительной структуры, однако политика ШОС относительно борьбы с тремя фундаментальными силами зла – терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом – сочетается с идеологией США и Европы». Самое главное, чего не хватает ШОС, по мнению автора, это открытости зарубежным средствам массовой информации, чтобы поднять свой международный статус до такого, который есть у Североатлантического альянса¹⁴.

Примечательно и другое. Зарубежные исследователи, касаясь проблематики ШОС, довольно часто задаются вопросом, зачем в одном и том же регионе иметь несколько, дублирующих друг друга по своим целям и задачам, организаций? При этом порой формулируется и ответ на этот вопрос. Так, старший исследователь Гудзонского института Р. Уэйтц приводит пример Казахстана и говорит о том, что Астане «жизненно необходима организация, в которой не доминирует одна страна, так как это происходит в СНГ или ОДКБ». С другой стороны, центрально-азиатским членам организации, благодаря России и ее мультилатеральному подходу в переговорах, легче управлять растущим китайским влиянием в ЦА¹⁵.

Возвращаясь к негативным западным оценкам ШОС, нужно сказать, что одной из основных причин, вызывающих критику, является все же Иран. Исламская Республика Иран, которая имеет статус наблюдателя в ШОС, является одним из важнейших факторов определения западными странами своего отношения к шанхайской структуре. К примеру, у США есть несколько раздражителей по отношению к ШОС и одним из таковых как раз является Тегеран. Д. Рамсфелд, выступая 3 июня 2006 г. в Сингапуре на форуме по безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, позволил себе открытую критику Шанхайской организации. По мнению экс-главы Пентагона, сотрудничество Тегерана с ШОС не-

логично. «Довольно странно принимать в ряды организации, проповедующей своей целью борьбу с терроризмом, самое террористическое государство в мире». Ответ последовал довольно быстро. Бывший исполнительный секретарь ШОС Жан Дегуан заявил: «Мы бы не стали принимать государство в ряды наблюдателей, считая, что оно спонсирует терроризм»¹⁶.

И все же Иран – это не единственное, что заставляет нервничать Вашингтон. Перспективы военного присутствия США в Центральной и Южной Азии не могут не беспокоить американское руководство. Уже в 2005 г. на саммите в Астане была подписана очередная «Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества»¹⁷. Отмечая заслуги НАТО в проведении антитеррористических операций в Афганистане, страны ШОС все же вежливо дали понять альянсу, что он «загостился». При этом «шанхайцы» не просили НАТО сворачивать своих войск в Афганистане, а лишь определить окончательные сроки использования территорий стран ШОС для базирования своих контингентов и техники с целью их переброски в соседний Афганистан. Дуализм такой позиции вполне понятен. Вывод американских войск из самого Афганистана на самом деле ни в коей мере не отвечает интересам стран ШОС, так как сами участники Шанхайской организации не горят желанием лезть в эту военно-политическую «трясину».

Здесь уместно разобраться с тем, какие цели преследовал каждый из участников ШОС, подписывая эту декларацию. Очевидно, что все участники подписанного документа руководствовались своими собственными интересами. Узбекистан хотел избавиться от военного присутствия США на своей территории, ввиду того, что западные правительства отвернулись от него и не поддерживали карательных мер узбекских властей в Андижане. Москва и Пекин хотели, чтобы НАТО, в конце концов, закрыла свои базы на территории Центральной Азии для снижения влияния далекой заокеанской державы в сопредельном их странам регионе. Для Киргизии данная декларация была удобным рычагом давления на Вашингтон с целью повышения арендной платы за американскую военную базу в Манасе и на своих партнеров по Шанхайской организации сотрудничества с целью получения более льготных кредитов. Остальные же страны ШОС, судя по всему, надеялись оживить тем самым Североатлантический альянс, в особенности США, и заставить их более решительно бороться с террористами и наркотической угрозой, идущей из близлежащего Афганистана. Члены ШОС не раз давали понять, что они недовольны альянсом за провальные попытки нести вышеобозначенные обязательства, которые, по их мнению, взяла на себя НАТО сразу после ввода войск в Афганистан¹⁸.

В данной ситуации обнаружилось несовпадение интересов между организациями. Североат-

лантическому альянсу выгодно по экономическим соображениям держать часть своих войск не в самом Афганистане, а в соседних с ним странах, вне зоны затрагиваемых боевыми действиями. В свою очередь, Шанхайской организации не хотелось бы видеть на территории своих стран-участниц расквартированных на постоянной основе войск военного блока, настроенного недоброжелательно к ней. В итоге, если две организации преследуют одни и те же цели в регионе и открыто заявляют, что они не имеют ничего друг против друга, то для решения этой дилеммы напрашивается какая-то форма сотрудничества между ними. Однако до тех пор, пока это действительно не станет явью и не сложится прямой диалог между организациями, их члены так и будут читать критические выпады в адрес друг друга в средствах массовой информации.

Вернемся к событиям 2005 г. После анджанских событий и осуждения администрацией США действий узбекских властей Ташкент выдворил заокеанских друзей со своей территории. Прекратила свое существование военная авиационная база Карши-Ханабад или по упрощенному американскому названию «К-2». Вашингтон без особого сожаления согласился с таким решением, поскольку в его запасе оставались еще базы в Киргизии и Пакистане, не говоря уже о тех, что находятся в самом Афганистане¹⁹.

Однако и с другой базой в Центральной Азии, на которую понадеялись Соединенные Штаты, оказалось все не так просто. В начале 2009 г. тогдашний президент Киргизии К. Бакиев обещал не только вывести американскую базу с территории своей страны, но и закрыть к ней доступ союзникам США²⁰. Реальная причина таких действий обусловлена откровенным недостатком средств в стране из-за малоэффективного и коррумпированного чиновничьего аппарата. В погоне за «добычей» Бакиев демонстративным жестом указал Соединенным Штатам на дверь и пригрозил закрыть военно-воздушную базу в Манасе из-за нежелания Вашингтона рассматривать вопрос повышения арендной платы за ее использование.

В данной ситуации Бакиев был в весьма выгодном внешне- и внутривнутриполитическом положении. В этом случае киргизский президент пользовался полной поддержкой населения из-за скандального случая с американским солдатом. Тот, «защищая» свою жизнь, застрелил гражданина Киргизии и затем без суда и следствия был вывезен с базы в США. Поддерживали Бакиева и в ШОС, в особенности Москва и Пекин. Помимо поддержки на словах, Москва, чтобы подтолкнуть Бишкек к принятию правильного решения, обещала также помочь на деле и выделить Киргизии льготный кредит в размере \$2 млрд и безвозмездную помощь в размере \$150 млн под давлением всех этих факторов Белый дом вынужден был согласиться пересмотреть договор об аренде базы по одной, весьма простой, причине. Для реализации

запланированного Обамой и Пентагоном повышения численного состава американских войск в Афганистане на 30 тыс. человек США крайне необходим был недорогой перевалочный пункт, о чем заявил верховный командующий войсками США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии генерал Дэвид Петреус²¹.

В итоге после длительных переговоров по линии Вашингтон – Бишкек стороны пришли к решению перепрофилировать, а, по сути, просто переименовать военную базу в Манасе в так называемый «Центр транзитных перевозок»²² и назначить арендную плату за него в размере 60 млн долларов США вместо предыдущей \$17 млн. Таким образом, с учетом всех сборов за взлеты и посадки, а также за контракты по поставкам реактивного топлива американским истребителям, власти Киргизии за свое выгодное расположение вблизи Афганистана получали минимум \$177 млн в год, что на \$27 млн больше предыдущей договоренности. На Западе эту ситуацию назвали «российско-американским военным аукционом»²³. С этим трудно не согласиться, учитывая, что Бишкек грамотно распорядился сложившейся политической обстановкой вокруг базы в Манасе и получил столь желанные дополнительные дивиденды. Таким образом, когда Россия благополучно перечислила денежные средства на помощь Киргизии, Бишкек резко развернул свой внешнеполитический курс на 180 градусов и договорился с американцами о размерах новой арендной платы.

Однако вскоре из-за отстранения Бакиева от власти этот вопрос вновь стал открытым. И на какое-то время для мирового сообщества было загадкой то, как в этой ситуации поведут себя новые киргизские власти: останутся ли они приверженными уже заключенным договоренностям либо в благодарность за оказываемую Москвой поддержку проявят лояльность к России и другим членам ШОС. Некоторые исследователи не верили в новое правительство Киргизии и полагают, что новоприбывшие официальные лица захотят пересмотреть договоренности старого правительства с Соединенными Штатами. Другие же, более оптимистично настроенные исследователи говорили, что временное правительство на тот момент было слишком обеспокоено тем, чтобы не потерять поддержки Запада, и не пойдет на такой шаг²⁴. В итоге база Манас под видом центра транзитных перевозок продолжает свою работу и по сей день.

В то же время следует заметить, что базы на территории Центральной Азии являются отнюдь не единственным военным приобретением Вашингтона в данной части мира. Помимо этого, США имеют военные базы в Пакистане, в стране, имеющей статус наблюдателя в ШОС. Однако здесь сложилась довольно противоречивая ситуация. В одно время американские базы в Пакистане открывались: в 2001 г., к примеру, была открыта авиационная база Шамси для свержения власти Талибана. Иногда временно приостанавливалась

их работа. В том же 2001 г. в связи с обострением отношений с Индией Пакистан сообщил Пентагону о том, что несколько взлетно-посадочных полос Шамси возможно потребуются для проведения спецопераций, по этой причине Вашингтон не сможет ими пользоваться. Затем и вовсе базы закрывались. В 2006 г. Пакистан попросил США освободить базу в Шамси из-за использования Пентагоном боевых дронов против талибов, не согласовывая предварительно свои действия с Исламабадом.

Таким образом, на сегодняшний день до конца неизвестно, сколько баз американские войска имеют в своем исключительном владении и сколько же им приходится делить с пакистанскими военнослужащими. Официальные лица США заявляют, что они используют только базу в Шамси, и ту совместно с Пакистаном. Однако есть информация о том, что Вашингтон для укрепления своего присутствия в регионе и проведения операций в Афганистане также использует и другие военные объекты на территории Пакистана: в Далбандине, Якобабаде и Пасни²⁵.

Подводя итог, следует отметить, что отношения ШОС с внешним миром складываются пока не самым лучшим образом. Но так происходит не потому, что ШОС ведет себя как-то неправильно, как считают зарубежные эксперты. Такая реакция следует по той причине, что НАТО, и в особенности США, не готовы встретить еще одного активного игрока на мировой авансцене и даже в региональных масштабах. Однако для улучшения имиджа Шанхайской организации в мире и преодоления перманентного недоверия и скептицизма к ней ШОС необходимо активизировать свои конструктивные действия в регионе. К примеру, это касается более активного участия в установлении стабильности в регионе, в том числе и за счет оказания гуманитарной помощи Афганистану и восстановления инфраструктуры в стране для зарождения инвестиционного климата и улучшения жизни населения. Это поможет улучшить не только имидж организации в мире, но и каждого ее участника в отдельности, после чего можно будет наладить диалог между организациями со схожими целями и задачами для получения желаемого результата в будущем.

Примечания

- ¹ Carlson C. Central Asia : Shanghai Cooperation Organization Makes Military Debut // Radio Free Europe / Radio Liberty: [сайт]. [2001]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rferl.org/content/article/1103974.html> (дата обращения : 30.10.2011).
- ² Ibid.
- ³ Ibid.
- ⁴ Op. cit.
- ⁵ Sino-Russian military exercises cause for concern // Yomiuri online : [сайт]. [2005]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/kyoiku/learning/editorial/20050826/05.htm> (дата обращения : 30.10.2011).
- ⁶ Мирная миссия –2005. // Русское онлайн издание Лента.ру : [сайт]. [2005]. [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2005/08/18/jointforce/> (дата обращения : 30.10.2011).
- ⁷ Blomfield A. Putin praises strength of ‘Warsaw Pact 2’ // Telegraph. 2007. 17.08.
- ⁸ Cédre A. Le Kremlin défie l’Amérique en Asie centrale // Le Figaro. 2007. 17.08.
- ⁹ Stern D. L. At Asian Security Meeting, Russian and Iranian Criticize the U. S. // The New York Times : [сайт]. [2007]. [Электронный ресурс] URL: http://www.nytimes.com/2007/08/17/world/asia/17kyrgyzstan.html?_r=3&scp=1&sq=august%2017%202007%20SCO&st=cse (дата обращения : 30.10.2011).
- ¹⁰ Курхмайер В. Противоречивый облик ШОС. // Немецкое издание Дойче Велле : [сайт]. [2007]. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,2742946,00.html> (дата обращения : 30.10.2011).
- ¹¹ Bensmann V. M. Für das Recht auf Despotie! // Die Tageszeitung. 2007. 17.08.
- ¹² Kurlbeck F. W. The Shanghai Cooperation Organization. Frontpagemag” // FrontPageMagazine.com : [сайт]. [2005]. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.frontpagemag.com/Printable.aspx?ArtId=7687> (дата обращения : 30.10.2011).
- ¹³ Security alliances led by Russia, China link up. // Daily Times [сайт]. [2007]. [Электронный ресурс]. URL: www.dailytimes.com.pk/default.asp?page=2007%5C10%5C06%5Cstory_6-10-2007_pg4_3 (дата обращения : 30.10.2011).
- ¹⁴ Sznajder A. P. «China’s Shanghai Cooperation Organization Strategy». // School of International Relations and Pacific Studies : V. 5. – San Diego : University of California, 2006. – P. 93. [сайт]. [2006]. [Электронный ресурс]. URL: <http://irps.ucsd.edu/assets/004/5367.pdf> (дата обращения : 30.10.2011).
- ¹⁵ Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics in Eurasia. // Johns Hopkins University, Central Asia-Caucasus Institute. A Joint Transatlantic Research and Policy Center, Silk Road Paper, – P. 31. [сайт]. [2008]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/0807Weitz.pdf>
- ¹⁶ Kimmage D. Iran and the OPEC with bombs // Asia Times : [сайт]. [2006]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/HF15Ak01.html (дата обращения : 30.10.2011).
- ¹⁷ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 5 июля 2005 г. // Официальный сайт ШОС : [сайт]. [2005]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=98> (дата обращения : 30.10.2011).
- ¹⁸ Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics in Eurasia. P. 31.
- ¹⁹ Строкань С. Винтами вперед. Ислам Каримов выдворяет американцев // Газета «Коммерсантъ». 2005. 01.08. № 140/П (3224).
- ²⁰ Киргизия закрывает авиабазу для союзников США // Британский канал ВВС : [сайт]. [2009]. [Электронный ре-

- сурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7928000/7928538.stm (дата обращения : 30.10.2011).
- ²¹ США не будут закрывать базу в Киргизии // Британский канал BBC : [сайт]. [2009]. [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7829000/7829145.stm (дата обращения : 30.10.2011).
- ²² Токтоналиев Т. Авиабазы «Манас» будут работать в другом формате. // Киргизское онлайн издание «Клупп» : [сайт]. [2009]. [Электронный ресурс]. URL: <http://kloop.kg/blog/2009/06/23/aviabaza-manas-budet-rabotat-v-drugom-formate/> (дата обращения : 30.10.2011).
- ²³ Arnoldy B. Can US supply Afghanistan war without Kyrgyzstan's Manas airfield? // The Christian science monitor : [сайт]. [2010]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Asia-South-Central/2010/0408/Can-US-supply-Afghanistan-war-without-Kyrgyzstan-s-Manas-airfield> (дата обращения : 30.10.2011).
- ²⁴ Cooley A. Manas Hysteria. // Foreign Policy : [сайт]. [2010]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/04/12/manas_hysteria (дата обращения : 30.10.2011).
- ²⁵ U. S. Refuses to "Share" Shamsi Airbase in Balochistan, or to Vacate Three Other Bases in Pakistan // Global Perspectives on the «Af/Pak» War : [сайт]. [2010]. [Электронный ресурс]. URL: <http://afpakwar.com/blog/archives/3108> (дата обращения : 30.10.2011).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94 (47). 03

МОРДВА В СИСТЕМЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Р. В. Бабинцев

Саратовский государственный университет
E-mail: roman_alany@mail.ru

Статья посвящена всестороннему рассмотрению истории мордовских племен в составе Золотой Орды, прежде всего, их территориального, административного и социального-экономического положения в рамках данного государственного образования.

Ключевые слова: мордва, Золотая Орда, мохша, эрзя, город Мохши, А. А. Кротков, Аткарский могильник, дом Бату, тамга, династические браки, Средневековье, Нижнее Поволжье.

Mordva in the Statehood's System of Golden Horde

R. V. Babintsev

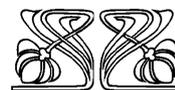
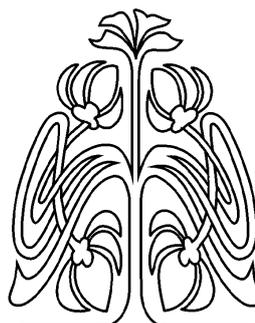
In this article author tries to review in all details the territorial, administrative and socio-economic position of mordva's tribes in the structure of Golden Horde.

Key words: mordva, Golden Horde, mohsha, erzya, Mohshy city, A. A. Krotkov, Batu's clan, tamga, dynastic matrimony, Middle age, Low Volga region.

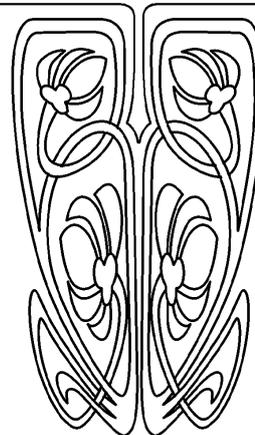
История многонациональных государств, как давно исчезнувших, так и существующих сегодня, привлекает повышенное внимание для исследователей. Объясняется это тем, что на сегодняшний день на карте мира подобные образования существуют до сих пор и не секрет, что именно взаимоотношения народов являются краеугольным камнем в вопросах их процветания, а порой даже и жизнеспособности. Одним из таких государств, оставивших заметный след в истории не только нашей страны, но и всего Старого Света в целом, была Золотая Орда. Одной из важных ее составляющих были, несомненно, и мордовские племена.

Целью данной статьи является попытка всестороннего рассмотрения мордовских племен в составе Золотой Орды, прежде всего, их территориального, административного, социально-экономического положения в рамках данного государственного образования, а также ряда других смежных с этим вопросов.

Сам процесс подчинения мордовских племен монгольскими завоевателями прошел в два этапа. Первый из них нашел отражение в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина, датируясь «годом курицы», то есть 634 г. х., или 1236–1237 гг. В разделе указанной книги под названием «Рассказ о войнах, которые вели царевици и войско монгольское в Дешт-и-Кипчаке, Булгаре, Руси, Мокше, Алании, Маджаре, Буларе (Польше) и Башгирде (Венгрии) и завоевании ими тех стран», Рашид-ад-Дин отмечает, что «сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угетай-кагана – Кадан, внук Чагатай – Бури и сын Чингиз-хана – Кулькан занялись войной с мокшей, бургасами и арджанами и в короткое время завладели ими»¹. Русская Типографская летопись датирует вторжение монголов в мордовские земли 6747 (1239) г.: «На тоу же зиму взяша Батыеве Татарове Мордовскую землю...»² В данной связи крайне любопытным предстает сообщение Юлиана Венгерского о «царстве морданов»: «Там было два князя: один князь со всем народом и семьей

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил»³. Таким образом, можно считать установленным, что татарам покорился мокшанский князь, а под другим князем, который отошел к «твердым», расположенным в районе Нижнего Новгорода, Юлиан имел в виду эрзянского князя⁴.

Окончательное покорение мордвы монголами произошло только после их возвращения из похода в Западную Европу, о чем свидетельствует Плано Карпини. Он пишет, что монголы, возвратившись из Венгрии, «пришли в землю мордванов, которые суть язычники, и победили их войною»⁵. Под мордванами в данном случае подразумевается мордва-эрзя, так как мордва-мокша уже подчинилась монголам и вместе с ними участвовали в походе на Западную Европу. Об этом свидетельствуют данные «Великой хроники» Матфея Парижского, в которой приводится послание епископа Вацкого (Венгрия) парижскому епископу Гильому III Овернскому, датированное от 1239 до 1242 г., где сказано, что впереди монголов «идут некие племена, именуемые морданами, и они уничтожают всех людей без разбору». Письмо Вацкого епископа цитируется и в анналах Уэйверлейского аббатства (Англия), где о монголах сказано, что «на пути впереди них идут некие племена, именуемые морданами, которые без разбору уничтожают людей, которых повстречают». Там же указывается источник сведения письма Вацкого епископа о мордве в составе монгольского войска, которым служат показания пленных монгольских лазутчиков⁶. Об участии мордвы в европейском походе сообщает и Вильгельм де Рубрук «Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно татары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому Моксель очень одобряет Германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства татар»⁷.

Территориально пространство, заселенные мордовскими племенами, размещались в обширном лесном массиве, тянувшемся к востоку от реки Мокши на 700 км, вплоть до Волги, ширина которого с севера на юг составляла около 300 км⁸ – «огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель»⁹. До настоящего времени на территории Мордовии сохранилось значительное число населенных пунктов с названием Потьма, что значит, «далекое место в лесу», «глушь». Освоение подобных территорий монголов не интересовало, но проживавшее здесь мордовское население на протяжении всей истории Золотой Орды, несомненно, находилось под полным политическим влиянием и контролем монголов, на чем мы подробнее остановимся ниже. Известные в настоящее время археологические памятники мордвы XIII–XIV вв. (городища, селища, могильники) позволяют довольно полно обрисовать территорию ее обитания в это время. Западный район

расселения мордовских племен включал бассейны рек Цны, Мокши, Вада; восточный ограничивался левобережьем Суры – бассейны Алатыря и Пьяны. Северные земли включали южную часть современной Нижегородской области¹⁰. Вместе с тем было и заметное продвижение на юг: именно на XIII – XV вв. приходится второй этап мордовской колонизации Нижнего Поволжья¹¹. Нижневолжские земли в раннем железном веке являлись одним из регионов формирования мордовского этноса (памятники Городецкой археологической культуры встречаются вплоть до южных районов Саратовской области), откуда ее представители, по-видимому, были вытеснены в эпоху «великого переселения народов» в северные лесостепные и лесные районы¹².

Одной из главных составляющих исторической науки по-прежнему остается экономика. Мордовские племена со времен своих далеких предков имели длительную оседлую традицию, а основу их хозяйства к моменту завоевания составляло пашенное земледелие (переход к данной его форме взамен подсечно-огневого произошел еще в XI в.)¹³. В связи с этим совершенно логичным видится тот факт, что захватчики, составившие впоследствии элиту золотоордынского государства и занимавшиеся кочевым скотоводством, использовали мордовские земли в качестве сырьевой базы для обеспечения себя продукцией сельского хозяйства и лесных промыслов. Более того, территория мордовских племен была одним из двух главных регионов, наряду с Волжской Булгарией, обеспечивающей Золотую Орду хлебом и фуражом¹⁴. По мнению В. И. Лебедева, именно это обстоятельство и заставило татар начать осваивать территории по бассейнам рек Мохши, Суры и Цны и непосредственно селиться там во время сильной засухи начала XIV в.¹⁵ Этот импульс был настолько силен, что административный центр улуса был перенесен из Увека (Укека) в город Мохши, основанный ордынской администрацией в долине одноименной реки.

На этом месте стоит остановиться поподробнее. В мордовских землях в данный период времени город Мохши, расположенный у современного села Наровчат Пензенской области, является единственным известным науке на сегодняшний день¹⁶. Этот факт, вкупе с дополнительными сведениями, такими как значительные размеры города, отсутствие каких-либо остатков крупной производственной деятельности, а также его расположение в стороне от оживленных торговых путей, вполне однозначно говорит о том, что Мохши являлся именно административным центром¹⁷. Центром, контролирующим мордовские племена. Пожалуй, можно выделить несколько причин осуществления такого непосредственного контроля над мордовскими племенами. Первая и самая главная причина, по мнению А. А. Кроткова, это отсутствие сильной власти среди местной аристократии, способной взять сбор налогов на

себя, как это было, например, на Руси¹⁸. В рамках данного утверждения следует отметить, что некая форма децентрализации отмечена для нижневолжской мордвы XVII–XVIII вв., расселявшейся в основном дисперсно, в отрыве от основного этнического массива и при довольно слабых связях между собой¹⁹. Эта модель расселения, естественно, с ограничениями и оговорками вполне может быть перенесена и на более ранний исторический период. Во-вторых, процесс подчинения мордвы, дался монголам нелегко, о чем было сказано выше. Окончательно мордовские племена были покорены монголами только после их возвращения из похода в Западную Европу. Это, по-видимому, заставляло держать этот регион, абсолютно чуждый им с точки зрения природно-географического ландшафта, под своим пристальным вниманием. В этой связи интересную особенность подметил еще А. А. Кротков, заметивший, что город появился в момент наивысшего подъема и наибольшей централизации Золотой Орды в истории, а именно в период правления хана Узбека²⁰. Более того, в течение первых восьми лет правления Узбека город Мохши являлся его резиденцией²¹ (что, впрочем, было связано и с другими событиями в политической жизни Орды). Необходимо констатировать, что мордовское население на протяжении всей истории Золотой Орды, несомненно, находилось под полным политическим влиянием и контролем монголов. Особенно ярко об этом свидетельствуют события XIV в. Представители мордовской знати постоянно выступали в союзе с монголами, принимая участие в крупных военных акциях против Руси²². Вместе с тем, хочется выдвинуть предположение о том, что союз с ордынской администрацией и соответственно их непосредственное присутствие в землях расселения мордвы – это звенья одной цепи, так или иначе связанные с сопротивлением русской колонизации этих территорий и племен. Хорошо известно, что ордынские правители не гнушались политики, суть которой заключалась в поддержании напряженных отношений как между покоренными племенами и народами, так и внутри них. Об этом, например, ярко свидетельствуют события, хорошо известные по истории Руси. В этой связи высказанное нами предположение не кажется невероятным, тем более, что оно не опровергает вышеизложенных причин возникновения именно такой системы взаимоотношений между правителями улуса Джучи и мордовскими племенами, лишь дополняя их.

Наиболее интересным и при этом загадочным моментом в тематике данной работы представляется факт «династического брака» между мордовским «князем» и «принцессой» из золотоордынского ханского рода. Необычности добавляет и то, что этот факт, хорошо знакомый в отечественной науке последних лет, задокументирован благодаря археологической находке, а не сведениям из письменных источников. Речь идет о

парном погребении № 58 из Аткарского грунтового могильника XIII–XV вв. (раскопки С. В. Ляхова 1997 г.), где в женской половине погребения была обнаружена подвеска с тамгой дома Бату²³. Это погребение является уникальным, так как ничего подобного не было найдено ни до, ни после этого. Сразу следует оговориться, что на данный момент, согласно сводке А. Г. Шереметьева, известно всего 7 подобных подвесок, включая находку из-под Аткарска²⁴. Из них еще одна происходит из погребального комплекса, но, что также важно, мужского. Остальные являются случайными находками с поселенческих памятников, либо обстоятельства их обнаружения неизвестны. Нет смысла вдаваться в дальнейшие подробности, касающиеся данной категории предметов материальной и духовной культуры Золотой Орды. Изучена она весьма слабо, несмотря на старания М. Г. Крамаровского и А. Г. Шереметьева, в первую очередь из-за немногочисленности источниковой базы, скажем лишь, что принадлежность девушки, захороненной в Аткарском могильнике, к ханскому роду золотоордынского государства на данный момент является бесспорным фактом. Однако предположение М. Г. Крамаровского, весьма смело интерпретирующего принадлежность усопшего из данного погребения к одному из сторонников Арабшаха (1373–1378), отличившихся в сражении на реке Пьяне в 1377 г. с войсками московского князя Дмитрия Ивановича²⁵ вслед за А. Г. Шереметьевым, кажется нам маловероятным²⁶.

Рассмотрим эпизод с данным династическим браком через призму других событий, известных нам благодаря письменным источникам, касаемо ситуации с подобными браками. Известно на сей счет не так много, однако попытаемся вывести некую общую концепцию характера династических браков в Улусе Джучиевом. Наибольший интерес вызывают события, в которых ханы выдавали своих близких родственниц замуж за иностранцев. Наиболее известными являются такие события, как брак египетского султана аль-Малик аль-Насира с принцессой Тулунбай (точная степень ее родства с Узбеком доподлинно неизвестна)²⁷, доставленной в Каир в 1320 г., и браки ордынских принцесс с русскими князьями. Не останавливаясь на этих событиях более подробно, следует отметить одну важную деталь – браки эти заключались с правителями либо независимого государства-союзника (к примеру Египт), либо вассальных земель, не входивших непосредственно в состав Золотой Орды (например, Русь). Мордовские же племена, как было сказано выше, не относились ни к тем, ни к другим, будучи управляемыми непосредственно ордынской администрацией в единственном известном науке городе улуса – Мохши. На наш взгляд, подобное разграничение вассальных племен и народов Ордынского государства в данном вопросе имеет смысл, так как в известной нам письменной традиции нет ни одного упоминания о подобном браке с представителем элиты

племени или народа, напрямую входящего в подчинение золотоордынской администрации.

В этом случае важное место начинает играть датировка погребения № 58 Аткарского могильника, так как она может приблизить нас к ответу на один из ключевых вопросов данной темы – был ли этот брак событием единичным, вытекающим из внутривосточной обстановки в Орде в какой-то конкретный временной промежуток, или же перед нами один из фрагментов неизвестной нам тенденции взаимоотношений мордовских племен и Золотой Орды? К сожалению, не существует узкой датировки данного комплекса, датируемого исследователями по инвентарю в пределах времени практически всего функционирования могильника – XIII–XIV вв.²⁸ Это и позволило М. Г. Крамаровскому соотнести погребенного мужчину с участником событий 1377 г., о чем уже было сказано. Благодаря косвенным данным, таким как изображение ланей и растений на пряжках, происходящих из погребения № 11 той же северной части могильника, А. Г. Шереметьев сделал предположение о сужении верхней хронологической даты и погребения № 58 до середины XIV в.²⁹ Однако доказательная база этого предположения не кажется нам убедительной в части распространения ее на весь северный участок могильника, в частности на погребение № 58. Вместе с тем, предварительная датировка личных статусных подвесок с джучидскими тамгами, выполненная все тем же А. Г. Шереметьевым, видится вполне обоснованной. Верхним рубежом их существования называется середина XIV в., а причиной угасания традиции их ношения – постепенная исламизация³⁰.

Подобная трактовка не только не позволяет соотносить погребенного мужчину из Аткарского могильника со сторонником Арабшаха, но, по-видимому, и вообще с какими бы то ни было событиями периода в истории Золотой Орды, известного как «великая замятня», что, безусловно, представлялось наиболее логичным. Совершение брака в контексте высказанного выше предположения о политике ордынской администрации в области русско-мордовских взаимоотношений не очень вяжется с местом нахождения подвески, являющимся крайней южной точкой обитания мордвы в указанный исторический период. Приходится констатировать, что, скорее всего, данный брак был единичным и из ряда вон выходящим событием в рамках взаимоотношений мордовских племен с властью Золотой Орды, причина которого нам неизвестна.

Примечания

- 1 Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М., 1941. С. 36.
- 2 ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроград, 1921. С. 94.
- 3 Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 85–86.
- 4 Очерки истории Мордовской АССР. Т. I. Саранск, 1955. С. 42; Антонов И. В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа, 2012. С. 171.
- 5 Карпини Иоанн де Плано. История Монголов. СПб., 1911. Рубрук де Вильгельм. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 47.
- 6 Юрченков В. А. Взгляд со стороны: очерки. Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI–XVIII столетий. Саранск, 1995. С. 63–64.
- 7 Карпини Иоанн де Плано. Указ. соч. Рубрук де Вильгельм. Указ. соч. С. 110.
- 8 Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 2009. С. 43.
- 9 Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. Вильгельм де Рубрук. Указ. соч. С. 110.
- 10 Егоров В. Л. Указ. соч. С. 43–44.
- 11 Малышев А. Б. Мордва Нижнего Поволжья: дискретность локального этногенеза // Народы Саратовского Поволжья: история и современность. Саратов, 2005. С. 15.
- 12 Там же.
- 13 Алихова А. Е. Мордовские могильники X–XIV вв. // КСИИМК. Вып. XXV. М., 1949. С. 138.
- 14 Лебедев В. И. Загадочный город Мохши. Пенза, 1958. С. 38.
- 15 Там же.
- 16 Егоров В. Л. Указ. соч. С. 106.
- 17 Там же. С. 106–107.
- 18 Кротков А. А. К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства // Известия Общества Обследования и Изучения Азербайджана. 1928. № 5. С. 77.
- 19 Малышев А. Б. Указ. соч. С. 15–16.
- 20 Кротков А. А. Указ. соч. С. 77.
- 21 Лебедев В. И. Указ. соч. С. 37–38.
- 22 Егоров В. Л. Указ. соч. С. 43.
- 23 Ляхов С. В. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999. С. 94–96.
- 24 Шереметьев А. Г. Личные статусные подвески с джучидскими тамгами: вопросы хронологии, интерпретации и использования // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. В печати.
- 25 Крамаровский М. Г. Фуджин для мордовского князя // Родина. 2003. № 11. С. 94.
- 26 Шереметьев А. Г. Указ. соч.
- 27 См.: Волков И. В. Золотоордынская принцесса, современные «историки-новаторы» и город Сарай ал-Джедид, не связанные между собой // Нижневолжский археологический вестник. 2006. Вып. 8.
- 28 Шереметьев А. Г. Указ. соч.
- 29 Там же.
- 30 Там же.

УДК 930.26 (471.327)

ТОРГОВЫЙ ПУТЬ ОТ БЕРЕГОВ ВОЛГИ В ДРЕВнюю РУСЬ ЧЕРЕЗ ВЕРХНЕЕ ПОСУРЬЕ И ПРИМОКШАНЬЕ В XI–XIV веках

К. М. Киреева

Пензенский государственный педагогический университет
им. В. Г. Белинского
E-mail: kire-karina@yandex.ru

В данной статье рассматривается торговый путь, ведущий из района Самарской Луки в Древнюю Русь через Верхнее Посурье и Примокшанье. Как показали археологические исследования, эта торговая магистраль функционировала на протяжении всего Средневековья. Однако благодаря этой дороге осуществлялись не только торговые контакты, но и миграционные процессы, и военные походы.

Ключевые слова: Самарская Лука, Древняя Русь, Верхнее Посурье и Примокшанье, торговый путь, Волжская Булгария, Золотая Орда.

The Trade Route from the Volga Banks to the Ancient Rus' through the Upper Posur'ye and Primokshan'ye from the 11th unto 14th Centuries

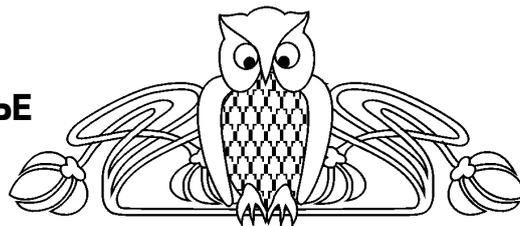
К. М. Kireyeva

In this article it is considered the trade route from the region of the Samara's Bend unto the Ancient Rus' through the Upper Posur'ye and Primokshan'ye. As we can see from the archeological researches that trade route was working during all the Middle Ages. But thanks to that route not only trade contacts but migrating process and military marches were taking place there.

Key words: Samara's Bend, Ancient Rus', Upper Posur'ye and Primokshan'ye, trade route, Volga's Bulgaria, Golden Horde.

Регионы Верхнего Посурья и Примокшанья в период с X в. до начала XIII в. располагались между двумя крупнейшими раннефеодальными государствами Восточной Европы – Волжской Булгарией и Древней Русью. Долгое время в науке господствовала точка зрения о том, что в предмонгольский период через верхнесурские земли пролегла сухопутная торговая магистраль между Киевом и Булгаром¹. Предпринимались даже попытки практического изучения этого пути – в 1989 г. была создана комплексная экспедиция, однако между Хопром и Доном оказался участок гипотетической торговой дороги, на котором не были обнаружены археологические памятники². Аналогичный участок, судя по карте, расположен в отрезке между Юловским и Карсунским городищами. К тому же сам путь, согласно карте, начинаясь из Волго-Камья и доходя вплоть до с. Юлово, географически проходил по труднопроходимой лесистой и местами сильно пересеченной местности.

В последнее время в качестве альтернативы этой торговой магистрали В. А. Винничеком был

предложен путь, ведущий из района Самарской Луки в западном направлении через Верхнее Посурье и Примокшанье в Древнюю Русь³. Этот путь, очевидно, функционировал на протяжении всего Средневековья и сыграл во многом определяющую роль в развитии политических, торгово-экономических и межэтнических контактов местного верхнесурского и примокшанского населения с соседними народами.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что уже в первые века I тыс. н.э. население Верхнего Посурья вступало в контакты с прикамскими племенами⁴. С образованием в X в. Волжской Булгарии контакты населения Верхнего Посурья и Волго-Камья стали носить уже не эпизодический, а постоянный характер. А на рубеже X–XI вв. экономические интересы булгар переросли в политические, в результате чего к началу XI в. земли в верховьях Суры были колонизированы булгарами, в регионе прекратили функционирование все мордовские поселения, и произошла резкая смена материальной культуры. Земли в верховьях Суры вошли в состав Волжской Булгарии в качестве ее юго-западных территорий. В верховьях Мокши булгарская колонизация носила незавершенный характер и, начавшись в XII в. она продолжалась вплоть до монгольского нашествия в 1237 г. в результате колонизации в Примокшанье стали возникать поселения с булгарской материальной культурой, которые, однако, чересполосно функционировали наряду с мордовскими памятниками.

Путь, по которому проникали булгары в верховья Суры, на наш взгляд, проходил из центральных районов Волжской Булгарии по равнинному левобережью Волги до района Самарской Луки, где функционировали удобные переправы через реку, далее он уходил южнее Сурской Шишки по степной долине рек Сызранка и Канадейка, которая в верховьях тесно смыкалась с речной системой Суры. Это был естественный проход через труднопроходимый лесистый участок Привожской возвышенности. Булгарские поселения отмечены непосредственно вблизи выхода сызранской долины к Волге в районе Самарской Луки, где расположено одно из крупнейших булгарских поселений X – начала XIII в. – Вальнское городище, известное как Муромский Городок, являвшийся, очевидно, крупным центром транзитной торговли⁵. Непосредственно по территории Пензенской области путь, идущий от Самарской Луки в западном направлении, в предмонгольское время

проходил через Никольское селище (XI–XIV вв.) по левому берегу Суры вплоть до брода в районе Чаадаевского городища (XI– начало XIII в.), где раздваивался на две дороги, одна из которых продолжалась по левобережью, а вторая вводила уже по правому берегу Суры к многочисленной группе домонгольских памятников, а впоследствии пересекала Суру в районе Каменного брода (у с. Алферьевка) и далее уходила в северо-западном направлении – в Примокшанье и северо-восточные земли Древней Руси⁶. При этом необходимо отметить, что контакты населения Верхнего Посурья и Примокшанья с Древней Русью зародились не позднее начала XI в. и были ориентированы прежде всего на ее северо-восточные княжества, что убедительно подтверждается археологическими материалами⁷.

По-видимому, этим же путем, идущим от Самарской Луки на запад к верховьям Суры и Мокши, двигались монгольские войска в 1237 г. Это событие нашло отражение в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина: «В такику-иле, то есть в год курицы, соответствующий 634 г. (=4 IX 1236 – 23 VIII 1237), сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угетай-каана – Кадан, внук Чегатая – Бури и сын Чингиз-хана – Кулькан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими»⁸. Судя по многочисленным предметам вооружения, в Верхнем Посурье на Золотаревском поселении, поздней осенью 1237 г., местными жителями было оказано сопротивление монгольской армии. По-видимому, население региона знало о приближении монгол, о чем свидетельствуют многочисленные вещевые комплексы, оставленные на поселениях, и готовилось отразить атаку, собрав дружину из близлежащих верхнесурских и примокшанских болгарских наместничеств. Монгольское войско победило в этой битве, но понесло большие потери. За свою непокорность верхнесурское население было полностью уничтожено, а поселения – сожжены. Зимой 1237 г. была сожжена Рязань.

С образованием Золотой Орды земли в верховьях Суры и Мокши вошли в состав этого государства. Административно-политическим и экономическим центром Примокшанья в золотоордынский период являлся город Мохши, в котором уже в начале XIV в. (в 709 г.х.) началась чеканка серебряных монет хана Токты. В самом начале правления Узбека в Мохши был перенесен центр улуса из Укека, а поселение превратилось в крупный благоустроенный город. В Мохши активно развивались ремесла (гончарное, деревообрабатывающее, ювелирное, кузнечное, косторезное и др.) и торговля.

Географическое расположение города Мохши вблизи северо-западной границы Золотой Орды способствовало активному развитию внешней торговли, прежде всего с Древней Русью. Кроме того, А. Е. Алихова еще в 60-х гг. XX в. отмечала, что в Мохши зафиксирован целый район, в кото-

ром проживало славянское население⁹. Наряду с контактами с Древней Русью, в золотоордынский период население верховий Суры и Мокши имело тесные контакты с Волго-Камьем и городами Нижнего Поволжья, о чем свидетельствуют археологические и нумизматические материалы¹⁰.

Из района Самарской Луки до Булгара дорога, очевидно, шла по левому берегу Волги, поскольку противоположный берег отличался трудной проходимостью. От Самарской Луки (где располагалась целая группа золотоордынских поселений), а именно от переправы в районе устья реки Сызрани, путь пролегал строго на запад через городища Канадейское и Костычи, достигал верховьев Суры, где располагалось Никольское селище, далее проходил по левому берегу Суры и через Саловское I селище вводил в Примокшанье к г. Мохши и на Русь. По-видимому, по этой дороге были привезены с Самарской Луки в Примокшанье резные известняковые блоки для постройки мечети в г. Мохши¹¹. Более того, именно этим путем, как отмечал В. Л. Егоров, двигалась армия Тохтамыша на Русь в 1382 г. и, не доходя до г. Мохши, «свернула прямо на запад, к рязанским пределам. Где-то в этом районе, непосредственно перед Рязанской землей, как отметил летописец «на Серначе», дорогу Тохтамышу переехали посланные с изъявлениями покорности сыновья нижегородского князя Дмитрия Константиновича»¹².

Итак, Верхнее Посурье и Примокшанье в предмонгольский период представляли собой окраинные юго-западные земли Волжской Булгарии, граничащие с северо-восточными русскими княжествами, а в XIII – XIV вв. являлись частью Золотой Орды и по-прежнему располагались в непосредственной близости от границ Древней Руси. Связи периферийных территорий со столичными центрами осуществлялись посредством широкой сети внутригосударственных торговых путей. Одной из дорог, связывающих побережье Волги и, таким образом, Великий Волжский путь с Верхним Посурьем и Примокшаньем была торговая магистраль, ведущая от Самарской Луки через верховья Суры и Мокши к северо-восточным границам Древней Руси.

Примечания

- 1 См.: Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК. М., 1952. Вып. 43. С. 3–44; Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев // МИА : Древности Восточной Европы. 1960. № 169. С. 189–196; Полесских М. Р. В недрах времен. Археологические памятники в Пензенской области. Пенза, 1956. С. 73, 86–89; Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар – Киев – пути – связи – судьбы. Киев, 1997; Белорыбкин Г. Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 89–95; Белорыбкин Г. Н. Путь из Булгара в Киев // Великий Волжский путь : история формирования и развития : материалы круглого стола

- «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Междунар. науч.-практ. конф. «Великий Волжский путь» (Казань – Астрахань – Казань, 6–16 авг. 2001 г.). Казань, 2002. С. 63–81 ; Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003. С. 159–161.
- ² См.: Белорыбкин Г. Н. 2002. Указ. соч. С. 64, 68.
- ³ См.: Винничек В. А. К вопросу о северной части торгового пути от Уека к Мохши // Пензенский археологический сборник / под общ. ред. Г. Н. Белорыбкина. Пенза, 2012. С. 41–42.
- ⁴ См.: Белорыбкин Г. Н. Усть-Узинский 2 могильник // Пензенский археологический сборник / под общ. ред. Г. Н. Белорыбкина. Пенза, 2008. С. 39; Гришаков В. В., Винничек В. А. Эполетообразная застежка с верховьев Суры // Археология восточноевропейской лесостепи : сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения видного российского археолога А. Е. Алиховой (11–14 нояб. 2002 г.) / отв. ред. Г. Н. Белорыбкин, В. В. Ставицкий. Пенза, 2003. С. 294, 301. Рис. 1, 1; Винничек В. А. Материальная культура Степановского I селища // Пензенский археологический сборник / под общ. ред. Г. Н. Белорыбкина. Пенза, 2010. С. 153. Рис. 1, 22.
- ⁵ См.: Вискалин А. В. Самарский вариант переправы через Волгу на пути из Киева в Булгар // Путь из Булгара в Киев : материалы науч. конф. «Путь из Булгара в Киев» (26–27 февр. 1991 г.). Казань, 1992. С. 40–46.
- ⁶ См.: Винничек В. А. 2012. Указ. соч. С. 42.
- ⁷ См.: Винничек В. А. Древнерусские украшения и предметы религиозного культа с домонгольских поселений Верхнего Посурья // Археологическая экспедиция : новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2008. С. 366–372.
- ⁸ Цит. по: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды : в 2 т. М. ; Л., 1941. Т. II. Извлечения из сочинений арабских, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. С. 36.
- ⁹ См.: Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 116–120.
- ¹⁰ См.: Винничек В. А. Второй комплекс серебряных монет и украшений с Никольского селища // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Проблемы хронологии и этнической истории : тез. докл. II Межрегион. науч. конф. Саранск, 2003. С. 43–50 ; Винничек В. А., Лебедев В. П. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов / под ред. П. Н. Петрова. М. ; Н. Новгород, 2004. Вып. V. С. 119–148.
- ¹¹ См.: Лебедев В. Загадочный город Мохши. Пенза, 1958. С. 29.
- ¹² Цит. по: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 211–212.

УДК 94(47).044+908(470)|1590/1591|

ОСНОВАНИЕ САРАТОВА И ПЕРВЫЕ ГОСТИ ГОРОДА (1590–1591)

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы начальной истории Саратова. Подробно разобраны источники об основании Саратова, а также впервые приведены имена людей, посетивших этот город вскоре после его постройки.

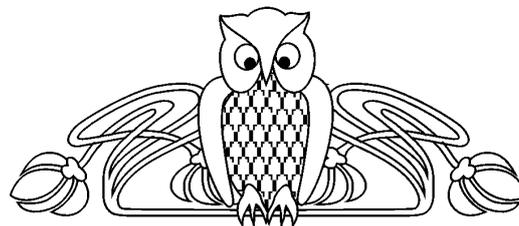
Ключевые слова: Саратов, Григорий Осипович Засекин, Борис Владимирович Лодыгин, Бутак-бек, грузинские послы, Семен Григорьевич Звенигородский.

The Foundation of Saratov and First Town's Visitors (1590–1591)

Ya. N. Rabinovich

The article describes the unknown pages of the early history of Saratov. The sources of the foundation of Saratov are discussed in details, and the names of people who visited the city shortly after it was built are first given.

Key words: Saratov, Grigoriy Osipovich Zasekin, Boris Vladimirovich Lodygin, Butak-bek, georgian ambassadors, Semyon Grigor'evich Zvenigorodskiy.

Наиболее ранний официальный документ, который упоминает о существовании первоначального Саратова, – это «Наказ царя Федора Ивановича» астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину, который был дан в 1591 г. Этот источник хорошо известен саратовским краеведам. «Наказ», в свою очередь, состоит из нескольких документов. Один из них – это «Память боярину и воеводам князю Ивану Васильевичу Ситцкому с товарищи». В данном документе говорится, что из-за длительной задержки астраханскими воеводами купеческих судов с солью и рыбой эти суда не успевают в течение одной навигации доплыть до Казани и Нижнего Новгорода. В лучшем случае купцам приходится зимовать в новых городах Царицыне, Саратове и Самаре, а в худшем – бросать товары на пустынных волжских берегах.

В этом документе читаем: «Да и те торговые люди, которые ездят в Астрахань на соль для своих промыслов, бьют же челом государю по вся

годы, что деи их боярин и воевода и дьяк держат в Астрахани долго ж, а по соль их не отпустят, и для того суды их с солью и с рыбою до заморозков вверх не всходят, мерзнут деи на Волге меж Переволоку и Саратова, а иные меж Саратова и Самары, а ближние меж Самары и Казани»¹.

В том же наказе имеется ещё две примечательные записи, относящиеся к первым месяцам существования Саратова и его первым воеводам (челобитная одного из атаманов и донесение саратовского воеводы). Волжский атаман Микита Болдырь «бил челом» за себя и за своих 40 товарищей – казаков, что их «в прошлом де 97 году (1588/1589 г.) громили на Волге Черкасы ... и ранили, и держали его у себя в полону шесть недель, и он от них ушел, да у них же деи он поймал трех человек казаков воров и привел на Переволоку к воеводе ко князю Григорью Засекину, да к Ивану Нацюкину». Под «Черкасами» подразумеваются запорожские казаки, которые часто действовали вместе с донскими и волжскими казаками. Нападение этих воровских казаков атамана Бориса Татарина и черкасов на отряд Микиты Болдыря произошло в районе Змеевых гор (район современного Вольска). Следует отметить, что Микита Болдырь бежал от черкасов не к Саратову, которого тогда (в 1588/89 г.) ещё не существовало, а дальше вверх по Волге в сторону Самары. Вскоре Микита Болдырь повстречал караван, на котором находился воевода князь Г. О. Засекин со своими людьми. Григорий Осипович Засекин в это время направлялся из Самары строить новый город на Переволоке (Царицын). Атаман Болдырь присоединился к отряду Г. О. Засекина, проплыл мимо памятного места своего недавнего погрома и района будущего Саратова, а затем принял участие в строительстве нового города Царицына.

Из этого нового города Царицына воевода Г. О. Засекин в том же 1589 г. отправил «детей боярских Остафья Соловцова, да Ивана Веревкина, да Гаврила Левашова» со стрельцами, а также атамана Микиту Болдыря с казаками в район Курдюма, Чардыма и Керешки, которые служили гнездом для воровских казаков атамана Андрюшки Голощапа. Князь Г. О. Засекин, по-видимому, знал, что в ближайшее время ожидается прибытие важных посольских караванов, нападение на них могло быть чревато крупными международными осложнениями. Поэтому воевода предпринял необходимые меры для расчистки водного пространства. Окрестности будущего Саратова в то время были излюбленным местом обитания многих волжских атаманов. В результате этой экспедиции воровские казаки были разгромлены, а их атаман А. Голощап взят в плен и приведен в новый город Царицын. Далее в своей челобитной атаман Микита Болдырь сообщает важные сведения об основании Саратова: «Да в 98 (7098 г. – 1589/90 г.) же году посылали его из новаго города с Саратова воевода князь Григорей Засекин да Федор Туров с сотником стрелецким с Иваном с Бирюевым для

воровских атаманов и казаков, и они деи изымали на Медведице воровского атамана Треню Щеголева и привели на Саратов»². Таким образом, к 31 августа 1590 г. (конец 7098 года) город Саратов уже существовал.

Челобитная Микиты Болдыря – это первое упоминание в актовых материалах о существовании Саратова, о его первых воеводах Григории Засекине и Федоре Турове, а также о составе гарнизона новой крепости. Из этого города воеводы Засекин и Туров в соответствии с государевым наказом организовали экспедицию для борьбы с воровскими казаками на Волге. В донесении царю Федору Ивановичу саратовский воевода князь Григорий Засекин сообщал, что в состав отряда Ивана Бирюева входили казанские конные стрельцы, а также волжские атаман Микита Болдырь, Офона Губарь, Трофим Лавринов, Иван Погоняев: «В нынешнем 99 (1590/1591) году писали ко государю из Саратова воевода князь Григорей Засекин да Федор Туров: по государеву наказу посылали они за воровскими казаками...».

Таким образом, как отмечал С. С. Краснодубровский, «в 7099 году (1590/1591) Саратов уже являлся административным центром, куда идут государевы распоряжения, т. е. именно тем, что мы называем городом»³.

В ходе этой новой экспедиции, о которой докладывали царю Федору Ивановичу саратовские воеводы Засекин и Туров, был пойман воровской атаман Треня Щеголев из станицы Саввы Долгого. Правда, самого Савву Долгого поймать не удалось. Воевода писал: «А Сава Долгой с товарищи у них утек». Мнение саратовского краеведа В. Н. Семенова, что «вскоре привели в Саратов пойманных атаманов Трелю Щеголева и Савву Долгого», следует признать ошибочным⁴. По-видимому, эти события происходили в самом начале 7099 года (в сентябре 1590 г.). Фраза «писали государю...» означает, что в 7099 г. (1590/91 г.) донесение Засекина и Турова из Саратова уже было получено в Москве, а не является временем отправки данного донесения из Саратова, но это не меняет сути дела.

Отметим для себя, что это донесение писали оба воеводы Саратова, Засекин и Туров, следовательно, к моменту отправки данного документа Григорий Осипович Засекин ещё находился в Саратове. Хорошо известно, что в 1591 г. в Саратове оставался один Федор Туров, а князь Григорий Засекин убыл из города к новому месту службы. Весной 1591 г. он получил назначение на Кавказ, в недавно построенный Терский городок, поэтому только в 1590 г. Засекин и Туров могли вдвоем писать это донесение. В Книгах разрядных имеется следующая запись о событиях весны 1591 г.: «А на Терек с весны государь послал воевод своих князь Григорья Осиповича Зубка Засекина да князя Петра князь Михайлова сына Шеховсково да голову Ивана Губина»⁵.

Маловероятно, чтобы Григорий Осипович Засекин оставался в Саратове всю зиму 1590/91 г.

и из Саратова весной 1591 г. отплыл с новыми войсками на юг, в сторону Астрахани и Терского городка. Скорее всего, князь Засекин зимой 1590/91 г. успел побывать в Москве, в Кремле, где подробно ознакомился с непростой обстановкой на Кавказе и получил новые инструкции. Здесь же в Москве ему пришлось вести местнический спор с будущим напарником – вторым воеводой князем П. М. Шеховским (в итоге была дана «безмешная грамота»), а спор решено продолжить после завершения «Терской службы»⁶.

Следующим источником об основании Саратова можно считать **разрядную запись под 7099 г.** (сентябрь 1590 – август 1591 г.), в которой записано следующее: «*В новом городе на Саратове Острове голова Федор Туров*»⁷. Исследователи по-разному объясняют словосочетание «Саратов Остров»⁸, но все сходятся в едином мнении, что фраза «новый город», означает только что построенную крепость, новую по сравнению с построенными ранее крепостями Самарой и Царицыном.

Другим источником, повествующим о времени основания Саратова, является **отрывок неизвестной летописи**, обнаруженный в составе рукописного сборника, хранящегося в Государственном историческом музее. Опубликовавший этот летописный отрывок в 1941 г. М. Н. Тихомиров в результате тщательного анализа рукописи и самого текста выяснил, что данный текст написан сторонником царя Бориса Годунова ещё до Смуты, примерно в 1602 г., а автор являлся приказным человеком в одном из поволжских городов (Казани или Нижнем Новгороде). Рукописный сборник, в котором помещен данный текст, был подарен в XVII в. старцем Тихоном Казанцем Троицкому монастырю.

Приведем текст этого отрывка, в котором указаны даты строительства ряда поволжских городов: «*В 94 году (7094 г. – 1585/86 г. – Я. Р.) поставили на Волге город Самару... Того же году поставили город Уфинской... В лето 7096 повеле поставити в Асторохани град каменной. Того же году поставлен град Царицын на Волге. Того же году пришел из Царяграда Иеремей патриарх в царствующий град Москву, благословил и совершил в патриархи Иева, митрополита Московско-го. А в 98-м году (7098 г. – 1589/90 г. – Я. Р.) поставлен город Саратов. Того же году поставлен город в Черемисе Цивилской. В 99 году поставлен град в Черемисе Ераньской*»⁹.

Этот летописный отрывок окончательно развеял сомнения скептиков, которые не верили в подлинность **записи об основании Саратова**, написанной на чистом листе рукописного Евангелия другим почерком. Данную запись можно условно считать ещё одним источником об основании Саратова. Скептики же считали, что такую запись в книге конца XVI в. мог оставить любой человек через 100, 200 и 300 лет, подделав скоропись того времени, тем более, что эта книга вскоре исчезла.

Приняв за основу тезис, что Саратов в 1591 г. уже существовал как крепость, в которой находился постоянный стрелецкий гарнизон, а также имелась церковь, которую обслуживали несколько служителей, попытаемся выяснить, кто же мог посещать этот новый город в первые годы его существования. Судя по всему, самыми первыми гостями города были персидские послы Бутак-бек и Анди-бек, а также гилянский посол Хаджи-Хасан. Персидские послы приехали в Россию в 1589 г. вместе с возвратившимся из Ирана первым известным по источникам русским посольством Григория Борисовича Васильчикова. Мятёжный правитель иранской провинции Гиляна Ахмед-хан также в 1589 г. отправил в Россию своего посланника Хаджи-Хасана, теперь возвращавшегося на родину. Необходимо учесть, что в те годы Гилян с городами Ленкорань, Энзели и Решт был самой богатой провинцией Ирана. Гилян производил основную массу шелка-сырца – главного товара иранского экспорта.

Бутак-бек, Анди-бек и Хаджи-Хасан **29 июня 1590 г.** выехали из Москвы на родину¹⁰. При самых благоприятных погодных условиях плавание по Оке от Коломны до Нижнего Новгорода и далее вниз по Волге через Саратов до Астрахани должно было занимать больше месяца. Обычно продукты в Казани выдавали из расчета плавания по Волге от Казани до Астрахани в течение 4 недели. Известен рекордный случай, произошедший через 12 лет (в 1602 г.), когда имперские послы с 11 до 27 мая, в течение 16 дней, сумели добраться из Казани до Астрахани¹¹. Но необходимо учитывать, что дорога от Москвы через Коломну, Рязань, Муром, Нижний Новгород до Казани могла занимать не менее двух недель, да ещё нужно принять во внимание, что в крупных городах послы проводили некоторые коммерческие операции.

В источниках не говорится, когда эти послы приехали в Астрахань и когда отплыли из Астрахани в Гилян. Известно лишь, что шахский двор узнал о возвращении послов в Гилян лишь летом 1591 г.¹² Возможно, что в Астрахани не было осенью 1590 г. подходящих для плавания по бурному Каспийскому морю гиланских морских судов, на которых послы должны были отплыть в Иран, и послы зазимовали в Астрахани. Не зная даты прибытия в Астрахань, трудно определить, когда иранские послы проплывали мимо Саратова. Можно предположить, что это произошло в **августе (сентябре) 1590 г.** Именно в это время иранские послы впервые увидели на прежде пустынном берегу Волги, где год назад ничего не было, новую крепость. В Саратове послы сделали кратковременную остановку. Их встречал первый воевода Саратова князь Г. О. Засекин.

Из Казани до Астрахани послов сопровождал стрелецкий голова Дворня Зюзин с крупным отрядом стрельцов. Караван состоял из многих судов. Прежде всего, это было «большое судно с чердаком» (надстройкой в виде каюты) для Бутак-бека и

его свиты, на котором также находилось двадцать человек гребцов и двадцать стрельцов для охраны и перемены гребцов. Другое судно, сделанное в Коломне (также «с чердаком»), предназначалось для Анди-бека и Хаджи-Хасана. На нем находилось 16 гребцов и 10 стрельцов. Свита послов состояла из 36 человек. Третье судно предназначалось для имущества послов. Было предусмотрено выделить четвертое судно для их имущества, если не хватит места для товаров. В состав каравана также входили два небольших «стружка» для сопровождавших послов приставов, два судна для стрельцов охраны и одно – для детей боярских, которые сопровождали караван до Нижнего Новгорода и Казани. В дальнейшем, несмотря на перемену части сопровождавшего караван личного состава, этот караван только пополнялся новыми судами. К посольству Бутак-бека присоединились в Нижнем Новгороде и Казани некоторые купцы с женами, детьми и слугами («*кызылбаишской земли Феррух с товарищи з женами и з детми и с людми их дватцать четыре человека*»). Послам также было разрешено купить по дороге дополнительно «полон немецкий» (пленных, захваченных во время Ливонской и русско-шведской войны). В Казани отряд сопровождения значительно пополнился стрельцами приказа Дворни Зюзина. Стрелецкий голова Д. Зюзин получил указание из Москвы сопровождать караван до Астрахани¹³. Эта мера предосторожности не была излишней, так как южнее Казани и Самары воровские казаки совершали частые нападения на посольские и купеческие караваны.

В это же время (**август–сентябрь 1590 г.**) в Саратове останавливались по пути из Астрахани в Москву грузинские послы царя Александра, которых звали Сулейман и Хуршит. Эти послы сопровождали русского посла князя Семена Григорьевича Звенигородского и дьяка Тарха Антонова, которые возвращались из Грузии. Православные грузины были первыми иностранцами, которые посетили только что построенную церковь в Саратове (пока трудно сказать что-либо о названии данной церкви, но то, что это была первая постройка новой крепости, сомневаться не приходится). Известно, что грузинские послы Сулейман и Хуршит уже в **ноябре 1590 г.** приехали в Москву, где имели аудиенцию у царя Федора Ивановича и правителя Бориса Годунова. Грузинские послы передали московскому правительству просьбу царя Александра о скорейшей военной помощи. Русское правительство немедленно отреагировало на эти просьбы грузинского царя. Уже в **мае 1591 г.** в Кахетию из Москвы был отправлен посол В. Т. Плещеев с обещанием, что против шамхала Тарковского (правителя на территории современного Дагестана) будут посланы 5 тысяч стрельцов и 10 тысяч черкес. Это не были пустые слова. В том же 1591 г. против шамхала ходили в поход терские воеводы Г. О. Засекин и П. М. Шаховской¹⁴.

Князь Григорий Осипович Засекин во время встречи в Саратове грузинских послов Сулеймана и Хуршита в августе–сентябре 1590 г., а также при разговорах с русским послом кн. С. Г. Звенигородским о последних событиях на Северном Кавказе, тогда ещё не мог предполагать, что это посольство сыграет важную роль в его дальнейшей судьбе, ускорит его смерть на очередном боевом посту. В Книгах разрядных записано: «*И князь Григорья Засекина на Терке не стало в сотом году (7100 г. – 1591/92 г.), и на ево место послан на Терек князь Василей Дмитриевич Хилков*»¹⁵.

Кто встречал и провожал в Саратове **летом 1591 г.** нового русского посла в Грузию В. Т. Плещеева? Скорее всего, это был соратник Григория Осиповича Засекина стрелецкий голова Федор Михайлович Туров. Сведения о воеводах Саратова за 1591–1593 гг. в источниках пока не обнаружены. Известно, что в 1593/94 г. в Саратов был назначен Иван Григорьевич Вольнский, который находился в этом городе до 1597 г. Имеется лишь одна разрядная запись за это время (1591–1592), связанная с Саратовом и его воеводой: «*А на Переволоку на Саратов город государь послал Бориса Володимерова сына Лодыгина. А на Царицыне острове в городке Ефим Вахромеевич Бутурлин*»¹⁶. Пока воздержимся от комментария данного текста...

Русский посол В. Т. Плещеев возвратился из Кахетии в Москву в **декабре 1592 г.** вместе с грузинскими послами князем Арамом и архимандритом Кириллом. Послы не могли проплыть мимо Саратова, не сделав остановок в этом городе. Саратовцы узнали о гибели своего первого воеводы и отслужили по нему панихиду. В Москве грузинские послы просили прислать новую большую рать против шамхала. Им было сказано, что уже в ближайшее время будет отправлен в поход князь А. И. Хворостинин с 15-тысячным войском.

Россия все больше втягивалась в дела на Кавказе. В этих событиях новая крепость Саратов стала играть важную роль.

Примечания

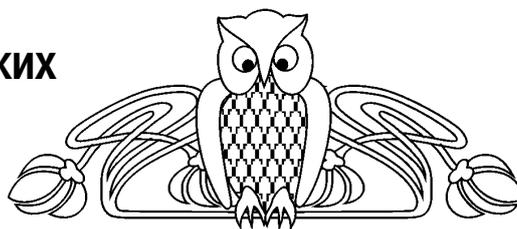
- 1 Царский наказ астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину. 1591 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 230. С. 436–437. См. также: Труды СУАК. Т. 2., вып. 2. Саратов, 1890. С. 456–457.
- 2 АИ. СПб., 1841. Т. 1, № 230. С. 445–446.
- 3 *Краснодубровский С. С.* Год основания Саратова. Речь на торжественном заседании СУАК 12 декабря 1889 г. // Труды СУАК. Т. 2, вып. 2. Саратов, 1890. С. 463.
- 4 *Семенов В. Н.* Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 22.
- 5 Разрядная книга 1475–1605. Т. 3, ч. 3 / сост. Л. Ф. Кузьмина, под ред. В. И. Буганова. М., 1987. С. 197.
- 6 Там же.
- 7 Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подготовка текста,

- вводная статья и редакция В. И. Буганова. М., 1966. С. 436.
- ⁸ Подробнее об этом см.: *Отпокова В. И.* Прошлое Саратовского края. Саратов, 1924. С. 42; *Студенцов Н. Н.* Две загадки Саратова. Саратов, 1989.
- ⁹ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в.: Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков. 1941. Т. 10. С. 93–94.
- ¹⁰ Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. Т. 1 / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Т. 20. СПб., 1890. С. 149.
- ¹¹ *Какаш и Текандер.* Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. / пер. с нем. А. И. Станкевича // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. Материалы иностранные. С. 1–54.
- ¹² *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 143.
- ¹³ Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова... С. 149–153.
- ¹⁴ *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 149–151; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 272–278.
- ¹⁵ Разрядная книга 1475–1605. Т. 3, ч. 3. С. 197.
- ¹⁶ Там же.

УДК 614.842.831(09)(470.44)

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ ДОБРОВОЛЬНЫХ ПОЖАРНЫХ ОБЩЕСТВ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XIX – начало XX в.)

Л. Г. Адамова

Саратовский государственный университет
E-mail: adamoval@mail.ru

В статье рассматривается процесс создания добровольческой пожарной охраны в России, в частности, процесс формирования и регламентации деятельности городских добровольных пожарных обществ на рубеже XIX – XX века.

Ключевые слова: Императорское Российское пожарное общество, городское добровольное пожарное общество, устав общества, противопожарная безопасность.

Regulation of Activity of City Voluntary Fire Societies of the Saratov Province in the End of the XIXth and the Beginning of the XXth

L. G. Adamova

In article process of creation of voluntary fire protection in Russia, in particular, process of formation and a regulation of activity of city voluntary fire societies at a turn of the XIX–XX century is considered.

Key words: Imperial Russian fire society, city volunteer fire society, society charter, fire safety.

Борьба с огнем издревле представляла особую проблему для власти и общества. С развитием техники изменялись способы тушения пожаров: от ведер с водой до специально разработанных инструментов. Прогресс также шёл в организации борьбы с огнём: от народного ополчения к формированию профессиональных пожарных команд.

На рубеже XIX – XX века ряды огнеборцев значительно пополнились за счет появления такой общественной организации, как добровольные пожарные общества. Эту структуру возглавило

Соединенное Российское Пожарное Общество, которое было создано во время работы Всероссийской пожарной выставки в 1892 году. В следующем году император утвердил устав данной организации.

Устав Соединенного Российского Пожарного Общества ставил следующие задачи: «борьба с пожарными бедствиями, опустошающими из года в год наше отечество, путем всестороннего развития и усовершенствования пожарного дела во всех его отраслях»¹.

Необходимо отметить, что в работе Соединенного Российского Пожарного Общества проявляли активную деятельность члены императорской семьи. Так, Великий князь Владимир Александрович был председателем Соединенного Российского общества. Его жена – княгиня Мария Павловна – также участвовала в его работе. 30 апреля 1898 года Николай II присвоил обществу титул Императорского².

Добровольные пожарные общества действовали на основании уставов и представляли собой частные «необеспеченные определенными средствами» союзы, работающие на добровольных началах. Данные организации оказали, как было отмечено на Всероссийском пожарном съезде 1902 года в Москве, несомненную услугу отечественному пожарному делу. С одной стороны, они восполняли недостаточные пожарные городские силы, с другой – привлекали к пожарному делу местную интеллигенцию, которая раньше очень мало интересовалась противопожарной деятельностью³.

О роли добровольных пожарных организаций в деле противопожарной безопасности также го-

ворил князь Д. А. Львов, отводя им место резерва для «городской команды при тушении сильно разгоревшегося пожара». При таком назначении они, по его мнению, могли оказать огромные услуги местному населению⁴.

В Саратовской губернии формирование организаций добровольной пожарной охраны можно отнести к 1884 году, когда был издан «Устав общества Саратовской вольной пожарной дружины»⁵.

Первые упоминания о желании создать в Саратове организацию добровольной пожарной охраны относятся к концу 19 века. На заседании городской думы, которое проходило 25 июня 1876 года, городской голова заявил о планах по образованию «Общества вольной пожарной дружины». Депутаты одобрили эту идею и постановили учредителям данной организации разрешить дальнейшие действия по ее созданию⁶. Однако устав общества был разработан только в 1880 году. Еще четыре года понадобилось на его согласование и публикацию, которая состоялась только в 1884 году.

Цель организации указана в § 1 данного документа: «во время пожаров в городе действовать пожарными снарядами, спасать людей и охранять имущество»⁷. Общество имело бессловесный и добровольный характер, что определялось § 2⁸.

По своей структуре общество делилось на четыре части. В состав «главного начальства» входили председатель и члены правления, отвечающие за общее руководство (§ 22). Задачей «лестничного отряда» являлось спасение людей и ликвидация сгоревших построек (§ 22, 26). Тушение пожара осуществлял «трубный отряд» (§ 22). За спасение имущества, а также удержание публики на расстоянии от места пожара отвечал «охранный отряд» (§ 22, 32, 67)⁹.

Данная организация позиционировала себя как «учреждение самостоятельное, не зависящее от общественной пожарной команды»¹⁰, с достаточно жесткой, почти военной, дисциплиной¹¹.

Открытие «Общества вольной пожарной дружины» опять затгивалось. М. И. Паули, председатель правления «саратовского общества взаимного от огня страхования» вновь поднял вопрос об его открытии лишь 1885 году¹². Из его заявления на очередном заседании городской думы становится известным, что препятствием в этом деле послужило отсутствие определенных источников финансирования. Именно из-за этой причины, как заявлял М. И. Паули, городская управа до сих пор не могла начать прием заявлений от желающих вступить в данное общество. Он предложил разрешить набор в члены общества, и из членских взносов обеспечить материальную базу организации. Однако городская дума постановила оставить заявление М. И. Паули без удовлетворения и поручить городской управе изыскание денежных средств для открытия этого общества¹³. Дальнейшая работа в этом направлении в документах никак не отражена, что позволяет нам сделать

предположение о прекращении деятельности по созданию добровольного общества в Саратове.

При участии Соединенного Российского Пожарного Общества для улучшения деятельности органов добровольной пожарной охраны был разработан «Нормальный устав городских пожарных обществ», утвержденный министром внутренних дел 23 января 1896 года. По постановлениям страхового комитета этот документ был дополнен 29 июня 1897 года и 29 июля 1900 года.

«Нормальный устав» имел большое значение в деле развития добровольной противопожарной охраны. Существенное новшество, которое он вносил, заключалось в том, что образующиеся на основании этого устава общества не нуждались в утверждении со стороны министерства внутренних дел. Достаточно было сделать заявление губернатору, который и решал вопрос об учреждении общества, а потом сообщал в министерство свое решение¹⁴. Еще одним важным нововведением было урегулирование отношения полиции к действиям добровольных пожарных обществ и команд на пожарах (§ 74)¹⁵. Также данным документом расширились права добровольных пожарных обществ. В их ведение отдавался надзор за соблюдением обывателями противопожарных мер, и в случаях их несоблюдения данные организации при содействии полиции могли привлекать виновных к законной ответственности. Обществам разрешалось образовывать в своем составе особые трубочистные отряды, которые за плату могли проводить чистку городских труб (§ 2)¹⁶.

В начале XX века в связи с принятием «Нормального устава городских пожарных обществ» и облегчением процедуры их создания активизировался процесс открытия подобных организации. Также необходимо отметить, что параллельно с организацией городских добровольных пожарных обществ довольно активно начали возникать и сельские пожарные дружины.

В Саратовской губернии наблюдалась схожая тенденция. В течение 1901 года были основаны два добровольных городских пожарных общества. Кузнецкое вольное пожарное общество начало свою деятельность с 15 мая¹⁷, а 1 июня открылось Сердобское городское пожарное общество¹⁸. С 29 августа 1913 года приступило к работе Хвалынское городское добровольное пожарное общество¹⁹. В Вольске подобная организация была создана при Глухоозерском портланд-цементном заводе в 1916 году²⁰. В период с 1900 по 1916 год в Саратовской губернии открылось более 30 сельских пожарных дружин²¹.

Как отмечалось ранее, все уставы добровольных обществ разрабатывались на основе «Нормального устава» и имели единые принципы организации. Члены общества делились на «действительных членов», «членов охотников» и «жертвователей» (§ 5)²². «Действительными членами» общества могли стать лица только мужского пола, принимающие участие в тушении

пожаров и заведующие делами общества, а также начальники пожарной команды и ее отрядов (§ 8). Обязанности «членов охотников» определялись в § 7 и заключались в тушении пожара. «Жертвователями», как указывалось в § 9, могли становиться как частные лица, так и различные общества и организации. Например, вольному пожарному обществу города Кузнецка оказывали материальную помощь саратовское губернское земство, местная городская управа, кузнецкое земство, кузнецкое общество взаимного кредита²³. Женщины в соответствии с § 9 принимались в общество только в качестве членов «жертвователей», задачей которых являлось производить в пользу организации денежные взносы или выполнять безвозмездную работу. Членами организации могли быть люди не моложе 17 лет (§ 6, п. 1). Однако в приложении к этому параграфу оговаривалось, что лица в возрасте от 17 до 21 года обязаны предоставить согласие родителей или опекуна на вступление в организацию. Там же указывалось, что такие члены не имеют права голоса на общем собрании и не могут быть избраны в правление. В состав общества на основании § 6 не принимались нижние чины, состоящие на службе, и лица, «подвергшиеся ограничению по приговору суда»²⁴.

Непосредственное руководство делами общества возлагалось на его правление, состоящее из председателя, его помощников, начальника пожарной команды и заведующего имуществом общества (§ 36). Эти должности занимали по результатам выборов, проходивших на общем собрании. Оно созывалось правлением ежегодно. Круг вопросов, рассматриваемых на общих собраниях, был очень широк и касался всех сфер деятельности общества. Решения по всем вопросам принимались простым большинством голосов. Безусловным правом голоса пользовались «действительные члены» общества (§ 24). Остальные наделялись этим правом только в особых случаях по постановлению особого собрания (§ 25).

В § 49 четко определены источники финансирования обществ²⁵. Прежде всего средства организаций формировались за счет членских взносов. Однако это далеко не единственная статья доходов. Уставом предусмотрена была возможность поступления пожертвований и субсидий, сборов от публичных увеселений, устраиваемых в пользу обществ, а также доходов с денежных капиталов и недвижимого имущества, поступлений за очистку труб и т. д. В финансовом отчете кузнецкого общества за 1915 и 1916 годы фигурируют такие статьи дохода, как членские взносы, пожертвования и пособия, доходы от продажи лошадей, квартирной платы и другие²⁶. Расходовались средства на содержание пожарных инструментов, лошадей и обмундирование членов пожарной команды.

По результатам деятельности обществ составлялись годовые отчеты, которые предоставлялись губернатору, а затем в страховой комитет министерства внутренних дел²⁷.

Пожарная команда, непосредственно принимавшая участие в тушении пожаров, состояла из «членов охотников» и «действительных членов», зачисленных в пожарную команду. В случае необходимости в её состав могли быть приглашены и вольнонаемные (§ 61). Личный состав подразделялся по роду служебных обязанностей на отряды «лазальщиков», «трубников», «водоснабжателей» и «охранителей» (§ 62). Возглавлял данное структурное подразделение начальник команды, который руководил действиями личного состава, следил за состоянием пожарного обоза, утверждал кандидатов на должность начальников отрядов, а также докладывал правлению о пожарах, учениях и смотрах (§ 65–67). В случае его отсутствия, управление брал на себя помощник начальника пожарной команды (§ 68). Эти должностные лица занимали свой пост по результатам выборов на общем собрании. Руководство отдельными отрядами осуществлялось их начальниками, в обязанности которых входило управление деятельностью своих подчиненных и надзор за исправным несением ими службы (§ 69). За пожарный обоз и другие материальные ценности отвечал заведующий имуществом, который должен был по необходимости принимать меры по ремонту вверенного ему оборудования и вести инвентаризационную ведомость (§ 70).

По своей организации пожарные команды напоминали военное подразделение. Четкая вертикаль власти, жёсткое распределение обязанностей и ответственности, прописанные в уставе, должны были обеспечить их успешное функционирование в условиях чрезвычайной ситуации.

Несмотря на то что добровольные пожарные общества являлись независимыми общественными организациями, им приходилось согласовывать свою деятельность с местными властями. Так, для создания такой организации было необходимо утверждение её устава губернатором. Иногда этот процесс мог затягиваться до полугода, как это случилось при открытии кузнецкого общества, устав которого был утвержден 29 ноября 1900 года²⁸, а деятельность началась только с 15 мая 1901 года. В других случаях это занимало меньше месяца: устав общества города Хвалынска утвердили 7 августа, а работать оно начало уже 29 августа 1913 года²⁹.

После открытия общества требовалось согласование кандидатур на руководящие должности, избранных общим собранием. Например, при согласовании должностей начальника пожарной команды и членов правления добровольного общества города Сердобска возникли некоторые трудности. Уездный исправник в рапорте саратовскому губернскому правлению выразил сомнения в правильности выбора кандидатов на эти должности³⁰. В результате рассмотрения этого дела было принято решение членов правления о том, что агента земского страхования М. С. Зубковского и его помощника В. А. Покровского в

должностях утвердить, а утверждение начальника местной тюрьмы П. В. Васильева в должности начальника пожарной команды оставить без удовлетворения³¹. Похожая ситуация произошла при согласовании должностей кузнецкого общества: в должности помощника начальника пожарной команды не был утвержден Макаровский, так как являлся помощником бухгалтера кузнецкого уездного казначейства³².

О своей деятельности общества должны были сообщать начальнику полиции. Так, § 19 и § 20 предусматривались необходимости его уведомления о дате проведения и повестке дня общих собраний общества³³.

Деятельность общества могла быть прекращена на основании постановления общего собрания. Губернатор также имел право закрыть общество в случае нарушения устава или плохой работы данной организации³⁴.

Таким образом, в регламентации деятельности добровольных пожарных обществ большое значение имело принятие «нормального устава», который существенно ускорил и облегчил процесс создания организаций данного типа. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что в начале XX века наблюдалась активизация деятельности по созданию добровольных пожарных обществ и команд, которые появляются не только в городах, но и в сельской местности. Так, в Саратовской губернии за период до 1896 года была предпринята только одна попытка создания добровольного пожарного общества, в самом Саратове. После принятия «нормального устава», с 1900 по 1916 год, было создано четыре городских добровольных пожарных общества и более 30 сельских пожарных команд. Как уже было отмечено выше, в основе нормативных документов всех обществ лежал «нормальный устав», регламентирующий все стороны их функционирования и вносящий четкость в их структуру.

Примечания

- 1 Д. П. Струков Десятилетие Императорского Российского Пожарного Общества. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 11.
- 2 Государственный архив Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10231 (далее – ГАСО). Л. 84.
- 3 Труды Всероссийского Пожарного Съезда 1902 года в Москве. СПб., 1903. Т. 2. С. 283.
- 4 Городские пожарные команды. Опыт руководства к их устройству и отправлению ими службы. Практическое руководство пожарного дела под редакцией князя А. Д. Львова. СПб., 1890. С. 10.

- 5 Устав общества Саратовская вольная пожарная дружина. Саратов, 1884. 9с.
- 6 Протоколы заседания Саратовской городской думы за 1876 год. Саратов, 1876. С. 511.
- 7 Устав общества Саратовской вольной пожарной дружины. Саратов, 1880. С. 1.
- 8 Там же.
- 9 Там же. С. 4, 7.
- 10 Там же. С. 7.
- 11 Там же. С. 5.
- 12 Протоколы заседания Саратовской городской думы за 1885 год. Саратов, 1885. С. 715.
- 13 Там же С. 717.
- 14 Итоги деятельности главного совета Соединенного Российского Пожарного Общества за время с 17 мая 1893 года по 1 декабря 1896 года // Пожарный календарь на 1897 год / сост. С. Вайнштейн. СПб., 1897. С. 74.
- 15 Нормальный устав городских пожарных обществ // Пожарный календарь на 1897 год / сост. С. Вайнштейн. СПб., 1897. С. 108.
- 16 Итоги деятельности главного совета Соединенного Российского Пожарного Общества за время с 17 мая 1893 года по 1 декабря 1896 года // Пожарный календарь на 1897 год / сост. С. Вайнштейн. СПб., 1897. С. 75.
- 17 Государственный архив Саратовской области. Ф. 176. Оп. 1. Д. 485. Л. 56. (далее – ГАСО)
- 18 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8195.
- 19 Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 162.
- 20 Там же. Д. 507.
- 21 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8085, 8111, 8122, 8133, 8166, 8174, 8192, 8345, 8347, 8354, 8357; Ф. 176. Оп. 1. Д. 72, 107, 150, 152, 201, 238, 280, 370, 397, 416, 446.
- 22 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8113. Л. 39. Д. 8195. Л. 3 об.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 162. Л. 4 об. Д. 505. Л. 10.
- 23 Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 485. Л. 56.
- 24 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8113. Л. 39. Д. 8195. Л. 3 об.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 162. Л. 4 об. Д. 505. Л. 10.
- 25 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8113. Л. 42. Д. 8195. Л. 9.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 162. Л. 9 об. Д. 505. Л. 15.
- 26 Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 485. Л. 55 об., 56 об.
- 27 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8113. Л. 43. Д. 8195. Л. 9 об.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 162. Л. 10. Д. 505. Л. 16.
- 28 Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 485. Л. 56.
- 29 Там же. Д. 162. Л. 33.
- 30 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8195. Л. 26–27.
- 31 Там же. Л. 32, 32 об.
- 32 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Л. 34, 36 об.
- 33 Там же. Д. 8113. Л. 40, 40 об. Д. 8195. Л. 4.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 162. Л. 5 об. Д. 505. Л. 11 об., 12.
- 34 Там же. Д. 8113. Л. 43. Д. 8195. Л. 11.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 162. Л. 12. Д. 505. Л. 18.

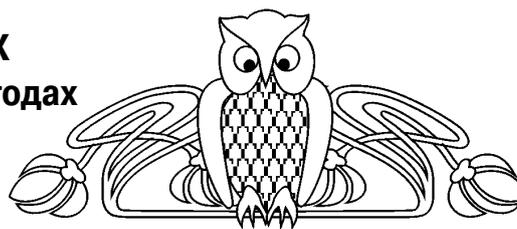

УДК 94–054(470.44)083/084.5

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ВОЕННОПЛЕННЫХ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914 – 1917 годах

А. В. Калякина

Саратовский государственный университет
E-mail: Kalyakinaav@gmail.com

Статья посвящена изучению основных сфер применения труда военнопленных на территории Саратовской губернии в годы Первой мировой войны. Выявляются 4 ведущих сектора, постоянно использовавших труд пленных. Особое внимание уделено выяснению условий труда, уровня оплаты труда, видов производимых работ.

Ключевые слова: Первая мировая война, экономика Саратовской губернии, использование труда военнопленных.

The Utilization of Prisoners of War Labour in Saratov Province in 1914–1917

A. V. Kalyakina

The article is devoted to the research of main economy areas using Prisoners of War as labour force on the territory of Saratov province during the First World war. 4 segments are analysed and revealed to apply the labour of Prisoners of War. Special attention is paid to clarifying working conditions, rate of remuneration and types of job.

Key words: World War I, Saratov province economy, utilization of Prisoners of War labour.

В годы Первой мировой войны одной из важнейших целей внутренней политики стран, ведущих боевые действия, становилось поддержание темпов развития экономики. Именно поэтому для предотвращения катастрофического экономического спада, грозившего многим отраслям экономики после начала мобилизации и соответственно оттока рабочих ресурсов, в наиболее значимые для страны сектора материального производства, были направлены дополнительные трудовые ресурсы в виде военнопленных младших чинов. Уже в первые месяцы войны Совет Министров Российской Империи приступил к разработке правил и регламентов для использования труда военнопленных¹. Наибольшее влияние на дальнейшее развитие страны оказали 2 документа: правила «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях»², принятые 17 марта 1915 года, а также правила «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы»³, которые регламентировали применение труда пленных в сельском хозяйстве тыловых губерний Российской Империи. Интересно, что в соответствии с этими Правилами после передачи пленных начальникам работ первые не находились более в подчинении военного ведомства, снимался даже военный караул. На время проведения работ военное ведомство отвечало лишь

за наказания, которые следовало применить по отношению к пленным-правонарушителям.

Привлечение военнопленных к работам в сельском хозяйстве и промышленности началось в 1915 году, причем в дальнейшем численность вовлеченных в трудовую деятельность пленных только увеличивалась⁴. Временем максимально активного применения труда военнопленных стали 1916 – 1917 гг. Ту же тенденцию мы можем видеть и на региональных материалах: от года к году все больше пленных вовлекалось в хозяйственную деятельность.

Согласно российскому законодательству военнопленные содержались внутри империи при местных войсках в виде команд⁵. Для этого была развернута система лагерей для военнопленных, а также назначены ответственные лица и организации. Именно такие небольшие пункты размещения пленных имелись в Саратове и Саратовской губернии. Всего в губернии (включая Царицын) в начале 1916 г. находилось 7764 пленных⁶, что составляло 4,6% от общего числа пленных в округе. Летом того же года, когда распределение пленных на сельскохозяйственные работы было завершено и достигло 32457 человек, доля от общего числа пленных в округе увеличилась до 15,27%⁷. Это соответствовало 6% от всех пленных, занятых на работах в Российской империи.

В конце XIX – начале XX в. Саратовская губерния относилась к черноземным губерниям России. Здесь довольно высок был уровень распашки почвы – 52,2 %⁸. Преобладающей в структуре землепользования оставалась наделная земля. Прочие земли находились в частной личной собственности крестьян и в собственности крестьянских обществ или товариществ⁹. Именно на этих землях предстояло трудиться преимущественному числу военнопленных. В соответствии с данными ведомостей количества военнопленных, состоящих на сельскохозяйственных работах к 1 декабря 1916 г.¹⁰, в отдельных местностях на крестьянские хозяйства¹¹ приходилось до 90% всех пленных, находящихся в уезде.

В крупных и мелких хозяйствах губернии военнопленным поручались все виды полевых и хозяйственных работ, кроме того, им поручались уход за скотом, зимой рубка дров, вывоз навоза. Наиболее часто военнопленным приходилось заниматься посевом озимой ржи, яровой пшеницы, овса и проса. «Пленные, знающие ремесло,

работали по специальности – плотниками, слесарями, пекарями, кузнецами...»¹² Но помимо этого, небольшое число пленных использовалось в качестве домашней прислуги, кучеров или дворников. Несмотря на многочисленные инструкции вышестоящих органов о недопустимости подобного нецелевого употребления труда пленных (их выделяли в первую очередь для обработки полей), подобная практика продолжалась до 1917 года. Особое негодование властей вызывало применение труда пленных на тех работах, где невозможно было постоянно контролировать местонахождение человека: назначение посыльными, кучерами, ямщиками и проч.

Нередко серьезным затруднением могло стать отсутствие у пленного даже элементарных знаний о сельском хозяйстве, а также необходимых для этого навыков. «Желательно, чтобы на сельскохозяйственные работы отпускались пленные исключительно из крестьян, способных к полевым работам, нередко лица интеллигентных профессий (чиновники, студенты), которые только мешают успеху дела»¹³.

Рабочий день на сельскохозяйственных работах длился в уездах губернии от 6 до 15 часов в день. Начало работ приходилось на 5 утра. При этом пленные имели 2 часа на обед и в отдельных уездах – еще время на полдник. График работ изменялся в зависимости от сезона. Так, весной рабочий день составлял 10–12 часов, с августа время работы увеличивалось и могло достигать до 12–15 часов в сутки, зимой же пленные трудились по 6–8 часов. Воскресенье и праздники были традиционно выходными, поэтому некоторые пленные старались праздновать как русские праздники, так и свои. Рождество они праздновали по новому стилю и по старому¹⁴. Довольно редки были, но все же имели место, случаи, когда пленные работали праздничные дни за сверхурочную плату, наравне с русскими рабочими. Плата в большинстве уездов была фиксированной и составляла 6 руб. в месяц¹⁵. В ряде уездов наблюдались сезонные колебания оплаты. В июле – августе она доходила до 15 руб./месяц. При этом люди, владеющие прикладными специальностями, получали заметно больше – ткачи и прядильщики по 17 руб. в месяц, слесаря – 17 руб./мес., плотники, кузнецы и пекари – по 15 руб./мес., вне зависимости от сезона¹⁶.

При этом документально зафиксированы случаи борьбы за повышение оплаты труда: землевладельцы Аткарского уезда были вынуждены повысить оплату труда и сократить производительность рабочего дня вследствие так называемой «итальянской забастовки». Пленные «...почти издеваясь над своими хозяевами, доводили продуктивность труда до минимума... вынуждали работодателей увеличить плату»¹⁷. Основными требованиями были девятичасовой рабочий день – с 7 утра до 7 вечера с часовым перерывом на завтрак и двухчасовым – на обед.

Довольно часто пленные отказывались работать, ссылаясь на недоброкачество пищи. Также причиной отказа от работ могла служить болезнь, которая в случае подтверждения её во время освидетельствования у врача освобождала пленного от работы до его выздоровления. Имелись и многочисленные случаи симуляции, влекущие за собой наказание: от недолгого ареста до отправки на общественные земляные работы.

Помимо сельского хозяйства, труд пленных применялся на казенных работах. К примеру, и Первая, и Вторая Поволжские изыскательно-строительные партии стали использовать труд военнопленных¹⁸. В их обязанности входило обводнение и орошение казенных земель Саратовской губернии, экономические и статистические обследования районов Среднего и Нижнего Поволжья, гидрометрические наблюдения и изыскания, возведение гидротехнических сооружений, однако со временем они также стали работать в мастерской.

Особой сферой применения труда пленных были общественные работы¹⁹. В уездах губернии пленными производились работы по благоустройству города, строительство барачных военного ведомства (в г. Балашове и г. Кузнецке)²⁰. Пленные трудились в трамвайных депо г. Саратова и г. Царицына, работали в городских столовых, городских больницах, пекарнях и т. п.

Помимо этого, важной сферой применения труда военнопленных были промышленные предприятия губернии. С разрешением использовать труд пленных на частных промышленных предприятиях масса владельцев, испытывавших в тот период колоссальные трудности с наймом рабочих, увидела в данном законопроекте избавление от насущной проблемы нехватки людей. Но режим наибольшего благоприятствования был установлен лишь для предприятий, выполняющих государственные заказы или производящие военную продукцию. Прочие же встречались с бюрократическими проволочками или с выделением меньшего числа пленных, чем было запрошено. Наиболее заметными среди предприятий, использовавших труд пленных, были: Саратовский завод Общества русской железной промышленности (быв. завод Гантке), Донецко-Юрьевское металлургическое общество, чугунно-литейный и механический заводы Колесникова, Максимовское лесопромышленное и торговое акционерное общество, французский металлургический завод «Урал-Волга», Механический завод Жупенина и Заведение Г. А. Башкирова по производству силиката и дубильного экстракта в Кузнецком уезде и прочие. Общее число предприятий губернии, использующих труд военнопленных, колебалось в пределах 41–46, на которых в разное время трудились от 689 до 2098 военнопленных²¹.

Заработок пленных на промышленных предприятиях достигал значительного уровня. Саратовский губернатор С. Д. Тверской писал об

этом: «...размеры коей [платы] устанавливаются соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ; причем плата эта, за вычетом всех расходов предприятия, выдается пленным на руки. Плата эта, достигающая иногда десятков рублей в месяц, несравненно выше, нежели плата военнопленным, находящимся на сельскохозяйственных работах, что естественно порождает недовольство и ропот последних...»²².

Подводя итог сказанному, следует признать, что в условиях кадрового голода военного времени военнопленные своим трудом смогли хотя бы отчасти заполнить пробел, образовавшийся во всех отраслях экономики после начала массовой мобилизации коренного населения. С течением времени практика применения труда военнопленных постепенно охватила все ведущие отрасли экономики губернии. Увеличивалось и число пленных, вовлеченных в процесс производства. Учитывая постоянные меры правительства, ориентированные на перевод пленных из прочих сфер экономики в сельское хозяйство, можно сделать вывод, что именно аграрному сектору в этот период предоставлялись максимальные преференции. Для самих пленных труд становился, с одной стороны, обязанностью, с другой стороны, возможностью улучшить свое положение. Вознаграждение за работу и число рабочих часов как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, были приравнены к условиям среднего рабочего той же отрасли.

Примечания

- ¹ В результате первыми из череды подобных документов 7 и 10 октября 1914 г. появились Правила «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств» и Правила «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами». Эти законодательные акты сходны между собой. В них регламентируется порядок привлечения военнопленных к работам ведомствами, предприятиями, порядок передачи пленных от военного ведомства другим ведомствам, предприятиям; необходимые условия содержания военнопленных, их труд и порядок обратной их передачи военному ведомству. См.: Гордеев О. Ф. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.) : историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : сб. науч. ст. Красноярск, 2002. С. 46–47.
- ² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11535. Л. 15–16.
- ³ Там же. Ф. 119. Оп. 1. Д. 11. Л. 46 об. – 49 об.
- ⁴ Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С. 97.
- ⁵ Гордеев О. Ф. Указ соч. С. 36.
- ⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 6–8.
- ⁷ Подсчеты основаны на : ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10063. Л. 512 ; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 6. Д. 167. Л. 6–11.
- ⁸ Ульянов А. Е. Структура крестьянских посевов в Саратовской губернии в конце XIX– начале XX века // Вектор науки ТГУ. № 3(13). 2010. С. 123.
- ⁹ Там же. С. 34.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10063. Л. 512 об.
- ¹¹ Под крестьянскими хозяйствами подразумевались владения крестьян, входившие в состав земель сельских обществ или выделенные из состава этих земель, а также приобретенные крестьянами при содействии Крестьянского банка либо казны. См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10063. Л. 512.
- ¹² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11536. Л. 38.
- ¹³ Там же. Л. 34.
- ¹⁴ Там же. Л. 30.
- ¹⁵ Эта сумма делилась на две части. Половину получал пленный на руки. Еще половину отчисляли в Земство на содержание, охрану и снабжение пленных необходимой одеждой. Соотношение могло меняться, напр., в Балашовском уезде 4 рубля выдавались на руки, 2 отчислялись в пользу Земства. См.: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11536. Л. 4.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11536. Л. 30.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Ф. 119. Оп. 1. Д. 11 ; Д. 35. Л. 19–20 ; Ф. 2. Оп. 1. Д. 12488. Л. 28, 77, 107, 129, 159, 177, 200, 214 об., 235, 258.
- ¹⁹ Регулировались эти работы правилами «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ». Подробный анализ см.: Гордеев О. Ф. Указ соч. С. 45–46.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12488. Л. 152 а, 185, 202, 229, 262.
- ²¹ Там же. Л. 201.
- ²² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11657. Л. 25 об.

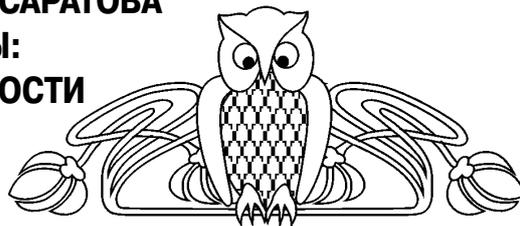

УДК 94(470+571)(063)

ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС САРАТОВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Н. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье рассматривается развитие военного производства и других отраслей индустрии Саратова в годы Великой Отечественной войны, представлявших взаимосвязанный оборонно-промышленный комплекс. Показывается процесс его становления, составляющие элементы, характер решаемых задач и итоги деятельности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратов, оборонно-промышленный комплекс, военное производство, завод, продукция.

The Defence-Industry Complex of Saratov at the Years of the Great Patriotic War: the Problems of Formiration and Activity

V. N. Danilov

In the article is considered the development of the military production and others branches of the Saratov's industry at the years of the Great Patriotic War, that were presented the interrelated defence-industry complex. It is described the process of his establishment, components, the type of the problems, being solved and totals of the activity.

Key words: Great Patriotic War, Saratov, defence-industry complex, military production, factory, production.

История советской военной промышленности, в том числе периода Великой Отечественной войны, в последние годы все больше рассматривается с точки зрения функционирования как особого «комплекса». Появились даже объемные историографические труды, призванные отразить состояние изучения проблемы в подобном ракурсе¹. При этом отдельные авторы, касаясь 1941–1945 гг., заключают, что понятие «слаженное военное хозяйство», через призму которого изучалось военное производство этого времени в советской историографии, и «военно-промышленный комплекс» не одно и то же. «Военно-промышленный комплекс, – пишет Н. С. Симонов, – часть военной экономики, представляющая совокупность определенных видов промышленного производства»². Основными производителями военной продукции являлись наркоматы военной промышленности: авиационной, вооружения, боеприпасов, минометного вооружения, судостроительной и танковой промышленности. В то же время в историографии сделаны попытки разграничить понятия «военно-промышленный комплекс» и «оборонно-промышленный комплекс». Российские и зарубежные

авторы коллективной монографии «Советский оборонно-промышленный комплекс от Сталина к Хрущеву» пришли к выводу, что оборонная промышленность, ее производство и научно-производственные единицы, ее рабочая сила и система управления, учреждения и руководители составляли именно «оборонно-промышленный комплекс СССР». В это определение, отличное от понятия «военно-промышленный комплекс», не включены профессионально-военная сфера, партийно-политическое руководство и ряд других компонентов³. Исходя из этого, именно как функционирование оборонно-промышленного комплекса предпочтительнее, на наш взгляд, рассматривать историю развития отраслей военной промышленности на региональном уровне, чему уже есть определенное подтверждение в исследовательской практике последних лет⁴.

Форсированная индустриализация в годы первых советских пятилеток серьезным образом изменила объемные и качественные параметры промышленного производства Саратова. Если в дореволюционный период более 80% продукции приходилось на так называемую пищевую промышленность (мукомольную, маслобойную, мясомолочную и др.), то к началу войны ее доля в общем объеме производства города сократилась до 26%, тогда как на металлообрабатывающую промышленность приходилось 39%, нефтеперерабатывающую – 13%, деревообрабатывающую – 5%, электростанции – 3%⁵. За годы первых пятилеток введены были в действие заводы: комбайновый, тракторных деталей, щелочных и свинцовых аккумуляторов, станкостроительные, нефтеперерабатывающий и другие, т. е. те предприятия, которые определяли вектор индустриальной модернизации. В общей сложности в Саратове вступило в строй 30 новых предприятий, реконструкции подвергся целый ряд старых металлообрабатывающих заводов: «Серп и молот», «Универсаль», им. Ленина (бывший Гантке), в стадии строительства находилось еще несколько новых крупных заводов. По данным органов статистического учета, количество рабочих, занятых в промышленности Саратова, увеличилось за это время в 5 раз и составило около 68 тыс. человек, основные фонды – в 9 раз, выпуск продукции – в 12 раз. В общей сложности насчитывалось 352 ценовых предприятия, из которых 221 счи-

талось крупным⁶. Все это свидетельствовало о значительном укреплении общей промышленной базы города, необходимой для развертывания здесь в случае войны производств, обеспечивающих своей продукцией армию.

Следует сказать, что регионы Поволжья в довоенный период не относились к числу тех, где концентрировалось военное производство. В этом отношении они значительно уступали не только Москве и Ленинграду, но и областям Украинской ССР, находившимся на стратегически опасном юго-западном направлении⁷. Тем не менее во второй половине 1930-х гг. в поволжских городах отмечается наращивание военно-промышленного потенциала, что было связано с вводом в строй артиллерийского завода в Горьком и началом строительства авиационных заводов в Куйбышеве и Казани, а также перепрофилированием на выпуск танков Сталинградского тракторного завода. К тому же состоялся перевод целого ряда гражданских заводов в разряд оборонных предприятий, с частичной их военно-промышленным наркоматам. Эта линия действий советского партийно-государственного руководства накануне войны реализовывалась и в Саратове.

Началом «военизации» саратовской промышленности можно считать решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 августа 1937 г. о передаче завода сельскохозяйственных комбайнов наркомату оборонной промышленности, где был организован выпуск самолетов. В течение 1938 г. на этом предприятии, ставшем авиационным заводом № 292, было заменено оборудование, прибыли новые конструкторские кадры (в основном выпускники Харьковского и Казанского авиационных институтов), персонал был переучен с производства цельнометаллического комбайна на цельнодеревянный самолет-разведчик Р-10 (ХАИ-5), которого за два года было выпущено 120 шт. Но главным образом, коллектив завода освоился с новой продукцией на выпуске скоростного истребителя И-28 (конструктор В. П. Яценко), что позволило ему в четырехмесячный срок, с мая 1940 г., организовать производство истребителя ЯК-1, одного из самых массовых самолетов периода Великой Отечественной войны⁸. Тогда же рядом с предприятием развернулось строительство смежного моторного завода. Одновременно несколько саратовских заводов, обеспечивавших производство военной техники, вооружения и боеприпасов, переводились в разряд военных с присвоением номеров по соответствующим промышленным наркоматам. Всего накануне войны в городе насчитывалось девять номерных заводов, некоторые из них являлись уникальными в своей отрасли, в частности завод щелочных аккумуляторов (завод № 195)⁹.

Важным звеном в «военной настройке» промышленности при централизованном хозяйственном механизме стало усиление с конца 1930-х гг. административно-политических мер

организации работы предприятий. Согласно решениям XVIII съезда ВКП (б) (март 1939 г.) устанавливался прямой партийный контроль за деятельностью заводов и фабрик, для чего вводились должности отраслевых секретарей обкомов и горкомов ВКП (б). Так, в Саратовском обкоме появились секретари по авиационной и машиностроительной промышленности, а в горкоме – по нефтеперерабатывающей и машиностроительной промышленности. Под «особый контроль» обкомом партии были взяты авиационный завод, завод щелочных аккумуляторов, крекинг-завод им. С. М. Кирова, «Трактородеталь» и шарикоподшипниковый завод¹⁰. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. запрещался «самовольный» уход работников с предприятий и вводились строгие санкции за прогулы и опоздания. Только во втором полугодии 1940 г. в Сталинском районе города, где находились наиболее крупные заводы, за эти проступки было осуждено 2638 человек, или 8,2 % всех рабочих и служащих района¹¹. Однако задача закрепления кадров за ведущими производствами в то время окончательно так и не была решена, о чем свидетельствует продолжавшийся вплоть до начала войны поток дел в судах на работников, ушедших с предприятий без разрешения руководства. Тормозящим фактором развития тяжелой промышленности Саратова было также отсутствие местных источников сырья и высококалорийного топлива.

Оценивая развитие саратовской промышленности в целом, необходимо указать на то обстоятельство, что и в последние предвоенные годы военно-мобилизационная ее направленность не проявилась еще в достаточной мере. В планировании строительства новых предприятий даже наблюдалась некоторая отраслевая сбалансированность. Строились шарикоподшипниковый завод, заводы по ремонту сельхозтехники, по производству землеройных машин и холодильников, макаронная и швейная фабрики. Вступили в строй несколько малых госпредприятий и артелей промкооперации, выпускавших предметы народного потребления. Великая Отечественная война отбросила это некое подобие структурно-сбалансированного подхода в промышленном развитии: машиностроение и металлообработка, а это главным образом военное производство, давали в 1944 г. уже 73 % объема валовой продукции промышленности Саратова¹². Невиданных до этого масштабов достигает концентрация производства, что наглядно видно из следующих данных: в 1943 г. на 35 заводах оборонных наркоматов было занято свыше 60 тыс. работников, тогда как на остальных 388 предприятиях города – только 34 тысячи¹³. Но структурная ломка промышленного производства не носила в Саратове необратимого милитаризованного характера по типу оружейных центров Ижевска и Коврова или закрытых городов ракетно-ядерного комплекса, создаваемых после войны. При ориентации в

целом промышленности на обеспечение нужд армии¹⁴ средства вооруженной борьбы (боевые самолеты, танковые корпуса, минометы, противотанковые ружья, боеприпасы и т. д.) выпускало не такое уж большое число саратовских заводов (около 30). Основная же часть предприятий города производила продукцию двойного назначения – подшипники, аккумуляторы, горючее, станки, приборы, швейные изделия и т. д. Это обстоятельство облегчило затем процесс послевоенной конверсии.

Стремительное расширение масштабов военного производства в Саратове стало происходить уже летом-осенью 1941 г. за счет перевода существовавших предприятий на выпуск продукции для фронта согласно довоенных мобилизационных планов и указаний центральных планово-распорядительных органов. В связи с этим заводам и фабрикам приходилось переоборудовать старые и создавать новые цеха, готовить большое количество технологической оснастки, различных приспособлений и инструмента, переучивать рабочих, изыскивать дополнительные источники сырья и материалов.

Ряд предприятий, ранее производивших гражданскую продукцию, полностью свертывали ее производство и переходили на обслуживание нужд фронта, на некоторых из них создавались отдельные цеха, выпускавшие оборонную продукцию самостоятельно или в кооперации с другими. При этом заводы нередко меняли не только свой профиль, но и подчиненность, переходя в ведение военно-промышленных наркоматов. Для некоторых из них это было полной неожиданностью. Так, в августе 1941 г. в Саратов был командирован в качестве представителя Наркомата боеприпасов ответственный работник Кондратьев, который вместе с промышленным отделом обкома ВКП (б) выбрал под организацию снаряжательного производства асфальтобетонный завод. 1 сентября 1941 г. он был передан НКБ, получил № 602 и стал осваивать производство снарядов¹⁵. В составе данного наркомата находилось еще три крупных саратовских завода. В ведение Наркомата танковой промышленности перешли саратовская мастерская Реммаштреста (завод № 246), паровозоремонтный завод и завод зуборезных станков. Пять саратовских заводов вошли в группу предприятий Наркомата авиационной промышленности.

В процессе перепрофилирования бывших гражданских предприятий в 1941–начале 1942 г., когда экономика страны адаптировалась к условиям войны, имела место значительная несогласованность в действиях центральных планово-распорядительных органов, что выразилось в частой смене заданий предприятий, отсутствии четких схем снабжения сырьем и комплектующими материалами. В частности, саратовский паровозоремонтный завод (№ 180), переданный из системы НКПС в Наркомат танковой промышленности, когда в январе 1942 г. закончил технологическую

и организационно-производственную подготовку и едва начал выпускать корпуса и башни танков Т-50, получил новое задание по выпуску корпусов танков Т-60¹⁶. Несколько раз меняли профиль производства такие предприятия, как заводы «Трактородеталь», «Серп и молот», «Универсаль». В докладной записке в Саратовский обком ВКП (б) секретаря не самого промышленного района города – Фрунзенского – говорилось: «С начала войны почти по всем нашим заводам даны указания соответствующих наркоматов о переходе на новый вид продукции, причем эти указания порой носят недостаточно продуманный характер, без учета имеющегося оборудования на заводе, при самой отвратительной постановке снабжения материалами и дополнительным оборудованием. В результате этого некоторые заводы перестраивались в течение двух месяцев до пяти раз»¹⁷.

Трудности материально-технического снабжения саратовских предприятий ОПК в начале войны в немалой степени, конечно, были связаны с общим недостатком ресурсов в стране ввиду оккупации важнейших экономических районов СССР. В одной из обкомовских докладных записок 1941 г. указывалось: «Металлообрабатывающая промышленность Саратовской области переключена на выполнение только оборонных заданий, несмотря на это металлзаводы не имеют никаких фондов на металлы. Саратовская контора Главметаллосбыта не в состоянии удовлетворить и 10 % потребности области в металле. Из-за этого промышленные предприятия уже в настоящее время не выполняют заданий по выпуску продукции»¹⁸. Острую нужду предприятия Саратова испытывали и в других материалах. Так, завод № 572 НКБ вынужден был приостановить выпуск некоторых видов боеприпасов из-за отсутствия химикатов, поставляемых ему заводами Горьковской области¹⁹. Все это отражало трудности развертывания производства в новых военно-промышленных центрах на Востоке, в том числе в Саратове, потенциал которого в 1941–1942 гг. значительно вырос за счет эвакуированных предприятий.

По разным данным, в Саратовскую область из западных и центральных районов СССР в годы Великой Отечественной войны было эвакуировано от 50 до 100 заводов и фабрик²⁰. Установить точное количество прибывших в регион предприятий не представляется возможным, поскольку наряду с цельными производственными мощностями и рабочими коллективами поступало оборудование отдельных заводских цехов, а то и участков. Основная часть эвакуированного оборудования (более 6 тыс. станков) и производственного персонала была размещена непосредственно в областном центре: на площадях местных однотипных и смежных заводов, в административных и общественных зданиях, а в отдельных случаях и на пустырях. Например, на территории ГПЗ-3 разместилась часть цехов 1-го Московского подшипникового завода, имевших более тысячи

единиц оборудования. Эвакуированный из Тулы оружейный завод слился с саратовским заводом «Трактородеталь», образовав завод № 614 Наркомата вооружения. Харьковский завод «Серп и молот» обосновался на территории аналогичного по названию местного завода Наркомата сельхозмашиностроения.

За счет размещения и восстановления эвакуированных производств и нового капитального строительства в Саратове возникло 8 крупных и около 20 средних предприятий. Из вновь созданных на базе эвакуированных заводов наиболее значимыми предприятиями стали заводы № 306 (его образовали 6 заводов из Москвы, Ленинграда, Полтавы и Ржева), № 205 им. Хрущева (Москва), № 572 (Ленинград), № 180 (Киев, Ижора, Ленинград, Дарница), Литер «С» (Ленинград), швейная фабрика «Знамя индустриализации» (Витебск). Два крупных предприятия были созданы в городе-спутнике Энгельсе на базе брянского вагоностроительного завода им. Урицкого и московского завода им. Орджоникидзе²¹. В основном это были чисто военные заводы, относившиеся к наркоматам авиационной и танковой промышленности, наркоматам боеприпасов, вооружения и судостроения. После непродолжительного периода восстановления (два–три месяца) они приступили к налаживанию выпуска деталей самолетов, корпусов танков, противотанковых ружей, минометов, ручных гранат, снарядов, патронов, взрывателей, горючих смесей и т. д. Вместе с местными и эвакуированными обеспечивающими производствами – аккумуляторными, химическими, деревообрабатывающими, ремонтными и др. – они составили оборонно-промышленный комплекс Саратова, функционировавший в течение всего периода Великой Отечественной войны.

Вследствие эвакуации развитие военного производства столкнулось с необходимостью нового решения проблем, которыми на местах занимались еще в первые месяцы войны в связи с перепрофилированием гражданских предприятий. Это, в частности, относится к кооперации производств. Поскольку прежние схемы снабжения в рамках всей страны не работали эффективно, возникает тенденция создания внутриобластной и внутригородской схем производственного кооперирования, снабжения и перераспределения ресурсов и оборудования. Оперативно через центральные планово-директивные органы (Госплан, Госснаб, наркоматы) такие вопросы не могли быть решены, а самостоятельно горизонтальные связи предприятия не имели права налаживать, поэтому кооперационными связями вынуждены были заниматься местные власти, так как за выполнение предприятиями заданий Государственного комитета обороны они несли прямую ответственность. В данном случае переставали существовать различия в ведомственной принадлежности предприятий, а уж тем более в формах собственности. Около десяти саратовских

промышленных артелей участвовали в кооперации с другими предприятиями в производстве противотанковых ружей, гранат, минометов, боевой техники. На этот счет, вспоминая об обстоятельствах выполнения декабрьской 1941 г. программы выпуска самолетов, бывший директор авиационного завода № 292 И. С. Левин в своих мемуарах пишет: «Поздно ночью заседало бюро обкома партии. По просьбе завода нам были переданы: артель «Красный коваль» для организации цеха наземного оборудования и бортового инструмента и мебельная фабрика для изготовления лыж. Ряду заводов Саратова поручили изготовление деталей и узлов для самолетов. Были даны указания о переводе на наш завод рабочих с других предприятий»²².

Заметная роль во внедрении внутриобластного и внутригородского кооперирования предприятий принадлежит в первый год войны Саратовскому городскому комитету обороны (председатель – первый секретарь обкома ВКП (б) И. А. Власов, затем П. Т. Комаров), созданному 26 октября 1941 г. Из 186 постановлений, принятых этим чрезвычайным органом власти до конца 1943 г., 78 относились к решению проблем организации военного производства. Вопросы распределения и перераспределения ресурсов в интересах военных заводов фигурировали во всех 59 документально зафиксированных распоряжениях комитета обороны, носивших в отличие от постановлений частный характер²³.

Наглядным примером деятельности Саратовского ГорКО в этом направлении служит организация выпуска противотанкового ружья Симонова (ПТРС) на заводе № 614. Решение о постановке этого производства Государственный комитет обороны вынес 28 октября 1941 г. Однако его постановление № 844сс было на редкость не конкретным: отсутствовали указания источников поступления сырья, перечень заводов-изготовителей комплектующих деталей. Так что схема кооперации по выпуску конечной продукции в сжатые сроки разрабатывалась на месте – руководством завода и машиностроительным отделом обкома ВКП (б). 4 ноября 1941 г. По постановлению Саратовского ГорКО было определено размещение изготовления узлов и деталей ПТРС на 16 предприятиях и артелях города (авиазавод, ГПЗ-3, станкозавод, судоремонтный, зуборезных станков, мастерские госуниверситета и др.). Учитывая трудности, которые возникли ранее в результате хаотичных действий центральных планово-управленческих органов (завод в Саратове до этого дважды менял профиль производства), а также то, что до войны он выпускал лишь детали к сельхозмашинам, городской комитет обороны распорядился мобилизовать с предприятий города 40 конструкторов, 30 чертежников и 10 копировальщиц и направить их на головное предприятие; с саратовских заводов переводили около 800 квалифицированных рабочих и распределяли 154 выпускника школ ФЗО; устанавливали также

более ста станков, поступивших по эвакуации²⁴. Тем не менее освоение нового вида продукции происходило с большими затруднениями, приходилось еще несколько раз уточнять схемы кооперации, и завод стал выполнять установленные планы только в конце первого квартала 1942 г. В марте 1942 г. завод № 614 выпустил 1750 противотанковых ружей, что составило более 14 % их общесоюзного производства²⁵.

Увеличение производственных мощностей оборонно-промышленного комплекса обострило энергетическую проблему в городе. В 1930-е гг. в Саратове был создан крупный энергокомбинат, основу которого составляли Саратовская государственная районная электростанция (СарГРЭС) и Саратовская теплоэлектроцентраль (ТЭЦ). Но уже до войны потребность в электроэнергии составляла 73 тыс. квт, а совокупная мощность всех электрогенераторов не превышала 50 тыс. квт. Горплан в своем предвоенном обзоре указывал, что «в 1938–1940 гг. разрыв между потребной и располагаемой мощностью достиг такого положения, что выключение квартир и простои промышленных предприятий стали обычным явлением, особенно зимой»²⁶. Это была, по сути, хроническая болезнь саратовской промышленности, загоняемая внутрь, поскольку строительство третьей очереди ТЭЦ и увеличение мощностей СарГРЭС задерживалось. Уже в середине сентября 1941 г. горком партии отменил, что «городу остро не хватает электроэнергии; дефицит определяется в 10–15 тыс. квт»²⁷. В начале 1942 г. разрыв между мощностями электростанций и потребностями составил более 30%.

После того как был потерян Донбасс, начались перебои и в снабжении углем и мазутом. Уголь, занаряженный наркоматами в количествах, удовлетворяющих потребности предприятий, не отгружался или отгружался совершенно в недостаточных количествах. Вследствие этого многие саратовские заводы, в том числе и крупные военные, работали не на полную мощность, создалась угроза остановки более двадцати предприятий. Больше всего дефицит топлива ударил по электростанциям, что отразилось в целом на положении в промышленности городской агломерации. В 1942 г. электростанции по несколько недель не давали энергии даже некоторым оборонным заводам. Завод им. Урицкого из-за неподачи электроэнергии в августе 1942 г. потерял 9 рабочих смен и, тем самым, не додал на снаряжение заводам НКБ несколько тысяч осколочно-фугасных снарядов. На заводе № 205 отсутствие электроэнергии сорвало выпуск приборов ПУАЗО-3 и электромоторчиков. Для ликвидации энергетического голода из-за острого недостатка топлива на СарГРЭС бюро Саратовского обкома ВКП (б) (решение от 31 августа 1942 г.) было вынуждено ввести в действие график ограничения в потреблении электроэнергии: в жилой сектор электричество фактически перестало подаваться,

а в отношении предприятий практиковалось веерное отключение, что коснулось и почти всех оборонных заводов.

В какой-то степени решить топливную проблему в Саратове удалось за счет новых источников энергии. Геологи еще до войны предполагали наличие газовых месторождений на территории Саратовской области. С началом войны, в августе 1941 г., поисковые группы развернули разведывательное бурение, а в феврале 1942 г. обком и облисполком обратились в ЦК ВКП (б) и СНК СССР с ходатайством об организации добычи и промышленного освоения местных газовых источников. Получив разрешение, в сентябрь-октябре 1942 г. методом народной стройки был проложен 18-ти километровый газопровод Елшанка – СарГРЭС. Перевод электростанции на газ позволил полностью отказаться от сжигания мазута и создал условия для ее работы при недостатке дальнепривозного карагандинского угля. Всего к концу войны в Саратов поступило 900 млн куб. м газа, что было эквивалентно 775 тыс. т каменного угля²⁸.

Одновременно были приняты меры по расширению действовавших и строительству новых электростанций. Так, были введены в действие три новых котла на ТЭЦ-1, построены ТЭЦ-2 в Саратове, ТЭЦ-3 в Энгельсе и Безымянская ТЭЦ. В итоге совокупная мощность генераторов увеличилась на 25%, а производство электроэнергии выросло с 326 млн квт/ч в 1940 г. до 363,3 млн квт/ч²⁹. Но это не решило полностью проблему с энергообеспечением оборонных предприятий. Прибывший в ноябре 1942 г. в Саратов нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин заявил, что саратовское руководство «запугало энергетическую базу»³⁰. Обвинение не было справедливым, так как местными ресурсами Саратов не мог больше увеличить энергомощности, а всякие просьбы в центр о выделении лимитов для строительства новых станций оставались без ответа. В итоге, в 1943 г. электростанции города не выдержали напряжения: производство упало на 13%, а в 1944 г. оно едва достигло уровня 1942 г.³¹ Можно сказать, что только в послевоенные годы за счет строительства новых тепловых электростанций, Саратовской ГЭС и Балаковской АЭС возникло соответствие масштабов потребления электроэнергии в городе и области и ее производство.

Не менее важной для оборонно-промышленного комплекса Саратова в годы Великой Отечественной войны оказалась проблема рабочих кадров, хотя работники оборонных заводов имели бронь от призыва в армию. Проблема обострилась в связи с тем, что с эвакуированными предприятиями обычно поступало лишь 30–40 % рабочих от прежнего состава. Этот факт напрямую был связан с переходом рабочих в народное ополчение, человеческими потерями в ходе эвакуации. Кроме того, предприятия разделялись на части и

соответственно дробились рабочие коллективы³². Довольно мало рабочих прибывало с предприятиями электротехнической промышленности. Так, на один из саратовских заводов были эвакуированы специалисты трёх смежных предприятий, но общее их количество в итоге составило лишь 180 человек³³. Более внушительными выглядят данные по крупным машиностроительным и судостроительным организациям. Из справки, адресованной секретарю обкома ВКП (б) Е. П. Колущинскому, видно, что прибытие тысячи и более рабочих с одним такого рода заводом было нормой. Всего с десятью предприятиями машиностроительной промышленности прибыло 20 150 человек³⁴. Также в числе наиболее крупных в численном отношении можно назвать приезд из Москвы рабочих ГПЗ-1 (общее число 1900 работников)³⁵. Самыми многочисленными были рабочие коллективы авиационных предприятий. Процент эвакуировавшегося с ними коллектива был выше средней нормы, составлял около 50%: на завод № 306 приехало 2500 человек, с заводом № 213 – 3000, с заводом № 165 – 3000, с заводом № 115 из Москвы – 1000³⁶. В итоге вместе с беженцами на 1 января 1942 г. было размещено в Саратове 74 000 и в Энгельсе – 39 600 человек эвакуированного населения³⁷.

Трудоспособные граждане, прибывавшие по эвакуации в общем порядке, так же как и местные жители, становились основным источником рабочей силы расширяющегося военного производства. На короткое время приток новых кадров в промышленность обеспечивался за счет вольного найма. На производство пришли студенты вузов и техникумов (примерно 3 тыс. человек), женщины (23 тыс.). В связи с чем доля женского труда в промышленности области увеличилась почти до 60 %³⁸. К примеру, на завод № 236 (свинцовых аккумуляторов) с июня 1941 по октябрь 1942 г. было принято 1031 новых рабочих, из них 671 женщина³⁹. Одновременно, как уже было показано выше, шло перераспределение рабочих из второстепенных сфер на заводы, получавшие военные заказы.

К весне 1942 г. резерв добровольчества был исчерпан. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. в стране вводилась всеобщая трудовая повинность. Все незанятое трудоспособное население городов и рабочих поселков должно было быть мобилизовано на работу в оборонной промышленности и строительстве.

Уже в первую волну трудовой мобилизации (март–май 1942 г.) по Саратову было мобилизовано 3160 человек, по Энгельсу – 870, что, однако, составляло соответственно 62 % и 80 % от контрольных заданий, выданных ГКО и Совнаркомом СССР. Так, на завод № 292 вместо 1071 по плану было мобилизовано 737 человек, на завод № 205 вместо 400 – 189 человек, на завод № 572 вместо 900 – 674 человека. Примерно такая

же картина наблюдалась и по другим военным предприятиям. Исключение составили заводы № 306 и № 614, по которым задания были полностью выполнены. На заводах № 195 и № 236 планы мобилизации практически были сорваны⁴⁰. Ввиду этого, Совнарком СССР дал новые задания на июнь 1942 г. по мобилизации населения в городах области в промышленность и строительство на 7020 человек, из них только по Саратову 5383 человека⁴¹. Подобные мобилизационные кампании проводились еще не раз в течение всей войны. Согласно имеющимся данным, за 1942–1943 гг. из числа городского неработающего населения было мобилизовано для постоянной работы в промышленности области свыше 20 тыс. человек⁴².

Составной частью трудовой мобилизации был призыв на альтернативную службу военнообязанных запаса, «негодных по состоянию здоровья к строевой службе, но годных к физическому труду», и отдельных категорий граждан, определяемых политически неустойчивыми по национально-территориальному признаку. В Саратовской области трудармейцы использовались на строительстве цехов оборонных предприятий, на восстановлении цехов авиационного завода, крекинг-завода, ГПЗ-3.

Мобилизация рабочей силы обеспечивалась также за счет оргнабора в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища, где после непродолжительного периода обучения юноши и девушки направлялись на заводы и фабрики. В результате этого рабочие коллективы многих саратовских заводов сильно помолодели. И. С. Левин рассказывал на пленуме обкома партии в июле 1942 г., что на руководимом им авиационном заводе (он был самым крупным предприятием в области) в большинстве своем работают подростки 14–16 лет. Это вчерашние «фабзайчата». В перерывах они не только пляшут и танцуют, но и играют «в класс» и «в чижика». Побывавший на заводе член ГКО маршал К. Е. Ворошилов назвал его детским садом⁴³.

В отличие от общесоюзных показателей, промышленность Саратова не испытала в конце 1941 – начале 1942 г. снижения объемов выпуска военной продукции, что объясняется как появлением новых ее видов, так и увеличением мощностей оборонных отраслей за счет перепрофилирования гражданских заводов и ввода в строй эвакуированных производств. Саратовский авиационный завод, например, во втором полугодии 1941 г. выпустил истребителей Як-1 в 3,2 раза больше, чем в предвоенном первом полугодии. Завод, хотя и с напряжением, но в целом выполнял в это время месячные и квартальные планы, чего нельзя сказать о других видах военного производства. Перелом в этом отношении в данных отраслях наступил к середине 1942 г. Годовой план выполнили и перевыполнили предприятия наркоматов авиационной, танковой промышленности, наркомата вооружения. За заводах Саратова в 1942 г. было

изготовлено 3,7 тыс. самолетов, 35200 противотанковых ружей, 1200 тыс. танковых корпусов, миллионы боеприпасов. Другим свидетельством увеличения военного производства служат данные о росте в 3,8 раза в 1942 г. по сравнению 1941 г. объема продукции металлообрабатывающих заводов союзных наркоматов⁴⁴.

Главные усилия саратовских военных заводов во второй половине 1942 – начале 1943 г., как и всей экономики края, находившегося прифронтовом положении, были направлены на обеспечение войск, сражавшихся под Сталинградом. Только в сентябре 1942 г. 16 машиностроительных заводов выпустили для сталинградских фронтов 4066 противотанковых ружей, 373 тыс. корпусов снарядов, 8 тыс. корпусов авиабомб, 3665 головок к снарядам, 466 тыс. корпусов гранат, 18 тыс. корпусов мин, 13110 мин, 900 тыс. взрывателей, 125 минометов, 105 корпусов танка, 362 тыс. подшипников, 200 универсальных пулеметных станков⁴⁵.

В начале сентября 1942 г. ГКО распорядился увеличить производство самолетов на Саратовском авиационном заводе и всю продукцию завода направлять исключительно Сталинградскому фронту. В это время были улучшены летно-тактические данные самолета, увеличена его скорость, установлена на нем радиосвязь, за счет протектирования бензиновых баков и улучшения противопожарного оборудования повышена «живучесть» самолета, была усилена бронезащита летчиков. Специально для 16-й воздушной армии по просьбе ее командующего генерала И. С. Руденко было организовано производство облегченных самолетов Як-1 для так называемой «свободной охоты». В период Сталинградской битвы завод работал на пределе своих производственных возможностей. У проходных завода устанавливались плакаты с надписью «Товарищ! Что ты сделал сегодня для героических защитников Сталинграда?». В сентябре и октябре 1942 г. на заводе была достигнута самая большая суточная и месячная сдача самолетов за годы войны (до 13 машин ежедневно). За три месяца – август, сентябрь, октябрь – 1942 г. завод изготовил и отправил на фронт на пять полков истребителей больше, чем за второе полугодие 1941 г. Производственный план 1942 г. заводом был выполнен к 11 декабря⁴⁶. Это оказалось возможным благодаря самоотверженному труду многотысячного коллектива предприятия.

Промышленные предприятия области выполнили большое количество срочных фронтных заказов без снижения государственного плана, за счет дополнительных усилий рабочих и инженеров. От войск поступали заказы на ремонт боевых машин, вооружения, изготовление электросварочных аппаратов, пароподогревателей, цепей противоскольжения для автомашин, окопных печей, запасных частей к танкам. По просьбе командования Сталинградского фронта авиационный завод изготовил 250 зенитных уста-

новок для пушек и пулеметов. Осенью 1942 г. на 51 предприятии Саратова было размещено производство изделий и инструментов, необходимых для наведения переправ через Волгу. За короткий срок было изготовлено 1 млн железных скоб, штырей и креплений, 230 т металлических поковок, 10 т болтов, свыше 100 тыс. топоров, лопат и кирок, 936 т цепей. За обеспечение строительства переправ коллективы заводов им. В. И. Ленина, судоремонтного и др. получили благодарности от командования Донским и Сталинградским фронтами⁴⁷. 229 работников промышленности области за образцовое выполнение военных заказов в период Сталинградского сражения были награждены орденами и медалями.

В период военных действий на южном фланге советско-германского фронта – в июне и сентябре 1942 г. – такие крупные саратовские заводы, как крекинг-завод им. Кирова и ГПЗ-3 подверглись бомбардировкам авиации противника, нанеся им заметные повреждения. Это осложнило деятельность этих предприятий, снизило показатели выполнения производственных заданий, но поскольку последствия бомбардировок удавалось достаточно быстро ликвидировать, длительных перерывов в их работе не было, так же как и во время июньских 1943 г. авиационных налетов. Более серьезные последствия бомбардировки 1943 г. имели для авиационного завода: из строя было выведено более 70 процентов его производственных площадей. Завод, по сути дела, нужно было возводить заново. Первоначально высказывалось мнение эвакуировать «людей, оставшиеся после бомбежки агрегаты, детали, оснастку, оборудование в Сибирь, где недавно начал работать новый истребительный завод»⁴⁸. Однако И. В. Сталин поддержал предложение руководства завода о восстановлении предприятия и обещал оказать необходимую помощь. Через 80 дней завод действительно был восстановлен и стал выпускать самолеты в прежнем и даже большем количестве, а в январе 1944 г. он освоил производство более совершенного истребителя Як-3.

В целом же с середины войны предприятия саратовского ОПК демонстрировали устойчивую работу (в 1943 г. объем выпуска военной продукции на предприятиях Саратова вырос более чем в 5 раз⁴⁹), способствуя, тем самым, достижению превосходства Красной Армии над противником в средствах вооруженной борьбы. К 1943 г. практически были исчерпаны возможности экстенсивного развития военного производства в промышленных центрах на Востоке. Вследствие этого руководство страны стало настойчиво призывать предприятия заботиться о повышении производительности труда, самостоятельно разрабатывать и внедрять новые, прогрессивные технологии, совершенствовать орудия производства. Вместе с тем, сами предприятия в связи с сокращением производства и поставок средств механизации были вынуждены искать пути модернизации обо-

рудования и приспособлять его для выполнения других операций.

Процессы технической и технологической модернизации за счет внутренних резервов во второй половине войны отмечены на многих саратовских предприятиях ОПК. Так, на авиационном заводе № 292 горизонтально-фрезерные станки были приспособлены для вертикально-фрезерных операций, плоскошлифовальные станки переоборудовались в круглошлифовальные, сверлильные станки использовались для расточных работ. В прессовом цехе завода было создано устройство для автоматической подачи деталей под пресс, что повысило производительность труда в 15 раз, а экономический выигрыш условно был определен в сумме одного миллиона рублей⁵⁰. Недостаток материалов и сырья также способствовал совершенствованию технологий. К примеру, острая нехватка свинца на заводе № 236 стимулировала разработку и внедрение более экономичной порошковой технологии производства пластин для аккумуляторов. В результате заводу удалось увеличить производство в 1,5 раза, не используя дополнительных капитальных вложений⁵¹.

С авиационного завода началось внедрение в Саратове поточных и конвейерных линий, позволявших снижать трудоемкость продукции и сокращать цикл производства. К началу 1944 г. эта новая (для военных лет) организация производства утвердилась на большинстве металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий. На заводе № 292 действовало 14 поточных линий, позволивших увеличить производительность труда на 30 %. На заводе № 306 работало шесть конвейеров поточных линий и пять безконвейерных линий. Поскольку конвейерные и автоматические поточные линии оказались весьма эффективными в повышении производительности труда, промышленные отделы обкома партии в целях обмена опытом организовали ряд совещаний и конференций в масштабе области и города Саратова⁵². Важная роль в четкой работе предприятий принадлежала внедрению в производство графиков. В течение всей войны по суточным графикам работали авиационный, мотороремонтный, завод № 306⁵³.

Военное производство на предприятиях ОПК Саратова пика своего развития достигло в 1944 г., а затем начинается снижение его объемов. Это было связано как с налаживанием на военных предприятиях выпуска продукции для нужд народного хозяйства, так и процессом реэвакуации ряда производств. Уже в 1944 г. завод № 306, кроме основной своей продукции, перешел на выпуск магнето для сельхозмашин, завод им. Урицкого стал изготавливать запасные части для машинно-тракторных станций. В итоге в 1945 г. из 20 машиностроительных заводов 10 выпускали только гражданскую продукцию, 6 – частично производили оборонную и 4 продолжали изготавливать военную технику, вооружение и

боеприпасы⁵⁴. По решению ГКО в конце войны часть эвакуированного в Саратов промышленного оборудования была возвращена на прежние места дислокации. Так, к 1944 г. с ГПЗ-3 в Москву было возвращено 979 единиц оборудования из 1172. Реэвакуировалась и значительная часть прибывшего в 1941–1942 гг. производственно-технического персонала. Об этом свидетельствуют данные по таким крупным заводам, как ГПЗ-3, № 306, № 205, «Серп и молот», № 572, № 614 и № 180, на которых из 10264 эвакуированных работников на 1 мая 1945 г. осталось только 4853 человека⁵⁵. Если в 1943 г. во всей промышленности Саратова было занято 127732 человека, то уже в 1944 г. это количество сократилось до 116520 человек⁵⁶.

В целом можно сказать, что в годы Великой Отечественной войны Саратов являлся одним из ведущих военно-промышленных центров страны и внес существенный вклад в победу над нацистской Германией и ее союзниками. Практически все предприятия города выпускали продукцию для фронта: боеприпасы, снаряды, мины, авиационные бомбы, пистолеты-пулеметы, противотанковые ружья, минометы, свинцовые и щелочные аккумуляторы, авиационные и артиллерийские приборы, шарикоподшипники, горючее, корпуса танков, самолеты, обмундирование, перевязочный материал, предметы фронтowego быта. Авиационный завод в кооперации с другими заводами НКАП (№ 306, № 307, № 167, № 213) за годы войны выпустил 13569 самолетов-истребителей Як-1 и Як-3, т. е. почти каждый третий советский самолет-истребитель этого семейства. Кроме советских лётчиков, на Як-1 и Як-3 воевали французы из полка «Нормандия-Неман». После перевооружения на Як-3 они сбили 184 самолёта противника. По окончании войны по решению правительства СССР 41 Як-3 был передан Франции в качестве дара. Они оставались на вооружении полка до 1947 г., после чего были переданы в лётные школы, где эксплуатировались до 1956 г. Один самолёт сохранился до наших дней и экспонируется в парижском музее авиации. Продукция высокооктановых бензинов крекингового завода им. С. М. Кирова настолько была важна для фронта, что ГКО дважды принимал по нему специальные постановления. В общей сложности, несмотря на бомбардировки 1942–1943 гг., завод произвел более 3 млн т горючего. Уникальным являлось производство щелочных аккумуляторов на саратовском заводе № 195 (изготовил 135 тыс. штук). Около 1,5 млн. реактивных снарядов было выпущено на заводе № 205 им. Н. С. Хрущева. На саратовских швейных фабриках было пошито 1,3 млн армейских шинелей, миллионы гимнастеров и других предметов солдатского обмундирования. Предприятия пищевой промышленности города произвели сотни тонн муки, макаронных изделий, сухарей, мясных консервов, пищевых концентратов. За вклад в военно-экономическую победу над агрессором 5 саратовских

заводов – авиационный, шарикоподшипниковый (ГПЗ-3), нефтеперерабатывающий (крекинг-завод им. С. М. Кирова), щелочных аккумуляторов и им. Орджоникидзе – были награждены орденами СССР. Около 100 саратовских предприятий получали знамена ГКО, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС. 3500 рабочих, инженеров, руководящих работников промышленности награждались орденами и медалями⁵⁷.

Безусловно, направление развития региональных оборонно-промышленных комплексов в годы Великой Отечественной войны определялось центральными планово-директивными органами во главе с Государственным комитетом обороны. Вместе с тем, в деле обеспечения армии всем необходимым значение имела деятельность местных органов власти, которые в централизованном механизме советской мобилизационной экономики играли не только роль своеобразного посредника и контролера, но и напрямую несли ответственность за результаты работы каждого предприятия, о чем члены ГКО Берия, Маленков и др. постоянно напоминали саратовским руководителям (первым секретарям обкомов и начальникам УНКВД) в своих телеграммах. В них содержались не только стандартные формулировки типа «прошу вас наметить мероприятия по выполнению указанного решения ГОКО и о принятых мерах сообщить», но и нередко звучали более грозные мотивы: «виновные в непринятии мер будут привлечены к строжайшей ответственности»⁵⁸. Усилия местных управленческих структур, руководства предприятий по организации военного производства на всем протяжении войны, особенно в первый ее период можно даже признать более эффективными, чем распорядительно-координационная деятельность центра.

Однако главным фактором, обеспечившим функционирование в годы Великой Отечественной войны оборонно-промышленного комплекса, была ответственная работа директорского корпуса и самоотверженный труд рядовых заводских работников. Помимо того что на военных заводах сосредотачивались самые квалифицированные рабочие и инженерно-технические кадры, действовал жесткий административно-дисциплинарный механизм (продолжительность рабочего дня составляла 10–12 ч, выпуск бракованной продукции наказывался), наличие сознательного патриотического отношения к труду на предприятиях военной промышленности было самым высоким. Об этом свидетельствуют факты о социалистическом соревновании. На предприятиях наркоматов авиационной промышленности, вооружения, боеприпасов, судостроительной и танковой промышленности в соревновании участвовало подавляющее большинство саратовских производственных коллективов – более 70% рабочих и служащих⁵⁹. Именно на оборонных заводах обрели жизнь наиболее распространенные в годы Великой Отечественной войны формы соревно-

вания – движения двухсотников и комсомольско-молодежных бригад.

Тенденция к преимущественному развитию отраслей оборонно-промышленного комплекса в Саратовской области реализовывалась и в послевоенные десятилетия, использовался опыт и задел периода Великой Отечественной войны. В значительной мере ОПК вплоть до начала 1990-х гг. являлся основой экономики региона и определял многие стороны жизни на его территории. В 1950–1980-е гг. в Саратове, прежде всего, развивались наукоемкие производства (авиационно-ракетная техника, электроника, приборостроение), обеспечивавшие обороноспособность и реализацию космических программ СССР.

Примечания

- ¹ Лосик А. В., Мезенцев А. Ф., Минаев П. П., Щерба А. Н. Отечественный военно-промышленный комплекс в XX– начале XXI века (историография проблемы) : в 3 кн. Тамбов, 2008.
- ² Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы : темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 154.
- ³ См.: The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev / ed. J. By Barber and Harison. Hound mills, 2000.
- ⁴ См., например: Шевченко В. Н. Сибирский арсенал Победы. Становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008 ; Костин А. Г. Исторический опыт и проблемы развития оборонно-промышленного комплекса в 50–80-е гг. XX в. в областях Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007.
- ⁵ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2650. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.
- ⁶ Там же. Л. 4 ; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 30. Оп. 11. Д. 12. Л. 15.
- ⁷ Симонов Н. С. Указ. соч. С. 100.
- ⁸ Землянхун И. Я. Саратовский авиационный завод в годы Великой Отечественной войны // VII Краеведческие чтения (тез. докл. и сообщений). Саратов, 1995. С. 15.
- ⁹ ГАСО. Ф. 2650. Оп. 1. Д. 180. Д. 62.
- ¹⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1560. Л. 367.
- ¹¹ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941) : в 3 т. Т. 3, ч. 1 / под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов, 2006. С. 461.
- ¹² Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1976. С. 80.
- ¹³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3180. Л. 189.
- ¹⁴ Формально невоенные отрасли промышленности также обеспечивали в основном потребности вооруженных сил. Так, объем валового производства предприятий легкой промышленности Саратова в 1942 г. составил почти 52 млн руб., из которых продукция для потре-

- ния гражданского населения составила в сумме только 5,4 млн руб. (ГАСО. Ф. 2159, Оп. 10. Д. 32. Л. 19).
- ¹⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2735. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Д. 2737. Л. 34.
- ¹⁷ Там же. Д. 2315. Л. 94.
- ¹⁸ Там же. Д. 2464. Л. 80.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3180. Л. 189 (об) ; *Ванчинов Д. П.* Указ. соч. С. 47.
- ²¹ Крупные заводы были размещены также в Петровске (№ 251 НКСудпрома), Балакове (им. Дзержинского и № 661 НКСудпрома), в Баланде (резитехнических изделий). Базарном Карабулаке (№ 618 НКВ).
- ²² *Левин И. С.* Грозные годы. Саратов, 1984. С. 23.
- ²³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1–3.
- ²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 504. Л. 20, 37, 38; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1. Л. 30, 31.
- ²⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2938. Л. 21; Оп. 2. Д. 9. Л. 157.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 2650. Оп. 1. Д. 180, Л. 60–61.
- ²⁷ ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 13. Д. 32. Л. 4.
- ²⁸ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 726. Л. 16.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 22.
- ³⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 13. Л. 342.
- ³¹ ГАСО. Ф. 2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 22.
- ³² *Тельпуховский В. Б.* Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 11. С. 32; *Митрофанова А. В.* Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М., 1960. С. 328; Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917–1973). М., 1975. С. 367.
- ³³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2514. Л. 228–229.
- ³⁴ Там же. Д. 2490. Л. 66.
- ³⁵ Там же. Д. 2349. Л. 123.
- ³⁶ Там же. Д. 2307. Л. 244–245; Д. 2733. Л. 10; Д. 2753. Л. 21, 24.
- ³⁷ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3101. Л. 60.
- ³⁸ *Данилов В. Н.* Мобилизация и использование трудовых ресурсов в Саратовской области в период Великой Отечественной войны // VII Краеведческие чтения (тез. докл. и сообщений). Саратов, 1995. С. 3.
- ³⁹ ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 67. Л. 142.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2703. Л. 16, 17.
- ⁴¹ Там же. Л. 17.
- ⁴² *Данилов В. Н.* Мобилизация и использование трудовых ресурсов... С. 4.
- ⁴³ Коммунист (Саратов). 1942. 28 июля.
- ⁴⁴ ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 23. Л. 1–3.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2733. Л. 18–20.
- ⁴⁶ *Левин И. С.* Грозные годы. Саратов, 1984. С. 108.
- ⁴⁷ Очерки истории Саратовской организации КПСС : в 3 ч. Ч. 3. Саратов, 1982. С. 46–47.
- ⁴⁸ *Левин И. С.* Грозные годы. С. 120.
- ⁴⁹ ГАСО. Ф. 2485. Оп. 1. Д. 2018. Л. 14.
- ⁵⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2345. Л. 144–145.
- ⁵¹ Там же. Ф. 30. Оп. 15. Д. 23. Л. 8.
- ⁵² *Ванчинов Д. П.* Указ. соч. С. 94.
- ⁵³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3919. Л. 23.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 30. Оп. 29. Д. 22. Л. 46.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 27, Д. 39. Л. 45.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 2052. Оп. 13. Д. 14. Л. 17.
- ⁵⁷ Саратовская область за 70 лет Советской власти. Саратов, 1987. С. 91.
- ⁵⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3177, 3178.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 30. Оп. 15. Д. 23. Л. 61–67.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

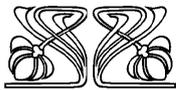
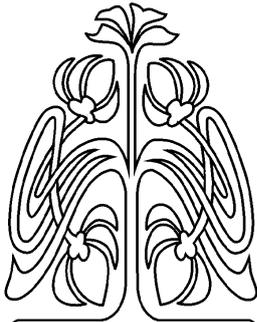
Рецензия на кн: Джон Т. Александер. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. / отв. ред. д-р. ист. наук В. Я. Мауль ; авторизован. пер. с англ., вступ. ст. и примеч. канд. ист. наук. И. В. Кучумова. Уфа : ИП Галиуллин Д. А., 2011.

Автором монографии, переведенной И. В. Кучумовым, является американский ученый Джон Т. Александер, специалист по истории России XVIII века. Монография была впервые опубликована в США в 1973 г. (дословный перевод ее названия: «Император казаков: Пугачев и Жакерия фронта 1773–1775 гг.»). Данная книга является в англоязычной литературе первым исследованием, специально посвященным истории пугачевского восстания. Монография написана по материалам опубликованных и неопубликованных источников, а также с использованием трудов русских и советских авторов о восстании Пугачева.

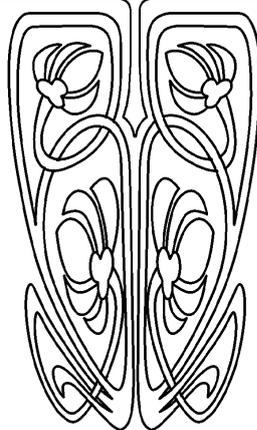
Следует иметь в виду, что Дж. Александер адресовал свою книгу широкому кругу читателей. Данным обстоятельством объясняется предельная сжатость справочного аппарата. Важно то, что автор ставит перед собой задачу популяризировать накопившиеся в исследованиях сведения о крупнейшем народном выступлении в России третьей четверти XVIII века, что само по себе заслуживает уважения. В то же время рецензируемая монография отличается высококвалифицированным подходом автора к решению своей задачи. Профессионализм Дж. Александера виден в его оценке источников. Так, в предисловии к монографии он отмечает трудности, с которыми он столкнулся при использовании материалов следствия над Пугачевым¹.

Американский исследователь, благодаря глубокому пониманию проблем, связанных с изучением пугачевского восстания, смог представить в данной работе его оценку в контексте мировой истории. Рассмотрение крестьянского восстания в России с этой точки зрения следует признать серьезным шагом в постижении его смысла. В данном контексте восстание Пугачева, по мнению Александера, занимает место среди выдающихся событий XVIII века. Большой интерес представляет высказывание автора монографии о том, что пугачевский бунт можно поставить в один ряд с революциями, охватившими Европу и Америку в последние десятилетия XVIII века (тут он имеет в виду Войну за независимость в Северной Америке (1775–1783) и Великую Французскую революцию). Восстание под предводительством Пугачева, по словам автора монографии, «по-своему подтвердило правоту утверждения» Екатерины II о том, что Россия является европейским государством. Александер уверен, что крестьянское восстание в России 1773–1775 гг. помогает понять европейскую историю XVIII века². Мало того, события Войны за независимость в Северной Америке, по его мнению, имеют общие сущностные черты с крестьянской войной в России. «Американская революция и восстание Пугачева, – пишет он, – обладают удивительным сходством: оба эти движения нанесли мощные удары по Старому режиму с его представлениями об общественном устройстве, основанном на привилегиях дворян»³.

Следует заметить, что автор монографии во многом опирался на труды не только дореволюционных русских историков, но и советских авторов. Поэтому вполне понятен его вывод о том, что движение под предводительством Пугачева «освещает события в тогдашней России снизу, как бы с точки зрения народных масс»⁴. Правда, он стремится подчеркнуть, что не склонен рассматривать все события в России XVIII в. только через призму общественных конфликтов – «классовой борьбы» (автор монографии заключает это понятие в кавычки как заимствование из лексики советских ученых. – А. М.). В то же время оценка значения этого восстания, указание на его сущность, сравнение

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

с крупнейшими социальными потрясениями в Европе и Северной Америке указывают на то, что Александр рассматривает события в России 1773–1775 гг., прежде всего, как социальное движение, по терминологии советских историков – как явление классовой борьбы. Называя восстание Пугачева движением, которое нанесло столь же мощный удар по старому режиму, как и Война за независимость, Александр, фактически, присоединяется к обозначению его характера, определенного в советской историографии как антифеодальное движение.

Подробное изучение хода этого восстания, процесса втягивания в движение различных слоев населения, распространения его на обширные территории привело Александра к выводу, который согласуется с точкой зрения многих советских исследователей: «Мятеж, начавшийся как бунт в защиту казацкой независимости, в финале превратился в настоящую войну...»⁵ Правда, автор монографии не прибегает к определению «крестьянская война», привычному в советской историографии. Вопрос о том, насколько понятие «крестьянская война» соответствует сущности событий 1773–1775 гг., продолжает оставаться актуальным для современных российских исследователей. Ю. Н. Смирнов поднимает эту проблему в своей недавней статье, однако определенного ответа на поставленный вопрос он не дает⁶.

Основательное знакомство с широким кругом источников и значительным комплексом исследований, посвященных восстанию, позволило автору монографии достаточно коротко и в то же время подробно осветить его основные события. Правда, в некоторых случаях заметно, что текст подвергался сокращению. В результате этого возникли некоторые неточности и неясности. Так, один из разделов главы VI, посвященной взятию Пугачевым Казани, носит название «Мечь Минеева» по имени одного из действующих лиц событий подпоручика Федора Минеева. Однако по содержанию раздела неясно, почему действия этого персонажа повествования можно назвать мечью, и кому он мстил⁷. В одном из разделов главы VII неожиданно упоминается «флот повстанцев», о существовании которого ранее ничего не сказано и нет пояснений, каким образом он возник и из каких судов состоял⁸.

Американский исследователь сумел сделать ряд ценных наблюдений и обобщений, которые достойны пристального внимания. Интересна оценка личности Пугачева, которую автор монографии дает в предисловии к своей книге. Отмечая тот факт, что и сама личность Пугачева, и многие эпизоды его биографии остаются неясными, американский исследователь отмечает, что «биографии народных героев, как правило, окружены ореолом тайны»⁹. В ходе дальнейшего изложения он замечает, что образ монарха в народном сознании в XVIII в. был «аморфным и неоднозначным». И это обстоятельство «облегчало восприятие Пе-

тра III в антигосударственном и антидворянском ключе»¹⁰. С другой стороны, характеризуя тот образ, который создал себе Пугачев, приняв имя императора, Александр подчеркивает, что его дуализм – «императора» и казака – «был отражением ситуации в рядах повстанцев»¹¹. Возможно, здесь следовало обратить внимание на то, что Пугачеву хотелось демонстрировать свою связь с народной средой. Будучи прирожденным лидером, он понимал, что это обстоятельство должно сыграть решающую роль в завоевании доверия как широких кругов казачества, так и других слоев трудового населения Российской империи.

Однако не все обобщения, предложенные Александром, можно признать справедливыми. Показывая расширение границ России и колонизацию вновь присоединенных территорий, на которые устремлялись беглые крестьяне, он пишет: «... процесс русской экспансии напоминал гигантскую облаву: на розыск беглых власти посылали своих чиновников»¹². В данном случае, Александр упрощает ситуацию, рисуя этот процесс односторонне.

Особого внимания заслуживает заключительная глава рецензируемой монографии. В ней содержатся наблюдения и выводы Александра по таким кардинальным вопросам, как определение характера движения под предводительством Пугачева и оценка его места в ряду важнейших политических событий XVIII–XX веков; выяснение целей, которые ставили перед собой повстанцы, и особенностей их идеологических установок. Рассмотрение этих проблем позволяет отнести книгу Александра к числу наиболее интересных исследований по теме о Пугачевском восстании. Как справедливо заметил Смирнов, интерпретация и дефиниция событий 1773–1775 гг. в России остается актуальной в современной историографии¹³. Александр в своих оценках характера восстания опирается на работы американских историков середины XX в., изучавших революцию как социальное явление XVIII–XX вв. и предложивших классификации событий такого характера. С точки зрения теории революции К. Бринтона, как пишет Александр, «... пугачевщину, возможно, следует считать неудавшейся революцией с элементами территориально-национального восстания»¹⁴. Еще более плодотворной, по мнению Александра, является оценка движения под предводительством Пугачева, которая дана Ч. Джонсоном. Он выделил шесть типов революций, и события в России 1773–1775 гг. относил к первому типу революций, каковым считал крестьянское восстание¹⁵. Александр приводит собственные аргументы, подтверждающие, с его точки зрения, оценку, данную Ч. Джонсоном¹⁶. Как видим, в представлениях американских историков понятие крестьянское восстание тесно связано с понятием революции.

Очень интересен раздел заключительной главы монографии, в котором Александр рассматри-

вает вопрос о том, почему крестьянское восстание в XVIII в. удалось подавить с помощью армии, которая комплектовалась из тех же крестьян¹⁷. Следует отметить, что советские историки не уделяли должного внимания этому вопросу, в то время как он является одним из самых важных для изучения причин неудач народных выступлений.

Александр пытается также найти ответ на вопрос, почему крестьянские восстания в России не были столь частыми явлениями, как можно было ожидать, учитывая тяжесть крепостного гнета для основного населения страны. Автор монографии находит объяснение этому в целом комплексе причин, как социально-экономического, так и социокультурного характера. В целом, этот комплекс причин можно охарактеризовать как отсутствие в России в XVIII в. элементов буржуазных отношений (правда, Александр не прибегает к этой формулировке). Объяснение недостаточной политической активности крестьянства и осознания необходимости изменения социального строя России у представителей других общественных слоев этим комплексом причин можно признать достаточно основательным. Однако, очевидно то, что Александр, рассматривая проявления протеста крестьянства и других социальных слоев в России, не выходит за рамки ограниченного периода с середины XVIII в. до начала XX века. Бурные события XVII столетия и начала XVIII в. остались за пределами его внимания. При изучении обозначенной автором монографии проблемы причин массовых движений против крепостничества следует рассматривать весь период существования крепостного права.

Публикация перевода монографии Александра является ценным вкладом в историографию восстания под предводительством Пугачева. Она

знакомит читателя с выводами и обобщениями талантливого исследователя этого сложного явления в истории России. Появление в печати данной работы Александра позволяет пополнить количество компетентных, основанных на источниках работ, посвященных народным движениям, которые в современной российской историографии, к сожалению, стали редким явлением.

Примечания

- ¹ Александр Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа, 2011. С. 13–14.
- ² Там же. С. 11.
- ³ Там же. С. 12.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 135.
- ⁶ Смирнов Ю. Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестн. Самарск. гос. ун-та. Гуманитарная сер. 2007. № 5/3 (55). С. 158–166.
- ⁷ Александр Дж. Т. Указ. соч. С. 111–116.
- ⁸ Там же. С. 133–134.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 38.
- ¹¹ Там же. С. 63.
- ¹² Там же. С. 16.
- ¹³ Смирнов Ю. Н. Указ. соч. С. 159.
- ¹⁴ Александр Дж. Т. Указ. соч. С. 152.
- ¹⁵ Там же. С. 153.
- ¹⁶ Там же. С. 154–156.
- ¹⁷ Там же. С. 158–159.

А. С. Майорова

ХРОНИКА

К 95-ЛЕТИЮ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Л. Н. Чернова

Саратовский государственный университет
E-mail: larisachernova@mail.ru

20–21 сентября 2012 г. в Саратовском государственном университете проходила международная научная конференция «Историческое прошлое и образы истории», посвященная 95-летию гуманитарного образования. Организаторами мероприятия выступили Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Саратовское отделение Российского общества интеллектуальной истории.

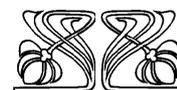
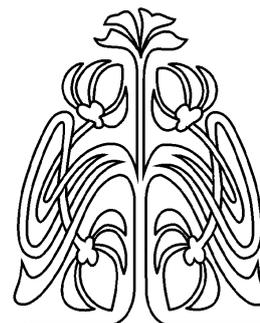
В конференции приняли участие специалисты из Испании (Университет Наварры, Памплона), Украины (Украинский католический университет), Республики Беларусь (Белорусский государственный педагогический университет), различных вузов и научно-исследовательских учреждений России – из Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Волгограда, Вологды, Воронежа, Казани, Красноярска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Ставрополя, Твери, Тобольска, Челябинска и других городов.

Торжественное открытие конференции состоялось 20 сентября в актовом зале Х корпуса СГУ. С приветственными словами к собравшимся в зале преподавателям, студентам, аспирантам обратились директор ИИиМО СГУ профессор Т. В. Черевичко, представитель министерства образования Саратовской области С. В. Березин, проректоры СГУ профессор Д. А. Усанов, Е. Г. Елина, Ю. Г. Голуб. Выступившие отметили, что гуманитарное образование в Саратовском университете, начавшись в 1917 году с образования историко-филологического факультета, прошло долгий и сложный исторический путь, и выразили надежду на дальнейшие успехи и научные достижения университетских гуманитариев.

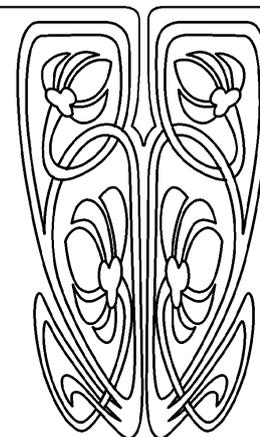
С большим интересом были заслушаны пленарные доклады доктора исторических наук, профессора, член-корреспондента Российской академии наук, президента Российского общества интеллектуальной истории, заместителя директора Института всеобщей истории РАН Л. П. Репиной и доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой отечественной истории в новейшее время ИИМО СГУ А. А. Германа.

А. А. Герман в докладе «Исторические образы и реальная история (на примере истории Республики немцев Поволжья)» продемонстрировал на примере истории Республики немцев Поволжья, как исторические образы, в том числе сфальсифицированные, воздействуют на реальную историю, зачастую определяя сам ее ход.

В докладе «Идеи и люди в контексте истории интеллектуальной культуры» Л. П. Репина поделилась своими размышлениями о таком сложном понятии, как «интеллектуальная культура», о статусе междисциплинарного направления «история интеллектуальной культуры» в пространстве современного социально-гуманитарного знания. Докладчик показала, что введение в активный научный оборот понятия «интеллектуальная культура» было тесно связано с той трансформацией, которую пережили история идей и интеллектуальная история в последней трети XX века. По мнению автора, комплексное историческое исследование интеллектуальной культуры должно ори-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ентироваться на решение трех взаимосвязанных задач: выявление специфических социальных контекстов и культурных ориентиров деятельности интеллектуалов; предметный анализ механизмов функционирования интеллектуальных сообществ разных типов и в разных сегментах интеллектуальной среды; рассмотрение комплекса проблем, связанных с формированием культурно-образовательной среды вокруг центров, которые институционализировались в разных странах в разное время и в различных исторических обстоятельствах. Наиболее перспективной Л. П. Репиной представляется синтетическая модель, в которой могут быть системно интерпретированы и идейное поле, сформированное интеллектуальными традициями, и результаты мыслительной деятельности, и способы их репрезентации, и коммуникативные практики интеллектуальных сообществ.

С большим энтузиазмом участники и гости конференции встретили презентацию изданий Российского общества интеллектуальной истории. Л. П. Репина рассказала лишь о некоторых, наиболее интересных, книгах. С ними и другими изданиями можно было ознакомиться на специально организованной выставке.

В ходе работы конференции заседали семь секций, на которых обсуждались разнообразные проблемы и аспекты интеллектуальной истории и шире – интеллектуальной культуры России и Запада: историческая память, способы, механизмы ее конструирования, фиксации, сохранения и трансляции; наследие интеллектуалов и интеллектуальных сообществ и его роль в репрезентации прошлого; проблема взаимоотношений власти, общества и человека в контексте истории и исторических образов.

В секции «Историческая память, история образов и представлений» были заслушаны доклады, посвященные гендерным аспектам идентичности и трансформации исторической и социальной памяти, вопросам формирования исторической культуры русского общества XIX в., конструирования образов русской, советской и зарубежной истории в историографии, прессе и поэзии. Так, заведующая лабораторией истории освоения Сибири Тобольской комплексной научной станции (Уральское отделение РАН) А. И. Тагарникова посвятила свой доклад «Образ сибирских «инородцев» на страницах местной периодической печати (по материалам газетной прессы Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в.)» вопросу о поиске оптимальных методов инкорпорации коренного населения Сибири в состав России, которая невозможна без обращения к историческому опыту межкультурного взаимодействия народов, проживающих на территории названного региона. Автор показала, что в сложном и противоречивом образе сибирского «инородца», рисуемом авторами газетных публикаций, находил отражение их личный опыт знакомства и

общения с коренными народами региона, а также сложившаяся в обществе практика отношения к сибирским аборигенам, система установок, коллективных представлений, носителями которых являлись публицисты.

В секции «Интеллектуалы, интеллигенция, интеллектуальные сообщества: прошлое и настоящее» были представлены доклады, охватывающие широкий спектр проблем: трансформация идей А. Тойнби в современных цивилизационных исследованиях, интеллектуалы эпохи Просвещения во Франции и в России, традиции научных сообществ – школ и кружков XIX – начала XX в., русская творческая и советская научно-педагогическая интеллигенция и власть. В частности, доцент О. В. Воробьева, руководитель Центра сравнительной истории и теории цивилизации Института всеобщей истории РАН, в докладе «А. Дж. Тойнби и современные цивилизационные исследования» пришла к выводу о том, что современные процессы межкультурного взаимодействия требуют отказа от некоторых упрощенных схем, в рамках которых рассматривается проблема диалога, и перехода к более гибкому и подвижному образу мира.

Профессор Волгоградского государственного университета Н. В. Кузнецова в докладе «Власть и научно-педагогическая интеллигенция вузов Нижнего Поволжья в 1945–1953 гг.» сосредоточила внимание на таких формах воздействия власти на научно-педагогических работников во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., как включение их в номенклатуру партийных и советских органов власти; расширение партийной прослойки в вузах; регулирование национального состава преподавателей; проверки учебных заведений специальными комиссиями; сбор компрометирующих материалов на представителей вузовской интеллигенции.

Секция «Власть, общество, человек: история и образы в истории» объединила доклады, тематически связанные с ретроспективным анализом экономической, социальной, политической практики конца XVIII–XX в. в региональном измерении (Нижнее Поволжье, Автономии немцев Поволжья, Северо-Западный край),

Участники секции «Средневековье и Новое время в истории и историографии» презентовали разнообразные по тематике доклады, связанные с важнейшими направлениями интеллектуальной истории: конструирование, фиксация и трансляция исторической памяти; образы истории и образы персонажей (героических типов, правителей, средневековых и ренессансных интеллектуалов) в истории; гендерная идентичность и судьбы женщин в средние века и новое время.

Большой интерес у слушателей вызвал доклад профессора Северо-Кавказского федерального университета И. А. Красновой «Память рода в пространственном измерении: по семейным книгам флорентийских горожан», в котором автор

показала, что в семейных книгах, адресованных бесконечной череде ближайших и отдаленных потомков, воспроизводилась история рода: часто в виде простой регистрации дат свадеб, рождений и смертей представителей фамилии, но в некоторых случаях она выливалась в сложное повествование, наполняясь, в зависимости от описываемых обстоятельств или лиц, эпическим или драматическим звучанием. В том случае, если этот вид меморий включал в себя элементы хроники или дневниковых записей, регистрирующих политические события, то охватываемое им пространство расширялось, выходя за пределы Флоренции, Тосканы, даже в ряде случаев Италии. В семейной книге всегда была представлена идентификация рода в двух пространственных измерениях – за пределами городских стен, откуда могли проследиваться истоки фамилии, и внутри стен Флоренции.

В секции «Urban Studies: история, современность и перспективы» были представлены доклады, посвященные формированию культурного наследия и социокультурного облика российских городов, а также историографическим аспектам истории русского и западного города XIV–XVII вв.

Докладчики, собравшиеся в секции «История культуры, религии, образования», обсудили круг вопросов, связанных с организацией музейного дела, школьного и вузовского образования, ролью музеев и образовательных учреждений в культурной жизни российских городов и губерний в XIX–XX вв., с повседневной жизнью студентов в XX– начале XXI в.

Особенно хотелось бы выделить доклад кандидата биологических наук Е. Ю. Жаровой (Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского) «Повседневная жизнь студента-биолога в начале XX и XXI вв.: сравнительный анализ». Автору удалось доказать, что повседневная жизнь студента-биолога в начале XX в. мало отличалась от жизни современных студентов – лекции и практические занятия, научные кружки, в которых участвовали немногие, научные экскурсии (ботанические, географические, зоологические), работа в лаборатории, занятия в библиотеке, чтение книг, поиск работы и жилья. И, тем не менее, сто лет, разделяющих культуру студенчества, наделили современных студентов иными ценностями и смыслами. Это не значит, что они хуже или лучше. Они просто другие – это новое поколение студенчества с особой культурой повседневности.

В секции «Россия и мир: политика и международные отношения» были заслушаны доклады по узловым проблемам международных отношений 1914–1939 гг. и современного мира, включая различные аспекты функционирования Евросоюза, политики США в отношении России, Украины и стран Латинской Америки.

В ходе конференции состоялся диалог представителей гуманитарного сообщества из разных стран и городов России, способствовавший обмену научной информацией и установлению научных и межличностных контактов.

По итогам конференции планируется издание сборника статей «Историческое прошлое и образы истории».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамова Людмила Геннадиевна, аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: adamovalg@mail.ru

Бабинцев Роман Владимирович, аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: roman_alany@mail.ru

Бурашникова Александра Борисовна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: burashnikova.a.b@yandex.com

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Gladav2002@mail.ru

Гузевич Дмитрий Юрьевич, кандидат технических наук (по истории науки и техники), сотрудник Центра изучения России, Кавказа и Центральной Европы Школы высших социальных исследований, Париж (CERCEC EHES, Paris). В России: эксперт Международного фонда имени Д. С. Лихачева, член Совета Института Петра Великого. E-mail: gouzevit@ehess.fr

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: daniilovvik@yandex.ru

Калякина Александра Викторовна, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Kalyakinaav@gmail.com

Киреева Карина Михайловна, аспирант кафедры всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. E-mail: kire-karina@yandex.ru

Красанцов Евгений Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Krasancov.evgeny@gmail.com

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: lapenkomv@mail.ru

Лапырёнок Роман Викторович, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: lapyrionok@mail.ru.

Лёвин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета. E-mail: Serg. Lewin@yandex.ru

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: majorova-as@mail.ru

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: mnogolet@bk.ru

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: morozovaen@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, документовед кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Сачкова Галина Сергеевна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе Дмитровского профессионального колледжа (Московской области), соискатель учёной степени кандидата исторических наук кафедры истории России Саратовского государственного университета. E-mail: Ski_gale@mail.ru

Сидорович Егор Сергеевич, соискатель института истории Украины Национальной академии наук Украины. E-mail: eg.sidorovitch@yandex.ua

Соловьева Татьяна Андреевна, аспирант кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: civilrus@mail.ru

Старков Олег Александрович, аспирант кафедры философии и политологии Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. E-mail: olegstarkov87@mail.ru

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: larisachernova@mail.ru

Штепа Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, докторант Московского педагогического государственного университета. E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Adamova Ludmila Gennadjevna, postgraduate student of the History of Russia Chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: adamovalg@mail.ru

Babintsev Roman Vladimirovich, postgraduate student of the chair of Historiography, Regional history and archaeology in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: roman_alany@mail.ru

Burashnikova Alexandra Borisovna, postgraduate student at Chair of the International relations and foreign policy of Russia. E-mail: burashnikova.a.b@yandex.com

Chernova Larisa Nikolayevna, History Doctor, Professor of the Medieval History Chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: larisachernova@mail.ru

Danilov Victor Nikolaevich, History Doctor, professor, Department head of Historiography, Regional history and Archeology in the Institute of History and international relations of Saratov State University. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Gladishev Andrey Vladimirovich, History Doctor, Professor of Modern and Contemporary History chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Gladav2002@mail.ru

Guzevich Dmitriy Yurievich, PhD (on the history of science and technology), member of the Center for the Study Russia, the Caucasus and Central Europe in the School of Advanced Social Studies in Paris (CERCEC EHES, Paris). In Russia: Expert of the International Foundation named after D. S. Lihachev, member of the Board in Institute of Peter the Great. E-mail: gouzevit@ehess.fr

Kalyakina Alexandra Viktorovna, a postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Kalyakinaav@gmail.com

Kireeva Karina Mihaylovna, postgraduate student of the World History, Historiography and Archeology Chair of Penza State Pedagogical University named after Belinski. E-mail: kire-karina@yandex.ru

Krasantcov Evgenii Sergeevich, graduate student of International Relations and Russian Foreign Policy at the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Krasantcov.evgeny@gmail.com

Lapenko Marina Vladimirovna, History PhD, Associate Professor of International Relations and Russian Foreign Policy at the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lapenkovm@mail.ru

Lapyrionok Roman Viktorovitch, History PhD, competitor of the Ancient History chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lapyrionok@mail.ru.

Lyovin Sergey Vladimirovich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of History in the Balashov Institute of Saratov State University. E-mail: Serg. Lewin@yandex.ru

Mayorova Alla Stepanovna, History PhD, Associate Professor of the History of Russia Chair in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: mayorova-as@mail.ru

Mnogoletnaya Elena Nikolayevna, a History PhD, a senior lecturer of the Medieval History chair in Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mnogolet@bk.ru

Morozova Elena Nikolajevna, History Doctor, Professor of the chair of Contemporary Russian History in the Institute of History and International Relations, N. G. Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: morozovaen@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, History PhD, documentologists of the cathedra History of Russia in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail RabinovichYN@yandex.ru

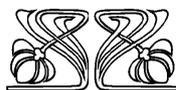
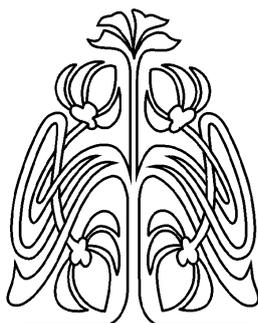
Sachkova Galina Sergejevna, a deputy director for education and upbringing work at the Dmitrov professional college (Dmitrov, Moscow region). An applicant for the degree of a candidate of historical Sciences of the Chair of the History of Russia Saratov State University. E-mail: Ski_gale@mail.ru

Shtepa Alexey Vladimirovich, History PhD, associate professor Associate Professor of Russian history Kaluga State University. K. E. Tsiolkovsky doctoral student of Moscow State Pedagogical University. E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

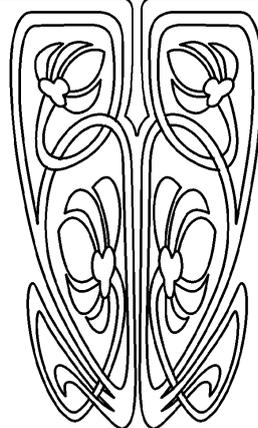
Sidorovich Egor Sergeevich, seeker of Institute of History of Ukraine, National academy of science of Ukraine. E-mail: eg.sidorovitch@yadex.ua

Soloviova Tatiana Andreevna, the postgraduate student of the chair of Russian civilization and methods of teaching History in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: civilrus@mail.ru

Starkov Oleg Aleksandrovich, aspirant of department of philosophy and politicalology Saratov Social Economic Institute of Plekhanov Russian Economic University. E-mail: olegstarkov87@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на II полугодие 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.